РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(85)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия и украинский кризис
Russia and the Ukrainian Crisis

Российский вариант социального государства
The Russian Version of Social Welfare State

Вертикаль власти и социальный контракт
The Vertical of Authority and Social Contract

Первая мировая война: Осмыслить заново
World War I: Need of Rethinking

Пятидесятники: Истоки диссидентства в СССР
Pyatidesyatniki: The Roots of the Dissident Movement in the USSR

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2014

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2014. – ISSN 1726–5223. – № 4 (85). – 255 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Д.В. Ефременко
Смена вех: Россия и украинский кризис 6

Н.И. Кутепова
Современный этап эволюции социального государства: Факторы, противодействующие демонтажу 29

Ю.А. Нисневич
Политико-правовой концепт современного демократического государства 40

П.И. Толмачёв
Внешнеэкономические факторы инновационного развития России 53

Ф.О. Трунов
Россия – ФРГ: Взаимодействие в урегулировании военно-политических кризисов при правительстве Г. Шрёдера 68

ИСПЫТАНИЕ УКРАИНОЙ

Л.С. Косикова
Украинский кризис и его экономические последствия для России 81

В.Н. Бабенко
Украинская государственность: Испытание историей и политикой 96

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

D.V. Yefremenko
The Change of Guidelines: Russia and the Ukrainian Crisis 6

N.I. Kutepova
The Current Stage of the Social Welfare State Evolution: Factors Preventing Its Reversal 29

Yu.A. Nisnevich
A Political and Legal Concept of Modern Democratic State 40

P.I. Tolmachev
External Economic Factors of Russia's Innovative Development 53

F.O. Trunov
Russia – FRG: Cooperation in the Regulation of Military-Political Crises during the G. Schroeder Government 68

THE TRIAL BY UKRAINE

L.S. Kosikova
The Crisis in Ukraine and Its Economic Consequences for Russia 81

V.N. Babenko
Ukrainian Statehood: On Trial by History and Politics 96

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова
Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества 108

Г.Б. Орланов
Трансформация властно-управленческой вертикали: Социологический анализ 124

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.М. Шевырин
К осмыслению Первой мировой войны 134

Л.П. Муромцева
Первая мировая война в памяти российской эмиграции 155

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Е.Е. Шестакова
Долгосрочный уход за пенсионерами: Опыт стран ОЭСР 166

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Борко
Пятидесятники 178

Д.В. Мельник
«Ленинградское дело» и советская политэкономия 202

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

R.Kh. Simonyan, T.M. Kochegarova
The Traumatic Experience of the 1990's as a Lesson for the Russian Society 108

G.B. Orlanov
The Transformation of the Power Management Vertical: A Sociological Analysis 124

WORLD WAR I: 100 YEARS AGO

V.M. Shevyrin
Thinking over World War I 134

L.P. Muromtseva
World War I in the Memory of Russian Emigrants 155

COMMUNICATIONS, REFLECTIONS, COMMENTS

Ye.Ye. Shestakova
Long-Term Care for Pensioners: The Experience of the OECD Countries 166

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

Yu.A. Borko
The Pyatidesiatniki 178

D.V. Melnik
The «Leningrad Case» and Soviet Political Economic Science 202

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

В.А. Росов
И.К. Окулич – патриот Сибири 216

Г.С. Голицын
Поездка в США в 2008 г. 225

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Хендерсон Д., Аппельбаум Р., Хо С.И.
Глобализация с китайскими чертами 228

Свонайкер Ф.
Экономический подъем Африки 233

Хай М.
Космология свободы и буддистская трансформация личности при золотой лихорадке в Монголии 238

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 241

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2014 г. 248

FACTS. EVENTS. PEOPLE

V.A.Rosov
I.K. Okulich – A Patriot of Siberia

G.S. Golitsyn
A Trip to USA in 2008

ESSAYS. DIGESTS

Henderson J., Appelbaum R., Ho S.Y.
Globalization with Chinese Characteristics

Swaniker F.
Africa's Rising Economies

High M.
Cosmologies of Freedom and Buddhist Self-Transformation in the Mongolian Gold Rush

SUMMARIES

CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2014

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Д.В. Ефременко

СМЕНА ВЕХ: РОССИЯ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, заместитель директора ИНИОН РАН.

Революция Евромайдана, возвращение Крыма в состав России и вооруженный конфликт в Донбассе стали основными вехами первого международного кризиса, разразившегося в Европе в XXI в. Украинский кризис еще очень далек от своего завершения, но его последствия уже позволяют говорить как о необратимых изменениях мирового порядка, так и о преодолении важнейшей развилки в истории современной России. Кризис становится рубежом и с точки зрения трансформации всего постсоветского пространства, установления нового баланса сил и влияния в Северной Евразии.

К вопросу о сферах влияния

Вне всякого сомнения, одним из важнейших аспектов украинского кризиса является борьба за сферы влияния. По сути дела, вопрос здесь состоит в уместности рассмотрения всего постсоветского пространства или какой-либо его части в качестве исключительной сферы влияния России или зоны ее жизненно важных интересов.

Хотелось бы начать с общей констатации: сферы влияния и – тем более – сферы жизненно важных интересов крупных государств продолжают существовать, несмотря на все попытки объявить их безнадежным анахронизмом. Однако само содержание понятия «сфера влияния» существенно меняется. Нахождение государства в чьей-либо сфере влияния означает ограничение в той или иной степени его суверенитета. Современная ситуация характеризуется тем, что наибольшей полнотой суверенитета обладают США, но другим государствам приходится уступать его, как правило, не напрямую США, но структурам, как будто представляющим (чаще на секторальном уровне) «концерт держав». Вопрос о том, кому в этом концерте принадлежит первая скрипка, остается риторическим. Нюансы проявляются в различных версиях

обоснования мирового порядка, характеризующегося иерархией суверенитетов. Например, З. Бжезинский заявляет вполне откровенно: «Америка должна задавать тон в построении такого мира, который бы в меньшей степени уповал на химеру государственного суверенитета и в большей – ориентировался на неуклонно возрастающую и политически регулируемую взаимозависимость» [1, с. 23]. Более мягкое обоснование предлагают представители английской школы исследований международных отношений: после завершения холодной войны сформировался новый концерт держав, который, однако, не столько стремится к поддержанию равновесия системы, состоящей из отдельных государств, сколько к обеспечению общего мира и процветания. Группа гегемонистских государств осуществляет управление международной системой, организует интервенции, устанавливает стандарты цивилизованного поведения и прав человека [16, с. 79–82].

Можно сказать, что внешняя политика постсоветской России вплоть до украинского кризиса была, во-первых, ориентирована на вхождение в этот клуб гегемонистских держав. Сам украинский кризис во многом был обусловлен тем, что Россия в этот клуб так и не была допущена. Во-вторых, российские претензии на особую роль в странах постсоветского пространства в значительной степени обосновывались ссылками на те же самые функции, которые якобы только одна Москва и способна выполнять в странах бывшего СССР.

Значительная концентрация экономического могущества, военной мощи, культурного влияния и т.д., характерная для ряда государств, имеет пространственную проекцию, выходящую за их пределы. По сути, это объективная основа для признания того или иного географического ареала сферой влияния какого-либо государства, особенно если территория последнего сама располагается внутри данного ареала [см.: 5, с. 3–5]. Однако в современных условиях едва ли можно говорить о тотальной гегемонии. Конкуренция за влияние является повсеместной, она имеет многообразные формы, а участниками ее становятся уже не только национальные государства или межгосударственные объединения, но и негосударственные акторы. В этом контексте постсоветское пространство следует рассматривать как российскую сферу влияния, которое после распада СССР оспаривается в разных формах и разными способами другими акторами международных отношений. Эти акторы вне всякого сомнения осознают, что они участвуют в борьбе за изменение баланса сил на пространстве, которое и в силу объективных факторов, и исторически является именно российской сферой влияния. Для российских лидеров в свою очередь было достаточно очевидно, что влияние Москвы на этих территориях будет и дальше оспариваться; довольно долго российское руководство пыталось ввести геополитическое соперничество в определенные рамки, позволяющие избежать критического ущерба для российских

интересов, и в то же время найти наиболее эффективные пути сохранения позиции регионального гегемона на пространстве бывшего СССР.

На протяжении большей части постсоветской истории доминирующей тенденцией была эрозия российского влияния в Северной Евразии. Содружество Независимых Государств вполне успешно справлялось с задачами «механизма цивилизованного развода», тогда как возложенные на СНГ функции межгосударственной кооперации, по сути, оказывались блокированными в силу разных причин теми или иными участниками этого объединения. По оценке И. Кобринской, не более 10% из более чем 1500 договоров и соглашений, заключенных в рамках СНГ начиная с 1991 г. по начало XXI в., были доведены до стадии реализации [9, с. 14–15].

Значимые изменения в процессах межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве произошли на исходе первого десятилетия XXI в., когда в активную фазу перешло формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. Фактически впервые с 1991 г. наметилась смена тренда. Будет, конечно, слишком смелым сказать, что дезинтеграцию и строительство национальных государств сменил объединительный бум. Центробежные тенденции никуда не исчезли, но начали работать факторы, способствующие переходу ядра постсоветского пространства к более продвинутым механизмам многостороннего экономического сотрудничества, создав, таким образом, и мощную центростремительную динамику.

Создание Таможенного союза и формирование Единого экономического пространства в составе России, Белоруссии и Казахстана рассматриваются обозревателями как проект, шансы на успех которого уже не равны нулю. Эксперты отмечают хорошую организационную и инструментальную подготовку инициативы создания Таможенного союза, ориентацию на стандарты ВТО, заимствование доказавших свою эффективность институциональных практик ЕС, а также прагматическую ориентацию, пришедшую на смену прежним рассуждениям об «общих ценностях и истории» [2; 6].

Успехи в продвижении интеграционных инициатив на постсоветском пространстве с неизбежностью требовали прояснения того геополитического и геоэкономического выбора, который предстояло сделать Украине во втором десятилетии XXI в. Не вызывало также никаких сомнений, что стабильность и перспективы развития постсоветского пространства напрямую будут зависеть от нахождения устойчивой формулы российско-украинского партнерства. До начала украинского кризиса оптимальный сценарий применительно к этой стране мог бы состоять в ее нахождении во втором эшелоне постсоветской интеграции. Даже при условии сохранения власти в руках Виктора Януковича гипотетическое вхождение Украины в Таможенный союз, ЕЭП и далее – в Евразийский экономический союз могло бы значительно ослабить

интеграционный импульс под эгидой России. В случае же смены власти в Киеве (что и произошло в феврале 2014 г.) вновь формирующиеся экономические объединения могли бы оказаться на грани распада. Например, один из прогнозов украинского геополитического выбора, обнародованный в 2012 г., предполагал, что в перспективе через один-два года лет после присоединения Украины к ТС вероятно возникновение кризиса этого интеграционного объединения из-за особой позиции Киева и его постоянных попыток добиться из общих правил исключений, формальным обоснованием которых будет внеблоковый статус Украины [3].

К сожалению, действия как украинских политических сил, так и внешних игроков – России, Евросоюза и Соединенных Штатов – привели эту страну к дестабилизации и состоянию полураспада. Как известно, Виктор Янукович после избрания президентом Украины в феврале 2010 г. весьма решительно пошел по пути восстановления отношений с Москвой, заключив вместе с Дмитрием Медведевым харьковские соглашения о продлении на 25 лет срока базирования в Севастополе российского Черноморского флота и о 30%-ном снижении цены на российский газ. Однако и харьковские соглашения, и последовавшее вскоре принятие Верховной радой закона о внеблоковом статусе Украины свидетельствовали, главным образом, о стремлении команды Януковича вернуться к традиционной украинской политике балансирования между Россией и Западом. В этот момент российская сторона, по всей видимости, иначе истолковала мотивы поведения украинских властей и возможности давления на них. Сначала в вопросе о судьбе украинской газотранспортной системы, а затем и по более широкому кругу проблем российско-украинских отношений была сделана ставка на использование всех тактических и стратегических преимуществ, которыми располагали российские переговорщики. Судя по всему, такой прессинг был воспринят наиболее влиятельными украинскими олигархическими группами, одну из которых возглавлял сам Янукович, как несомненная угроза их долгосрочным бизнес-интересам. И хотя во внутренней политике и в борьбе с оппонентами украинская власть довольно успешно применяла многие методы власти российской, во внешней политике Киева возобновился дрейф в сторону Брюсселя. Тем самым Янукович и его основная опора в Верховной раде – Партия регионов – ввязались в исключительно рискованную политическую игру.

О роли личности в истории украинского кризиса

Украинский кризис, конечно, имеет объективные причины, к числу которых относятся и сохраняющаяся инерция распада СССР, и мины в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве, заложенные еще в советское время, и реалии постбиполярного мира. Но экстраординарное

значение приобрел и личностный фактор. Роль президента России Владимира Путина в решающие моменты кризиса была ключевой. Еще «оранжевая революция» 2004 г. рассматривалась российским лидером как геополитический вызов и модель дестабилизации политического режима, которая при благоприятных обстоятельствах, если им позволить сложиться, может быть перенесена и на отечественную почву. Последующее развитие событий показало, что Украина становится для Путина пространством одного из решающих в его политической судьбе противоборств. Ни для кого из других внешних акторов Украина никогда подобного значения не имела. Тем не менее мало кто ожидал от российского президента столь решительного перехода от вязкой позиционной борьбы к игре на повышение ставок. При этом, однако, путинскую политику на Украине имеет смысл рассматривать именно как активную контригру, как готовность путем концентрации имеющихся в распоряжении ресурсов и неожиданных ходов переломить неблагоприятные изменения в геополитической и цивилизационной ориентации Украины.

Вместе с тем следует с большой долей осторожности отнестись к суждениям о предопределенности действий российского президента, о том, что они обусловлены внутренней логикой консолидации авторитарного режима [см., например, 15]. Охранительные мотивы российской политики в отношении Украины сомнений не вызывают. В Кремле со всей серьезностью относятся к «методам социальной инженерии», которые целенаправленно использовались на Украине такими структурами как американский Национальный фонд поддержки демократии для дестабилизации режима Виктора Януковича [12].

Однако более детальный анализ политических шагов Владимира Путина в период его третьего президентского срока выявляет намного более нюансированную картину, свидетельствующую не только о намерениях более жестко отстаивать геополитические интересы, как их понимают в Кремле, но и о стремлении создать почву для восстановления конструктивного диалога с Западом. Во всяком случае, об этом говорят и освобождение Михаила Ходорковского, и в особенности усилия, направленные на создание положительного имиджа России как страны – хозяйки XXII зимних Олимпийских игр. Вполне вероятно, что совпадение по времени сочинской Олимпиады, столь значимой для Путина, и смены власти в Киеве воспринималось особенно болезненно, поскольку, с одной стороны, триумф организаторов спортивного праздника оказался явно перекрыт победой Евромайдана, а с другой – именно в этот момент у российского руководства были связаны руки. После феерической церемонии закрытия игр Кремлю как будто уже ничего не оставалось, кроме признания нового порядка на Украине. Насколько можно судить, именно к такому признанию настойчиво подталкивали российское руководство лидеры Соединенных Штатов и Евросоюза, при этом не обещавшие никакого содействия в учете российских интересов украинской

стороной. В эти же дни переформатированное большинство Верховной рады и переходное правительство в Киеве работали в режиме «взбесившегося принтера», печатая одно за другим решения, очень быстро поставившие под вопрос саму украинскую государственность. Такими решениями, безусловно, стали попытка отмены языкового закона Колесниченко–Кивалова и расформирование подразделений спецназа МВД «Беркут». За ними должен был последовать пересмотр внеблокового статуса Украины и харьковских соглашений.

Выбор Путиным курса на воссоединение Крыма и России, безусловно, оказался спровоцирован переворотом в Киеве и ожиданиями его тяжелейших геополитических последствий. Но в какой степени это решение было спонтанным? Как отмечает финская исследовательница К. Пиннониеми, последовательность событий и реакций на них дает основания ряду аналитиков рассматривать действия российского руководства как «сочетание импровизации и нелинейной логики процесса принятия политических решений, которая не может быть выведена только из хорошо определенных принципов и целей» [13]. Согласно этой трактовке, поведение Кремля в ходе украинского кризиса с трудом поддается прогнозированию, поскольку решения принимаются не только в парадигме рационального выбора; во многом они определяются опасениями, эмоциями и индивидуальным опытом лица, принимающего соответствующие решения.

Российскую политику в ходе украинского кризиса, в самом деле, можно характеризовать как последовательность решений, исход и направленность которых отнюдь не предрешены. Но следует принимать во внимание и другие факторы, дающие основания рассматривать все предыдущие годы лидерства Владимира Путина как подготовку к переходу крымского Рубикона. Временной интервал между двумя наиболее известными внешнеполитическими заявлениями Путина – выступлением на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. и Крымской речью 18 марта 2014 г. – был периодом окончательного разочарования в возможности достижения равноправного партнерства в отношениях с США и ЕС. По мере роста этого ощущения крепла убежденность в неотвратимости кризиса в отношениях с Западом, причем наиболее вероятным ареалом обострения считалась именно Украина. Правда, основные ожидания начала открытой конфронтации фокусировались на 2015 г., когда на Украине должны были состояться очередные президентские выборы. Очевидно, что именно к этому событию как моменту решающей схватки готовились не только Кремль, но и Запад, прежняя украинская власть и ее противники. Пост киевского журналиста Мустафы Найема, который через социальные сети призвал сторонников европейского выбора Украины выйти на Майдан Незалежности, перечеркнул эти расчеты.

Неконтролируемое развитие событий на Украине казалось потоком, направление которого уже никому изменить не под силу. Путин на это

решился, противопоставив воле Евромайдана волю поборников русского ирредентизма. Даже если он руководствовался преимущественно геостратегическими расчетами, присоединение Крыма и начало конфликта в Донбассе стали необратимыми шагами в отношениях не только с Украиной и Западом, но и в отношениях между властью и обществом внутри России.

Установление российского суверенитета над Крымским полуостровом предсказуемо получило широкую общественную поддержку, подняв до небывалых высот президентский рейтинг. То, что до начала марта было только делом Владимира Путина, в считанные недели стало общим делом и общей ответственностью власти и общества. Подъем ирредентизма обеспечил полную перезагрузку легитимности третьего срока Путина; страница новейшей российской истории, связанная с политическими протестами на Болотной площади и проспекте Сахарова, оказалась перевернутой. Власть получила карт-бланш на переход к мобилизационной модели развития, хотя нет достаточной уверенности, что российское общество, столкнувшись с тяготами миссии «русского мира», останется столь же сплоченным, как в момент крымской эйфории. Вместе с тем сформировался мощный общественный запрос на продолжение всесторонней поддержки миллионов русских и русскоязычных людей за пределами российских границ, о которой заявил президент Путин в Крымской речи. Необходимость соответствовать этому запросу становится фактором, если и не детерминирующим российскую внешнюю политику, то, во всяком случае, очерчивающим пределы компромиссов в отношении Украины. Из самого запроса на солидарность с «русским миром» могут вырасти новые силы и фигуры, способные в будущем изменить российский политический ландшафт.

В то же время для части политических и экономических элит России возвращение Крыма стало подобием «белого слона». Им ничего не оставалось, как присоединиться к дискурсу «Крым наш», тщательно скрывая при этом растерянность и опасения за собственное будущее. После мартовских торжеств по случаю присоединения Крыма и Севастополя и по мере введения Западом новых санкций скрытое давление этих элит значительно возросло. Путинская вертикаль власти, которую в последние годы российский лидер готовил и к противостоянию с Западом (так называемая национализация элит), функционировала весьма эффективно на крымском этапе украинского кризиса и несколько менее эффективно – на этапе «новороссийском». Но российский персоналистский режим отличается структурной уязвимостью, компенсируемой жестким контролем со стороны лидера. Ослабление позиций лидера создает угрозу системе власти в целом. В этом контексте западные санкции, призванные нанести удар по ближайшему окружению Владимира Путина, не кажутся такими уж символическими.

Нет сомнений, что в обозримом будущем именно за Путиным останется последнее слово в формировании украинской политики России. Но теперь он будет вынужден учитывать не только давление Запада и разноречивые сигналы российских элит, но и набирающие силу ирредентистские настроения. Эти разноречивые факторы уже оказывают влияние на процесс принятия решений в Москве; их учет необходим при рассмотрении сценариев дальнейшего развития и урегулирования украинского кризиса.

Варианты политического урегулирования

Хотя общие контуры урегулирования, позволявшего найти выход из геополитического противостояния или, по крайней мере, снизить его остроту до приемлемого для большинства вовлеченных в него сторон уровня, были очевидны едва ли не на следующий день после бегства Януковича, на протяжении длительного времени ни один из ведущих игроков украинской драмы не решился артикулировать готовность пойти на такой компромисс. Суть компромисса описывается хорошо знакомым термином «финляндизация». Именно о финляндизации как об оптимальном выходе из кризиса писали Збигнев Бжезинский [4] в первые дни после переворота в Киеве, а Генри Киссинджер [8] – накануне присоединения Крыма к России. Финляндизация в их трактовке означала установление уважительных отношений добрососедства, неприсоединение Украины к военным альянсам и, напротив, интенсивное развитие экономического сотрудничества как с ЕС, так и с Россией. От России же требовалось признание свершившихся перемен, отказ от претензий на какие-либо части украинской территории и от попыток дестабилизировать новую власть в Киеве. В качестве дополнительного бонуса для Москвы также предлагалось полномасштабное развитие сотрудничества с Евросоюзом.

В принципе, финляндизация Украины – это примерно то, что могло бы произойти, если бы европейские лидеры не настаивали на безоговорочном подписании Украиной соглашения об ассоциации и свободной торговле в Вильнюсе, а прислушались к призывам Москвы найти в формате трехсторонних переговоров взаимоприемлемое решение[1]. В этом случае Россия не чувствовала бы себя изолированной в результате привязки соседней страны

1. Менее года спустя, когда Украина уже заплатила за евроинтеграционные устремления свержением легитимной власти, тысячами убитых и раненых, сотнями тысяч беженцев, утратой части территории и экономическим коллапсом, именно этот трехсторонний формат стал реальностью, причем результатом переговоров представителей России, Украины и ЕС оказалась более чем годичная отсрочка вступления в силу экономических положений договора о зоне свободной торговли. Иначе говоря, новая украинская власть фактически повторила тот же самый маневр, который стоил Виктору Януковичу президентского поста.

к альтернативному интеграционному проекту, а сама Украина, сполна используя преимущества эксклюзивных отношений с Россией, чуть с меньшей скоростью продолжала бы дрейф в сторону Евросоюза. Так или иначе, но финляндизация означает постепенный вывод Украины за пределы «русского мира».

Сразу же после победы Евромайдана финляндизация оказалась значительно менее привлекательной опцией как для пришедших к власти противников режима Януковича, так и для Кремля. Для первых нетерпимой и противоречащей революционному мандату была сама возможность даже частичного признания неких особых интересов Москвы на Украине. Что касается Кремля, то для него финляндизация до переворота 22 февраля 2014 г. означала бы вынужденное признание очередного *fait accompli*, причем смириться предстояло не только с необходимостью вести дела с новым недружественным правительством, но и с насильственной сменой законной, хотя и предельно коррумпированной власти.

Российский вариант политического урегулирования на Украине, наряду с сохранением ее внеблокового статуса, предполагал федерализацию и конституционные гарантии использования русского языка. Объективно федерализация никак не противоречит либерально-демократическому вектору развития Украины (т.е. идеалам, изначально декларированным Евромайданом), более того, способствует его закреплению на уровне взаимодействия между центральной властью и регионами. Однако при этом федерализация становится преградой для диктата этнонационализма, побуждая к закреплению на конституционном уровне прав и баланса интересов различных территориальных общин, этнических и языковых групп. А это уже напрямую противоречит радикально-националистическим установкам, ставшим доминантой программы Евромайдана накануне свержения режима Януковича.

Преобразование Украины в федеративное государство, в котором регионы будут влиять на решение вопросов о присоединении к тем или иным экономическим объединениям или военно-политическим блокам, могло бы стать дополнительной, конституционно закрепленной гарантией сохранения ее внеблокового статуса. Столь радикальное перераспределение полномочий между Киевом и украинскими регионами в принципе совместимо со сценарием финляндизации, но при этом означает возможность реализации интересов внешних игроков не только через контакты с центральными властями, но также посредством влияния на региональные политические и экономические элиты.

Присоединение Крыма к России и решительное непризнание международной правомочности этого акта со стороны Киева и Запада перевело Украину в то же положение, в котором после 2008 г. находится Грузия, – страны, имеющей неурегулированный территориальный спор с соседним

государством. Членство в НАТО для такой страны переходит в разряд гипотетических возможностей. В этом смысле конституционные гарантии внеблокового статуса превращаются в своеобразное архитектурное излишество, некую надстройку над суровой реальностью государства, в котором революционный переворот создал вакуум легитимной власти и условия для утраты территориальной целостности. Но одновременно такая формально внеблоковая держава, если она сумеет сохраниться в качестве унитарного государства, будет консолидироваться на основе радикального неприятия всего, что связано с Москвой. Если первые 23 года своего независимого существования эта страна весьма неуверенно развивалась под брендом «Украина – не Россия», то теперь бренд меняется на «Украина – анти-Россия». Если же антироссийская направленность становится нациеформирующей идеей, то, скорее всего, даже федерализация не сможет здесь ничего изменить.

Предопределенность длительного российско-украинского антагонизма и реальная угроза сецессии ряда регионов юго-востока Украины заставляют обращаться в поисках новой формулы компромисса уже не к примеру Финляндии эпохи холодной войны, а к опыту Боснии и Герцеговины после подписания Дейтонского соглашения 1995 г. Как и в случае с Боснией, речь могла бы идти о конфедерализации, позволяющей погасить конфликт за счет максимального ограничения полномочий центральной власти и обеспечения широкой самостоятельности частей такого государства, в том числе и в вопросах отношений с соседними странами. Правда, по условиям Дейтонского соглашения, субъекты (этнитеты) Боснии и Герцеговины не имеют права на сецессию, хотя связаны между собой менее тесно, чем один из них с Сербией, а другой – с Хорватией. Преимущество дейтонской модели для Москвы могло бы видеться в том, что, обеспечивая особый статус и легализуя пророссийскую ориентацию Донбасса (возможно, и других регионов украинского юго-востока), она радикально ограничит дееспособность боснизированной Украины в качестве международного игрока. Практически все усилия украинского государства, стабилизированного по дейтонским лекалам, будут уходить на поддержание внутреннего равновесия между регионами. В то же время не исключено, что применение дейтонской формулы к Украине не только принесет ей относительную внутреннюю стабильность, но в среднесрочной перспективе создаст более благоприятные возможности для экономического роста, чем однонаправленная ориентация на Европейский союз.

Не стоит, однако, забывать, что Дейтонский мир был заключен сторонами боснийского конфликта под мощнейшим давлением Соединенных Штатов, которые вместе с союзниками по НАТО использовали и такой аргумент, как бомбардировки (операция «Обдуманная сила»). Очевидно, что без готовности США и ЕС склонить Киев к принятию дейтонской модели урегулирования Москва не сможет в одиночку добиться этого результата. Дейтонский вариант

станет привлекательным для внешних акторов украинского кризиса в тот момент, когда каждый из них придет к выводу, что издержки конфронтации уже существенно перевешивают возможности дальнейших потенциальных приобретений, а общественное мнение в этих странах начнет демонстрировать признаки «усталости» от Украины.

Во второй половине августа 2014 г. донецким и луганским ополченцам и поддерживающим их силам удалось изменить ход военных действий и нанести серьезное поражение украинским вооруженным формированиям, участвующим в так называемой Антитеррористической операции. Последовавшие за этим переговоры участников конфликта, а также представителей ОБСЕ и России в Минске позволили достичь неустойчивого перемирия, что создало предпосылки для перевода конфликта в тлеющую стадию с перспективой дальнейшего замораживания по приднестровскому образцу. Ценой вероятной «приднестровизации» Донбасса для Москвы стала новая волна санкций. Вместе с тем Киев был вынужден пойти на переговоры с ополченцами как из-за угрозы военного разгрома, так и под давлением стран ЕС, о чем в конце сентября 2014 г. прямо заявила президент Литвы Д. Грибаускайте [11].

Европейский союз как участник геополитического соперничества

Украинский кризис во многом был предопределен неспособностью ЕС и России наладить равноправное и эффективное политическое партнерство. Даже в период президентства Д.А. Медведева, характеризовавшийся относительным потеплением отношений с ЕС, происходило «забалтывание» реальных проблем, связанных с геополитической неопределенностью на постсоветском пространстве. Наиболее известную международную инициативу Д.А. Медведева – проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ) – постигла незавидная участь утопленника в потоке рассуждений о модернизации и партнерстве. Достаточно характерно, что саму идею не решился отвергнуть никто, даже натовские новобранцы из стран Центральной и Восточной Европы, для политической элиты которых едва ли не экзистенциальное значение имеет удержание России вне рамок той системы безопасности, функционирование которой обеспечивает НАТО. В результате в Москве на протяжении нескольких лет слышали вежливые заявления о намерении «тщательно изучить» и «всесторонне рассмотреть» российскую инициативу. Несколько реже звучали также фразы о принципиальной поддержке предложенного Договора и о солидарности с его базовым постулатом о неделимости европейской безопасности.

Разумеется, инициатива Договора о европейской безопасности была недостаточно проработанной. Тем не менее предлагаемый Россией Договор был призван остановить дальнейшее расширение НАТО, позволяя при этом ликвидировать «серые зоны» геополитического соперничества в Европе. Кроме того, ДЕБ фактически означал формирование единой системы безопасности не только для Европы, но и для индустриально развитого Севера планеты в целом, исключая из этой системы Китай и другие страны быстро развивающегося Юга. Однако ни Вашингтон, ни Брюссель не сочли целесообразным учитывать геополитические опасения Москвы, очевидно исходя из надежд, что в среднесрочной перспективе можно будет добиться еще больших односторонних преимуществ. Именно на получение этих преимуществ и была направлена программа ЕС «Восточное партнерство», инициированная в 2008 г. министрами иностранных дел Польши Р. Сикорским и Швеции К. Бильдтом.

Следует отметить, что именно запуск программы «Восточное партнерство» вывел Европейский союз на ранее неизвестную ему стезю геополитического соперничества. При этом в отношении постсоветского пространства собственно европейская стратегия как синтез интересов ведущих стран ЕС по сути не была сформулирована. Евробюрократия пошла по шаблонному пути, предпочтя передоверить выработку политического курса группе государств, заявивших о своем особом опыте и знании соответствующего региона. Этот маневр получил прямое благословение и ведущей страны ЕС – Германии. Фокусируя внимание на институциональных и экономических проблемах единой Европы, воздерживаясь от чрезмерной вовлеченности в дела постсоветского пространства и примиряясь с постепенной стагнацией германо-российских отношений, Берлин предоставил Польше и солидарным с ней странам Балтии возможность оказывать все возрастающее влияние на выработку восточной политики Евросоюза [см.: 7, с. 80].

Такое делегирование было оправданным, когда в разработке европейской политики соседства в отношении южного и восточного Средиземноморья ведущая роль отводилась Франции с ее колониальным опытом и разветвленными связями со странами региона, за которыми не стоял никакой другой мощный геополитический игрок. Напротив, политика «Восточного партнерства», замысленная ее основными проводниками как вытеснение влияния России в западной части постсоветского пространства, с неизбежностью втянула Евросоюз в конкурентную геополитическую борьбу. В результате альтернативный вариант, предполагающий долгосрочную экономическую интеграцию ЕС, России и постсоветских государств Балто-Черноморья, отход от логики игры с нулевой суммой и переориентацию на стратегии взаимного выигрыша, всерьез не рассматривался даже на экспертном уровне. Причем именно этот нереализованный вариант предполагал признание Украины ключевым фактором российско-европейского взаимодействия и выработку инклюзивного

подхода по отношению к Киеву. По сути дела, программа «Восточное партнерство» внесла в раздувание украинского кризиса решающий вклад, не будучи, впрочем, его первопричиной.

В условиях, когда европейский интеграционный проект переживает глубокий кризис, институтам ЕС настоятельно требовались новые доказательства собственной привлекательности и политической успешности. Не в последнюю очередь поэтому и произошла ягеллонизация восточной политики Евросоюза. Включение Украины в сферу экономического и политического влияния Европы могло стать тем успехом, который получил бы большой резонанс, но не потребовал бы существенных затрат от европейских налогоплательщиков. Более того, открытие довольно емкого украинского рынка – несомненное благо для ориентированных на экспорт ведущих экономик ЕС, прежде всего для экономики Германии. Вместе с тем формат ассоциации не позволяет Киеву рассчитывать на субсидии из Брюсселя, доступные лишь полноправным членам Евросоюза.

Можно сказать, что восточная политика ЕС на деле оказалась ягеллонской политикой. Если отвлечься от внутрипольских политико-идеологических размежеваний, то в широком смысле ягеллонской политикой следует называть координацию усилий элит центрально- и восточноевропейских стран на основе противостояния общему для них «значимому другому», т.е. России. Исторически эти страны либо входили в состав Королевства Польского и Великого Княжества Литовского (а затем – Речи Посполитой), либо, по крайней мере, примыкали к балто-черноморскому междуморью. В современных условиях ягеллонская политика означает попытку вывода нескольких стран постсоветского пространства из геополитической «серой зоны», в которой они пребывали после распада СССР, их политическую и экономическую привязку к единой Европе и блокировку участия этих стран в альтернативных ЕС интеграционных проектах.

Ягеллонская политика по отношению к Украине опирается и на твердую поддержку Соединенных Штатов. Во время украинского кризиса деление Европы на «старую» и «новую», настойчиво предлагавшийся в свое время министром обороны США Дональдом Рамсфельдом, достигло логического завершения: при активном содействии Соединенных Штатов позиция «новой» Европы по вопросам военной и энергетической безопасности усиливается настолько, что и грандам «старой» Европы приходится следовать ей, по крайней мере, на словах. По отношению к России «новая» Европа становится санитарным кордоном, который в ближайшее время может быть укреплен за счет Украины (во всяком случае, ее западных и центральных регионов). Впрочем, конфигурация «новой» Европы теперь заметно отличается от той, которая существовала десять лет назад. Активно участвовать в организации санитарного кордона готовы Польша, страны Балтии и Румыния; в силу раз-

ных причин намного меньший энтузиазм демонстрируют Болгария, Венгрия, Словакия и Чехия. Тем не менее в тандеме с «новой» Европой Вашингтон в состоянии уверенно контролировать политику безопасности всего Евросоюза, равно как и усилия по возобновлению диалога между ЕС и Россией.

Собственно говоря, это уже произошло в середине 2014 г., когда Европейский союз под жестким давлением Соединенных Штатов втянулся в санкционную гонку[2], т.е. фактически согласился с ролью основного донора возрожденной политики сдерживания России. Саммит НАТО в Уэльсе 5–6 сентября 2014 г. закрепил эту тенденцию, не просто придав второе дыхание Североатлантическому альянсу, но, по сути, обеспечив на многие годы, если не десятилетия вперед американское военное присутствие в Восточной Европе. В геополитическом плане уэльский саммит закрепил промежуточные результаты самого кризиса: Россия контролирует Крым и – опосредованно – часть Донбасса; судьба остальной Украины решится на следующих этапах кризиса; США гарантируют себе патронат над всем евроатлантическим пространством. Вариант Большой Европы «от Лиссабона до Владивостока» с повестки дня снят.

Отношения с США: От перезагрузки ко второму изданию холодной войны

Проект перезагрузки, инициированный администрацией Барака Обамы в начале его первого президентского срока, по всей видимости, был одним из компонентов переоценки глобальной роли США в контексте мирового кризиса. Для Обамы и его ближайших сотрудников важен был и момент разрыва с внешнеполитическим наследием предшествующей администрации, однако решающего значения он все же не имел. Общее понимание, очевидно, состояло в том, что в мире XXI в. совсем не Россия будет представлять для Америки основную проблему. Вероятно, что американские инициаторы перезагрузки

2. Об этом прямо заявил вице-президент США Дж. Байден 3 октября 2014 г. в выступлении в Гарвардском институте государственного управления им. Джона Кеннеди: «На протяжении всего этого времени [развития украинского кризиса. – Д. Е.] мы ставили перед Путиным простой выбор: уважать суверенитет Украины или сталкиваться с серьезными последствиями. Именно это позволило нам убедить ведущие развитые страны мира ввести санкции против России. Надо признать, они не хотели этого делать. Тем не менее настойчивые и многократные усилия американского руководства и президента США все же поставили Европу перед необходимостью подняться и принять на себя экономический удар, связанный с введением санкций. Результатом этих санкций стало масштабное бегство капитала из России, фактическая заморозка прямых иностранных инвестиций, падение курса рубля по отношению к доллару до рекордно низкой отметки, а также тот факт, что российская экономика оказалась на грани рецессии» [14].

были не прочь убедить своих российских партнеров, что в мире XXI в. основную проблему для России будет представлять не Америка.

К сожалению, даже в момент наиболее позитивного развития двусторонних отношений политика перезагрузки фактически означала лишь их избирательное улучшение. Самое известное достижение перезагрузки – подписание Пражского договора СНВ-3 – по сути, было развитием (и вполне вероятно, исчерпанием) разоруженческой повестки, сформированной еще в эпоху горбачёвской перестройки. Мало того, вслед за каждым, даже незначительным шагом по пути перезагрузки следовали заявления или действия, призванные сгладить ее эффект, продемонстрировать локальный характер, доказать, что США по-прежнему следуют курсу на «продвижение демократии» на постсоветском пространстве и отвергают любые претензии на «сферы влияния» от кого бы они не исходили.

Перезагрузка не сумела оказать существенного влияния на доминантный дискурс российско-американских отношений, не создала устойчивой основы их реорганизации. Неудивительно, что внутриполитические события в России в конце 2011 – первой половине 2012 г., а затем акт Магницкого, дело Сноудена, свержение режима Каддафи, сирийский и украинский кризисы привели к разрушению всей непрочной конструкции политики перезагрузки.

С началом украинского кризиса Соединенные Штаты уверенно и решительно вернули себе привычную роль основного оппонента России. США увидели в украинском кризисе не только угрозу европейской стабильности, но и шанс вдохнуть новую жизнь в свое постепенно увядающее глобальное лидерство. Вплоть до присоединения Крыма к России США в основном решали региональные задачи, с лихвой восполняя слабость европейской дипломатии (ее образная оценка заместителем госсекретаря Викторией Нуланд имела большой резонанс). Установление российского контроля над Крымом моментально перевело кризис в глобальный контекст, поскольку это действие Москвы свидетельствовало о переходе от эрозии постбиполярного мирового порядка к его осознанной ревизии.

Российский суверенитет над Крымом имеет исключительное значение как прецедент, свидетельствующий об отказе следовать международному порядку, в котором нормоустанавливающей инстанцией являются Соединенные Штаты. Несмотря на то что масштабы крымского вызова незначительны и не создают реальной угрозы американским позициям в мире, сама возможность несанкционированного территориального изменения служит индикатором способности Вашингтона поддерживать порядок, в котором за ним остается последнее слово.

С этой точки зрения активные действия США, направленные на мобилизацию союзников для сдерживания путинской России, достаточно предсказуемы. Причем наибольшее значение в данном случае будет иметь не само

сдерживание, а именно мобилизация, придающая новый смысл деятельности руководимых Соединенными Штатами военно-политических союзов. В этих условиях Европейскому союзу приходится признавать необходимость дальнейшего американского военного присутствия на территории европейских государств, более того, соглашаться с созданием существенной военной инфраструктуры на территории стран, ранее входивших в Организацию Варшавского договора.

Судя по всему, администрация Барака Обамы постарается использовать напряженность вокруг Украины и для решения более масштабной задачи – скорейшего достижения соглашения с Европейским союзом об учреждении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Появление этого крупнейшего экономического блока будет означать создание новой опоры пошатнувшегося американоцентричного мирового порядка. Что касается самой Украины, то вступление в силу Договора об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли с ЕС может означать, что через некоторое время эта страна окажется чем-то вроде бесплатного «довеска» к объединению двух крупнейших экономик мира. Одновременно США активизируют усилия по созданию аналогичной экономической группировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, призванной составить конкуренцию «китайскому дракону».

Основная опасность новой российско-американской конфронтации состоит в том, что пока она соответствует интересам и администрации Обамы, и ее консервативных оппонентов. По сути, это возможность мобилизовать Запад для противостояния не самому сильному противнику. Для США издержки такого противостояния на данном этапе не слишком существенны; их бремя перекладывается на другие страны, прежде всего на страны ЕС. Соответственно, для США в обозримой перспективе предпочтительный вариант развития событий связан не с поиском устойчивого урегулирования, а, скорее, с контролируемой нестабильностью, сковывающей силы таких игроков как Европейский союз и Россия, и служащей предостережением Китаю и другим восходящим державам незападного мира. Изменения в этом курсе могут быть обусловлены началом нового кризиса, который создаст гораздо более серьезные угрозы для американских интересов.

Восточное измерение украинского кризиса

Возвращение Крыма под российский суверенитет и вооруженное противостояние в Донбассе явились самым серьезным вызовом постбиполярному мироустройству. Решившись стать в авангарде пересмотра мирового порядка, Россия принимает на себя основные контрудары со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Этот пересмотр потенциально выгоден большому

количеству глобальных и региональных игроков, которые с неподдельным интересом наблюдают за ходом противостояния России и Запада. При этом крупнейшим бенефициаром становится КНР. Китай, приближающийся к грани открытого соперничества с США за мировое лидерство, получает благодаря украинскому кризису передышку (возможно, на несколько лет), избегая прямой конфронтации и сохраняя возможность окончательно сместить Америку с пьедестала первой экономики мира. Но этим выигрыш Пекина далеко не ограничивается.

Новый раунд российско-китайского сближения прогнозировался многими экспертами начиная с того момента, как Владимир Путин принял решение вернуться в Кремль в качестве президента на третий срок. Немало аналитиков предупреждали, что слишком усердные попытки «поймать китайский ветер» в российские паруса очень серьезно осложнят взаимодействие с Соединенными Штатами, а также создадут трудности в отношениях с Евросоюзом. Сильный крен в сторону Китая существенно ограничивает для России возможности маневрирования между основными глобальными игроками. Однако крымский выбор Владимира Путина в любом случае сделал невозможным сохранение прежней модели партнерского взаимодействия как с США, так и с Евросоюзом. Соответственно, становятся неизбежными и новые шаги навстречу Китаю.

В самый острый период украинского кризиса Москва, несомненно, рассчитывала на то, что Китай окажется для нее надежным тылом. Эти ожидания оправдались. Воздерживаясь от выражений солидарности с действиями России, Пекин тем не менее предотвратил ее международную изоляцию и отчасти нивелировал воздействие западных санкций. Подписание газового контракта на 400 млрд долл. показало, что китайские лидеры рассматривают отношения с Россией в долгосрочной стратегической перспективе. Пекин добился весьма благоприятных условий поставок газа, но явно не стал «дожимать» Москву в тяжелый для нее момент и дал ей в руки козырь, позволяющий вести энергодиалог с Евросоюзом с твердых позиций. В результате российско-китайское взаимодействие переходит в фазу, когда действия сторон, оставаясь де-юре отношениями соседей и стратегических партнеров, де-факто начинают ориентироваться на логику союзничества. Но это взаимодействие уже сейчас не является полностью равноправным и скорее всего не будет таковым и впредь.

Наложенные на Россию западные санкции создают благоприятные условия для кумулятивного роста китайских инвестиций в российскую экономику. Судя по всему, Москве придется снять большинство ограничений на доступ китайских инвесторов к российским активам, которые вводились из соображений безопасности или сохранения равноправия в двусторонних экономических отношениях. Если это произойдет, иначе будут выглядеть и перспек-

тивы Евразийского экономического союза. Данный интеграционный проект, естественным лидером которого является Россия, вполне может быть совмещен с продвигаемой председателем КНР Си Цзиньпином инициативой «Нового шелкового пути». Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является достаточно удобной платформой для достижения синергетического эффекта двух интеграционных инициатив. Такая синергия позволит реализовать амбициозные инфраструктурные программы, обеспечивающие радикальное упрощение доступа китайских товаропроизводителей не только к рынку Евразийского экономического союза, но также и к европейскому рынку. В более отдаленной перспективе возможно и формирование на пространстве Северной Евразии секторальных объединений, фундаментом которых станет китайская экономическая мощь. Подобное развитие событий будет впечатляющей антитезой прекраснодушным идеям о едином экономическом пространстве «от Лиссабона до Владивостока», предметное обсуждение которых так никогда и не было начато.

В новой парадигме сотрудничества России также предстоит доказывать, что она служит для КНР надежным тылом и тем самым исключает возможность окружения Поднебесной кольцом государств, ориентированных на Вашингтон. По-видимому, России придется изменить акценты даже в своем отношении к нарастающей напряженности в Южно-Китайском море: если еще в 2013 г. Москва с осторожностью демонстрировала симпатию к Ханою, то теперь ей, скорее всего, понадобится показать полную беспристрастность либо понимание аргументов китайской стороны. Аналогичным образом становится крайне сложно сохранить прежний баланс отношений в треугольнике Москва – Токио – Пекин, даже несмотря на демонстративную неохоту, с которой правительство Синдзо Абэ присоединилось к инициированной Бараком Обамой волне антироссийских санкций.

На глобальном уровне новое качество российско-китайского взаимодействия вероятнее всего обернется началом системных, хотя и достаточно осторожных усилий двух держав, направленных на размывание глобального доминирования институтов и практик Вашингтонского консенсуса. Постепенное ослабление позиций доллара в торговых расчетах между странами ШОС и БРИКС, развитие и взаимное признание национальных платежных систем участников этих объединений, учреждение странами БРИКС собственного Банка развития, создание Россией и Китаем международного рейтингового агентства в противовес «большой тройке» – Moody`s, Fitch и Standard & Poor`s – могут стать первыми предвестниками переструктурирования глобальной экономики. Вполне вероятно, что именно России придется на первых порах принять на себя наибольшие издержки этого перехода. Однако едва ли стоит питать в связи с этим особые иллюзии: альтернатива Вашингтонскому консенсусу возможна, но это будет Пекинский консенсус. Впрочем, для

России и других стран, которые решатся выступить агентами такого рода изменений, в долгосрочной перспективе благом окажется уже сама ситуация соревновательности центров экономической мощи, международных финансовых институтов и макроэкономических моделей.

ШОС и БРИКС могут в данном контексте рассматриваться в качестве континентального и глобального форматов межгосударственного взаимодействия, нацеленного на ревизию существующего мирового порядка. В отличие от ШОС, также решающей задачи в области региональной безопасности, БРИКС является значительно более пластичным форматом. Привлекательность и влияние БРИКС сохраняются до тех пор, пока это объединение воздерживается от эволюции в сторону формирования жесткой институциональной структуры и принятия на себя ее участниками существенных обязательств по отношению друг к другу и третьим странам. Если это произойдет, то тогда на деле осуществятся многие из мрачных пророчеств критиков БРИКС и стратегия взаимного выигрыша обернется нарастающими разногласиями и соперничеством.

Довольно неожиданным, но не менее значимым по последствиям эффектом посткрымского поворота России к Китаю может стать «национализация» Интернета. Помимо близости позиций двух стран в отношении роли *ICANN* и управления Интернетом решимость российской власти создать собственный аналог проекта «Великий золотой щит» (*Great Firewall*) способна привести к своеобразному реваншу вестфальского порядка во всемирной паутине. Знаменитый принцип *cuius regio eius religio* в середине второго десятилетия XXI в. можно будет переформулировать примерно так: «чей сервер, того и сеть».

Украинский кризис сделал поворот России к Китаю неотвратимым. Но является ли этот поворот необратимым? Возможно, не столь уж далек от истины Чарльз Краутхаммер, заявивший о повторении Путиным в Шанхае знаменитого маневра Никсона–Киссинджера и о том, что теперь аналогичная геополитическая комбинация направлена уже против США [10]. По мнению Краутхаммера, расширенное российско-китайское партнерство «знаменует первое появление глобальной коалиции против американской гегемонии начиная с падения Берлинской стены». Очевидно, эта коалиция будет существовать до тех пор, пока не выполнит хотя бы части своих задач. По всей видимости, только осознание неизбежности утраты доминирующих позиций сможет заставить будущих американских лидеров предпринять усилия по восстановлению отношений с Москвой, предполагающие ту или иную форму признания российских интересов как на Украине, так и на всем постсоветском пространстве. Проблема в том, что это может произойти достаточно поздно, когда Россия окажется в слишком большой зависимости от китайской экономической мощи. К тому же, как показал опыт перезагрузки, лидерам

Соединенных Штатов очень трудно выдвигать действительно привлекательные для Москвы предложения, даже если этого настоятельно требуют американские интересы. Тем не менее решимость России находиться в авангарде пересмотра мирового порядка, опираясь на почти союзнические отношения с Китаем, не должна означать ее заведомого отказа от готовности к поиску новой модели баланса сил как на глобальном уровне, так, в частности, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Заключение

Одна из основных опасностей украинского кризиса состоит в его нелинейной динамике, в том, что его ход не могут полностью контролировать великие державы. После избрания президентом Украины Петра Порошенко власть в Киеве остается слабой и неустойчивой. Парламентские выборы, на которые Порошенко решился пойти для «перезагрузки» легитимности Верховной рады и укрепления позиций своих сторонников, не способны обеспечить политической стабильности в стране, конституционное устройство которой постоянно продуцирует конфликт между президентом и правительством. Но попытка провести конституционную реформу для расширения полномочий главы государства неизбежно будет «отягощена» необходимостью одновременного перераспределения полномочий между центром и регионами. В контексте не до конца «замороженного» конфликта это может означать либо законодательную блокировку наиболее вероятного варианта его разрешения, либо фактический отказ от принципа унитарного государства. Вместе с тем любой серьезный компромисс между властями в Киеве и сепаратистскими движениями Донбасса открывает путь третьему Майдану. Массовые выступления, имевшие место в 2004–2005 и 2013–2014 гг., несомненные признаки революционного протеста, в основе которого лежали националистические и антиолигархические мотивы, в обстоятельствах новой «Руины» могут превратиться в механизм путча, для организации которого будет достаточно финансовых возможностей одного из олигархов и / или силового ресурса одного из командиров многочисленных парамилитарных формирований. «Массовка» при этом в любом случае будет гарантирована.

Для Украины больше не осталось хороших решений. Будучи объектом игры с нулевой суммой, это государство и его население в любом случае окажутся проигравшими. Отказ основных игроков от игры с нулевой суммой гипотетически возможен, но Украина уже понесла невосполнимые гуманитарные потери, а преодоление экономического ущерба потребует экстраординарных усилий, к которым большинство населения этой страны скорее всего не готово.

Восстановление сотрудничества России с Западом, прежде всего со странами Евросоюза, связано с возможностью хотя бы частичной стабилизации обстановки на Украине. Побуждать Россию и ЕС к деэскалации и достижению modus vivendi будет нарастающая усталость от кризиса и его многочисленных последствий. Для ЕС наступает пора осознать реальную экономическую цену результатов своей Восточной политики. Предотвратить коллапс украинской экономики без крупномасштабного российского участия едва ли возможно. Но обеспечить такое участие можно только в случае установления некоего подобия режима российско-европейской опеки в отношении Украины. Между тем крайне высокий уровень взаимного недоверия, созданные на протяжении 2014 г. политические преграды, а также противодействие США будут блокировать или, по крайней мере, очень сильно тормозить достижение взаимопонимания.

Характер отношений России с Евросоюзом в любом случае претерпит качественные изменения. Политика ЕС в отношении России, основывавшаяся на ожиданиях, что эта страна рано или поздно повторит путь демократического транзита, пройденный другими государствами Центральной и Восточной Европы, зашла в тупик. Новая политика должна строиться на ином восприятии, близком к тому, как в Европе воспринимают Китай. Подобная смена ракурса будет способствовать прагматизации и инструментализации отношений Россия – Евросоюз. Дискуссии о ценностях и цивилизационной близости на какое-то время имеет смысл заморозить. Приоритетным могло бы стать создание действенного многостороннего механизма раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии.

Еще одним фактором, способным заставить Россию и Запад вернуться к сотрудничеству, является общая угроза. Такой угрозой становится дальнейшая экспансия и террористическая активность «Исламского Государства», сформированного на захваченной суннитскими радикалами части территорий Ирака и Сирии. Масштаб вызова нового халифата может потребовать экстраординарных и скоординированных усилий США, ЕС, России, ключевых государств Ближнего и Среднего Востока. Не исключено, что именно приоритетность борьбы против ИГ станет аргументом для администрации США в пользу частичного ослабления давления на Россию по украинскому вопросу. Но ценой этого станет вовлечение России в новый конфликт, который может оказывать сильное дестабилизирующее влияние на хрупкий баланс отношений между основными конфессиональными группами внутри России.

Украинский кризис уже сильно повлиял на российскую внутреннюю политику. Обновленная (крымская) легитимность третьего президентского срока Владимира Путина может быть использована для осуществления мобилизационного сценария. К последнему будут, прежде всего, подталкивать уже введенные западные санкции, а также возможность использования в ходе

экономической войны «оружия массового поражения» – блокировки банковских транзакций и замораживания номинированных в валютах стран Запада российских активов. Возрождение американского курса на отбрасывание России скорее всего заставит Кремль не только изменить методы экономического управления, но и ускорит процесс обновления элит, приведет к дальнейшему сокращению автономии гражданского общества. Вариант модернизации в партнерстве с Западом утратил актуальность на многие годы; остается вариант мобилизации в партнерстве с Китаем.

Исход украинского кризиса не предопределен. Россия может выйти из этого кризиса с расширившейся территорией, гораздо менее зависимой от стран Запада экономикой и репутацией страны, сумевшей выстоять в противостоянии с гегемонистской группой мировых держав. Но достаточно высока вероятность иного исхода, когда резкое ухудшение экономического положения вступит в резонанс с всплесками межнациональной напряженности, расколом внутри элит, новой волной протестов городского среднего класса и нарастающим внешним давлением. В этом случае судьба российской государственности вновь будет поставлена под вопрос.

Литература

1. Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 1.

2. Винокуров Е.Ю. Прагматическое евразийство. – Россия в глобальной политике. – 2013. – № 2.

3. Ефременко Д.В. Проблемы прогнозирования политических процессов на Украине и российско-украинского межгосударственного взаимодействия // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды I Международной научно-практической конференции 30–31 октября 2012 г. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 116–119.

4. Brzezinski Z. Russia needs a «Finland option» for Ukraine // The Financial Times, February 23, 2014.

5. Cohen S.B. Geopolitics of the world system. – Lanham, MA: Rowmann & LittleField, 2003.

6. Dragneva R., Wolczuk K. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? – Chatam House. Briefing Paper, August 2012. – Mode of access: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnetvawolczuk.pdf

7. Jankowski D., Świeżak P. Which Way Forward for EU – Russia Relations: A Central European Perspective / In: Grygiel J., Kron R., Mitchell A., Paskova G. (eds.). Navigating Uncertainty: U.S. – Central European Relations. – Washington D. C.: Center for European Policy Analysis (CEPA), 2012.

8. Kissinger H. To settle the Ukraine crisis, start at the end // The Washington Post, March 5, 2014.

9. Kobrinskaya I. The Post-Soviet space: From the USSR to the Commonwealth of Independent States and beyond // Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E. (eds.). The CIS, the EU and Russia. – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2007.

10. Krauthammer Ch. Who made the pivot to Asia? Putin. – The Washington Post. – May 22, 2014.

11. Lithuania's president: «Russia is terrorizing its neighbors and using terrorist methods». – The Washington Post. – September 24, 2014.

12. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine crisis is the West's fault // Foreign affairs. – September-October 2014.

13. Pynnöniemi K. Understanding Russia's actions in Ukraine: The art of improvisations. – FIIA Comment. – May 2014. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs.

14. Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy forum. – October 3, 2014. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum

15. Shevtsova L. Putin ends the Interregnum. – The American Interest. – August 28, 2014.

16. Watson A. Hegemony & History. – Oxon, New York: Routledge, 2006.

Н.И. Кутепова

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ФАКТОРЫ, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ДЕМОНТАЖУ

Кутепова Наталья Ивановна – кандидат экономических наук, доцент НИУ ВШЭ.

В соответствии с заявленной темой, опираясь на современные тенденции эволюции социального государства в социально-экономической сфере, попытаемся показать некоторые факторы, обусловившие попытки демонтажа и противодействующие ему, а также оценить перспективы для России.

Определение и концептуальные основы социального государства, сформулированные еще в первой половине XIX в. немецкими философами, более века спустя нашли свое закрепление в положениях Международной организации труда и конституциях ряда ведущих промышленно развитых стран, в которых сформировались различные модели социального государства. Основной среди фундаментальных принципов – принцип социальной справедливости. Этот принцип с разной степенью полноты реализуется в конкретных установках и мерах социальной политики (полная занятость, социальное партнерство и др.) на разных этапах развития социального государства, а превращение социальной политики в приоритет экономической политики можно считать решающим критерием становления социального государства.

Если использовать в качестве критерия периодизации эволюции социального государства формирование и развитие систем социальной защиты, то можно выделить такие этапы, как создание и совершенствование системы социального страхования и социального обеспечения с переходом к социальной защите, включающей систему отраслей социальной инфраструктуры[1].

1. Хижный Э. Государственная система социальной защиты граждан в странах Западной Европы. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 20–26.

Смена моделей государственного регулирования экономики на рубеже 70–80-х годов прошлого века в ведущих промышленно развитых странах Запада сопровождалась сменой концепций социальной политики. Новая концепция социальной политики, соответствующая либеральным подходам к макроэкономическому регулированию, во многом основана на принципах протестантской этики. Согласно этой концепции, следует отказаться от «социальной благотворительности», характерной для кейнсианской модели, популярной в течение нескольких послевоенных десятилетий, и перейти к «социальной достаточности», означающей «помощь самопомощи». К новым лозунгам этого времени можно также отнести: «Равенство – это несправедливость» (М. Тэтчер), установим «государство реальных возможностей». Именно этот рубеж можно считать началом нового этапа эволюции социального государства, связанного с пересмотром его основных постулатов и попытками демонтажа.

О некоторых причинах пересмотра концептуальных основ социального государства

Вступление в этот этап объясняется действием ряда факторов: экономических, социальных и демографических. Их влияние сократило возможности для поддержания сложившихся в «золотой век» социального государства социальных стандартов и требуемых для этого государственных расходов. Ограничения для национальных бюджетов, установленные в 1997 г. пактом о стабильности и росте стран Евросоюза (годовой дефицит госбюджета не должен превышать 3% ВВП, а госдолг – 60% ВВП), во многих случаях, особенно в кризисные времена, существенно превышаются[2]. «Долговая яма» для ведущих промышленно развитых стран в значительной степени связана с ростом социальных расходов на решение обострившихся социальных проблем. Выделим наиболее существенные, на наш взгляд, социально-экономические проблемы, с которыми столкнулось социальное государство.

Одним из главных испытаний «на прочность» для социального государства стал кризис середины 70-х годов, сопровождавшийся резким ростом массовой безработицы. Если в 60-е годы численность безработных в странах ОЭСР составляла около 8 млн человек, то в первой половине 80-х годов она перевалила за 30-миллионную отметку, удерживаясь на ней в последующем. Но острота безработицы определялась не столько ее масштабами, сколько

2. Причем эти нарушения характерны не только для «проблемных» южноевропейских стран. Например, для Франции дефицит госбюджета по итогам 2012 г. составил 4,5%, для Нидерландов – 5,1, для Великобритании – 7,7% (даже выше, чем в Греции, где он составил 7,6%).

неблагоприятной структурой, которая сформировалась в ведущих промышленно развитых странах за несколько последних десятилетий. Речь идет об увеличении удельного веса социально уязвимых групп – молодежи, пожилых людей, женщин (в первую очередь молодых матерей), иностранцев, лиц, имеющих слабое здоровье и ограниченную трудоспособность, длительно безработных и т.п. Причем численность длительно безработных, как правило, и пополняется за счет перечисленных «групп риска». Доля безработных, не имеющих работы более полугода, в общей численности безработных в большинстве западных стран, начиная с тех кризисных потрясений, устойчиво удерживается на уровне около 60% (в США в последние годы она была более 40%), а в некоторых странах и выше.

Масштабы и особенно формы безработицы привели к отказу от политики полной занятости, т.е. к пересмотру одного из главных постулатов социального государства[3]. Если до начала экономического кризиса 1974–1975 гг. в странах с развитой рыночной экономикой преобладал кейнсианский подход, направленный на обеспечение полной занятости путем воздействия на совокупный спрос, то после смены моделей государственного регулирования в начале 80-х годов на первое место была выдвинута борьба с инфляцией. Главным средством уменьшения безработицы сторонники новой концепции признавали общее оздоровление экономики вследствие оживления конкурентно-рыночных начал, создания благоприятного инвестиционного климата и сведения к минимуму вмешательства государства в экономику, в том числе в сферу занятости.

Изменение приоритетов в политике занятости, активное стимулирование мелкого и среднего бизнеса (менее капиталоемкого и более трудоемкого, чем крупный бизнес, и потому создающего больше рабочих мест) были тесно увязаны с другими мерами, например с ослаблением регламентации увольнения и найма, условий труда. Все это, с точки зрения предпринимателей и теоретиков неоклассического направления, обязательные атрибуты «гибкого рынка труда». А по оценкам профсоюзов, эти меры подрывают социальную защищенность работников.

Если сравнивать ситуацию с безработицей в России с той, что сложилась в других странах, то нужно отметить, что в настоящее время уровень безработицы в России ниже, чем во Франции, США, Италии, Великобритании, Швеции и выше, чем в Германии, Японии, Австрии. По прогнозу вице-премьера правительства России по социальным вопросам, в России не существует угрозы роста безработицы. Более того, при низких темпах роста эконо-

3. Этот постулат закреплен Международной организацией труда как важный принцип цивилизованных отношений между партнерами.

мики растет число вакансий – их количество в марте 2014 г. составило 1,8 млн[4].

Хотя безработица не является угрожающей по масштабам, настораживает ее структура с точки зрения продолжительности безработицы и концентрации безработных в определенных регионах. Причем наблюдается очень тесная корреляция в структуре безработных по этим двум признакам: региональная дифференциация безработицы повторяет дифференциацию по длительности. Еще одна особенность, отмеченная исследователями Высшей школы экономики, – боязнь безработицы. Доля работников, боящихся потерять работу, в России с 1998 г. не опускалась ниже 50%[5]. То есть действующие в этой сфере тенденции свидетельствуют о структурных проблемах, социальной незащищенности и объективно подталкивают правительство к принятию мер, способствующих поддержанию полной занятости, в противовес намерению, заявленному премьер-министром РФ в выступлении на XII Международном инвестиционном форуме «Сочи – 2013» 28 сентября 2013 г., «уйти от политики сохранения занятости населения любой ценой».

Не менее острой проблемой для социального государства, связанной с колоссальной нагрузкой на бюджет, стало сохранение пенсионной системы – самой дорогостоящей программы социальной защиты – в условиях вступления в пенсионный возраст многочисленного поколения «бэби-бума», пережившего массовую молодежную безработицу 70–80-х годов прошлого века. Сохранение социальных завоеваний в этой области[6] осложняется в связи с возросшей продолжительностью жизни и старением населения. В настоящее время удельный вес лиц старше 60 лет составляет около 20% общей численности населения стран ЕС. По прогнозам Международного бюро труда, к 2025 г. число лиц старше 65 лет увеличится на 21 млн человек, а численность экономически активного населения уменьшится более чем на 15 млн. Основное направление реформ в этой области – пересмотр пенсионного возраста.

Ссылка на западный опыт служит одним из аргументов в пользу подобного решения в похожей ситуации, которая складывается в России в связи с «демографической ямой». Коренное отличие – в низкой продолжительности

4. Ольга Голодец – РБК: Мы готовы принять и 100 тысяч беженцев с Украины… – http://top.rbc.ru/politics/12/03/2014

5. Страх потерять работу в России – величина постоянная. – http://opec.ru/1435723.html

6. Хотя возраст выхода на пенсию в большинстве ведущих промышленно развитых стран выше, чем в России и во многих странах он одинаков для мужчин и женщин, коэффициент замещения – соотношение пенсии и зарплаты – в этих странах тоже выше: в странах ЕС в среднем – около 50%, в то время как в России – 37% (2013 г.; в 2007 г. – 23%).

жизни и сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте; работать среднестатистическому мужчине в России приходится буквально до самой смерти. По данным заместителя Председателя Комитета Государственной думы по бюджету и налогам О.Г. Дмитриевой, в среднем россияне живут на пенсии около десяти лет, а накопленный пенсионный капитал рассчитывается на 19 лет. Поэтому пересмотр пенсионного возраста в современной России стал бы просто нарушением конституционной нормы о социальном государстве.

Еще одна причина резкого увеличения нагрузки на бюджет и появления новых очагов социальных конфликтов, поставивших под сомнение саму возможность сохранения социального государства в ведущих промышленно развитых странах, – массовый приток иммигрантов из бывших колоний. Для стран, занимающих лидирующие позиции в процессе глобализации, все острее и разрушительнее стали проявляться ее социальные последствия.

Негативное влияние иммиграции на западную экономику, и социальную сферу в частности, связано с выигрышем иммигрантами ценовой конкуренции на всех сегментах рынка труда, что неизбежно вызывает рост безработицы среди представителей коренного населения. Оно также сопряжено с высокими расходами на обучение, лечение, социальное обеспечение, причем не только для приехавших работать, но и для членов их семей. Так, в Англии и Франции на одного работающего иммигранта приходится четыре неработающих. В год на программы интеграции иммигрантов – на образование, профессиональную подготовку, жилье, здравоохранение и обеспечение безопасности в среде мигрантов – во Франции тратится 36 млрд евро. По материалам, приведенным в нашумевшей книге Т. Сарацина «Германия – самоликвидация» («Deutschland schafft sich ab»)[7], из 100 трудоспособных иммигрантов из Турции, Ближнего Востока, Африки примерно 44 человека живут на пособие по безработице (у самих немцев – примерно 10 человек). За счет социальных выплат живут 16% иммигрантов из Турции, 24% – из африканских стран. По имеющимся оценкам, стоимость иммиграции для США в 1995 г. оценивалась в 80,4 млрд долл., а к 2006 г. составила 108 млрд. Учитывая это, многие специалисты приходят к выводу об отсутствии положительного экономического стимула для государства в поощрении миграции в США.

В связи с превращением России в новый мировой центр трудовой иммиграции она также сталкивается с ее негативными социальными последствиями, при этом влияние растущих иммиграционных потоков на социальную сферу имеет ряд особенностей. Важным фактором роста иммиграции стала не столько глобализация, сколько иммиграционная политика, направленная на

7. Книга вызвала резкую критику, в том числе со стороны канцлера ФРГ, но приведенные в ней фактические материалы не были опровергнуты.

активное привлечение рабочей силы в условиях предстоящего сокращения численности трудоспособного населения. Существенную роль сыграло также отсутствие серьезного пограничного контроля на границах с бывшими республиками Советского Союза, ставшими суверенными государствами – членами СНГ.

Еще одна важная особенность: хотя Россия в процессе глобализации все больше вытесняется на периферию, в ней причудливо сочетаются два встречных миграционных потока: «утечка умов», характерная для стран «периферии», и приток малоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ, Китая, Вьетнама, Монголии и др. Это не могло не сказаться на количественных и качественных характеристиках населения России, в том числе рабочей силы, способствуя консервации тех секторов экономики, где используется неквалифицированный физический труд[8]. Экономические и социальные издержки, связанные с притоком неграмотной и неквалифицированной рабочей силы, приводят не к экономическому росту, а к снижению производительности труда и обострению социальных конфликтов. По опросу ВЦИОМ, проведенному в июле 2013 г., россияне по-прежнему считают, что иммиграция скорее причиняет вред стране, в первую очередь связывая это с ростом преступности и коррупции (65%); повышением конкуренции на рынке труда (56%); 40% опрошенных негативно оценивают влияние иммиграции на экономику[9].

Массовое использование труда легальных и нелегальных иммигрантов привело к тому, что в основных чертах сформировался особый сегмент рынка труда, связанный с принуждением, с нетарифной оплатой труда или вообще ее отсутствием, с появлением новых форм дискриминации и модификацией конкуренции на рынке труда. Расширение данного сегмента делает не только недоступными, но и непривлекательными для местного населения отдельные виды труда, в которых прежде не ощущалось дефицита кадров. Кроме того, существует опасность распространения условий, сложившихся в данном сегменте, за его пределами, на систему занятости в целом, что противоречит принципам социального государства.

В связи с новыми тенденциями в миграционной политике, направленными на привлечение квалифицированных специалистов, наметились и некоторые новые тенденции в сфере неценовой конкуренции: иммигранты выигрывают не только ценовую, но и неценовую конкуренцию на определенных

8. На круглом столе в Государственной думе по проблемам миграционной политики отмечалось, что 40% трудовых мигрантов не имеют профессионального образования, а 20% вообще не имеют никаких специальных навыков.

9. «Иммиграция в Россию: Благо или вред для страны?» / Пресс-выпуск № 2360 от 1.08.2013. – http://wciom.ru

сегментах рынка квалифицированного труда. Этот выигрыш в значительной степени предопределяется государственной политикой.

Дополнительный и очень мощный внешний импульс попыткам демонтажа социального государства в ведущих западных странах придало разрушение СССР, точно так же, как и существование могущественной социалистической сверхдержавы некогда явилось одним из главных факторов становления и развития социального государства в капиталистических странах.

Исключительно важную роль для «золотого века» социального государства играло развернувшееся в послевоенный период соревнование двух мировых систем (включая ракетно-ядерную гонку, подталкивавшую к наращиванию научно-технической мощи). Выдающиеся достижения советской науки, культуры и техники, успехи в области образования побуждали обе стороны к развитию социальной сферы, формированию системы отраслей социальной инфраструктуры, которое все в большей степени становилось необходимым условием научно-технического прогресса, экономического роста. Это подтверждают два лауреата Нобелевской премии: российский физик Ж.И. Алферов и американский экономист Д. Хэкман. Как отмечал в своем выступлении в аэрокосмическом институте в г. Самара летом 2013 г. Ж.И. Алферов, «в тот период главным была востребованность научных результатов экономикой и обществом. Настоящим мотором была ядерная гонка, в которой участвовали два успешных инновационных проекта: Манхэттенский проект в США и атомный проект Советского Союза»[10]. А по признанию Д. Хэкмана, «научно-технический прогресс 20 века полностью определялся соревнованием СССР и США, и очень жаль, что это соревнование закончилось»[11].

С начала 90-х годов XX в. Россия стала для мирового сообщества, с одной стороны, своеобразной социальной лабораторией (об этом с высокой международной трибуны говорил С. Калашников – экс-министр труда в правительстве РФ, впоследствии возглавлявший до 2010 г. Фонд социального страхования; правда, он вкладывал в это понятие иной, позитивный смысл), а с другой – весьма полезным «донором», на что неоднократно указывали западные эксперты.

В этой лаборатории с начала 90-х годов прошлого века проходили апробацию многие «непопулярные» меры, которые планируется реализовать в других странах, в первую очередь недавно принятых в ЕС. Перечислим некоторые из них: резкое сокращение социальных расходов государства; изменения в трудовом законодательстве, открывающие возможности увеличения продолжительности рабочего времени; использование в качестве меры анти-

10. Самарская газета. – 2013. – 12 августа.
11. http://www.za-nauku.ru

инфляционной политики задержек в выплате заработной платы и пособий, а также выплату их в неполном объеме, что позволяет переводить инфляцию в подавленную форму; отказ от прогрессивной шкалы подоходного налога в пользу единой ставки; перевод социальной сферы на рыночную основу, начало которому положила вызвавшая массовые протесты монетизация льгот.

Своеобразное «донорство» по отношению к западным моделям социального государства связано с «утечкой умов» (по некоторым расчетам, потери от эмиграции российских ученых составляют до 50 млрд долл. в год) и с утечкой капитала, масштабы которой также значительны, что дает немалые дополнительные ресурсы ведущим западным странам для решения их внутренних проблем.

Еще один аспект негативного международного влияния разрушения СССР: отсутствие реальной альтернативы – социалистической сверхдержавы – снижает результативность массовых протестных выступлений против принятия «непопулярных» мер. Спад забастовочного движения и вообще протестных выступлений (за исключением упоминавшихся выступлений пенсионеров против монетизации) в самой России был зарегистрирован с 1998 г., несмотря на продолжавшееся ухудшение социально-экономической ситуации. Это объяснялось во многом неэффективностью забастовочной борьбы в условиях прекращения работы многих предприятий, т.е. забастовкой невозможно было нанести ущерб работодателям.

Чем готовы пожертвовать и от чего нельзя отказаться

Социальный протест и массовые выступления хотя и не смогли предотвратить принятия ряда мер (например, пенсионной реформы во Франции), все же в определенной мере препятствуют демонтажу социального государства в ведущих странах Запада.

Попытки демонтажа социального государства проводятся очень осторожно (начиная с «рейганомики», отмены школьных завтраков в США и т.п.), и общий объем расходов на социальные нужды остается весьма внушительным; до последнего времени не уменьшалась также и доля этих расходов в бюджете, несмотря на растущие бюджетные дефициты в ряде ведущих промышленно развитых стран. Однако мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 г., дал новый импульс атакам на социальное государство. На одном из первых мест среди «непопулярных мер» стоит изменение пенсионного возраста, причем не только во Франции. В США для сокращения гигантского бюджетного дефицита администрация намерена урезать или вообще прекратить финансирование 200 федеральных программ. Главным образом эти меры касаются местных образовательных, жилищных и социальных проектов, например бесплатной медицины (в части помощи пожилым

пациентам) и программ обеспечения электроэнергией и теплом малоимущих (ее урежут вдвое). Все эти меры вполне в духе протестантской этики и новой концепции социальной политики, на ней основанной.

К характеристике этих мер можно отнести слова Папы Римского Франциска, прозвучавшие в обращении к католикам в преддверии католического Рождества в конце 2013 г. Он отметил, что «сегодняшний экономический механизм стимулирует неумеренное потребление, которое вкупе с неравенством разрушает социальную ткань общества». Иерарх считает, что «существующая экономическая система, экономический рост, стимулируемый свободным рынком, не приносят справедливость и благополучие для всех, что нужно сказать "нет" доминирующей экономической модели, основанной на законах конкуренции и выживании наиболее приспособленных, выбрасывающей людей как нечто ненужное»[12]. Папа Франциск убежден, что необходимы солидарность и возвращение в экономике и финансах к этическому подходу.

Очень важное значение для укрепления морально-нравственных основ социального государства в России имеют суждения Патриарха Всея Руси Кирилла о конкуренции и солидарности. В октябре 2013 г., выступая на XVII Всемирном русском народном соборе, посвященном идеям солидарного общества, базирующегося на общенациональных этических ценностях, сотрудничестве и доверии, Патриарх Кирилл определил конкуренцию как «перманентный конфликт», противопоставив этому солидарность.

Доминирование традиционных ценностей, столь важных для сохранения социального государства, подтверждают и социологические опросы населения России. В частности исследования, проведенные Институтом комплексных социальных исследований, а затем Институтом социологии РАН в 2007 г., показали, что основной социальной установкой подавляющего большинства является не общество индивидуальной свободы с присущим ему социальным расслоением, а общество, в котором соблюдается социальное равенство. Последние опросы «Левада-центра» (февраль 2014 г.) свидетельствуют, что экономику, основанную на государственном планировании и распределении, считают более правильной 54% опрошенных. Опрос того же Центра несколькими месяцами ранее показал, что лишь 9% граждан придерживаются либеральных взглядов, большинство привержены патерналистским идеям.

Весьма вероятный объект для сокращения расходов, наряду с пенсионерами и другими социально уязвимыми категориями, – иммигранты. Об этом свидетельствуют уже принятые и намечаемые меры. Уже в 2011 г. в Дании в связи с наплывом иммигрантов из Азии и Африки был временно восстанов-

12. Молчание глобального безразличия // Советская Россия. – М., 2014. – 10 января.

лен таможенный контроль на границах с соседними странами. Эту инициативу поддержали Франция и Италия, столкнувшиеся с проблемой беженцев из стран Магриба.

Новые квоты на иммиграцию уже из 17 стран ЕС, включая Францию, Германию, Австрию, Великобританию, Италию, Испанию, были введены с 1 июня 2013 г. в Швейцарии, где каждый четвертый житель является иммигрантом. Годом ранее там же были введены ограничения для выходцев из Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Венгрии, Словакии, Словении и Чехии. Еще более жесткие ограничения предусматриваются для Румынии и Болгарии. В связи с опасениями наплыва иммигрантов из Румынии и Болгарии в конце 2013 г. премьер-министр Великобритании предложил ограничить свободное перемещение граждан в границах ЕС до тех пор, пока ВВП новых членов ЕС не достигнет среднеевропейского уровня. Вполне определенно звучит и антииммиграционная риторика из уст лидеров мирового сообщества, в частности о крахе «мультикультурализма».

Ряд составляющих социального государства все же остается неприкосновенным. Во-первых, несмотря на то что обеспечение полной занятости уже не является приоритетом макроэкономической политики, массовая безработица с ее особой структурой, с ее негативными социальными последствиями заставила внести существенные коррективы в программные установки, провозглашенные при смене моделей государственного регулирования. В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века были разработаны меры для смягчения безработицы в особо разрушительных, застойных формах и предотвращения маргинализации населения. Они предусматривали дифференцированный подход к регулированию рынка труда, который означал ориентацию мероприятий политики занятости на «группы риска» рынка труда, делали акцент на меры в области образования, профессиональной подготовки и переподготовки, что придало политике занятости предупредительный характер и принесло положительные результаты. В современных условиях, когда наблюдается новый всплеск массовой безработицы и особенно молодежной безработицы в странах ЕС, эти меры вновь становятся актуальными. Кроме того, политика в сфере занятости остается одним из важных объектов координации в рамках европейской социальной модели.

Пожалуй, главным препятствием для полного демонтажа социального государства является та роль, которую социальный фундамент играет как фактор экономического роста на современном этапе НТП[13]. Тот факт, что быстро растет инновационная составляющая в приросте ВВП и инновации

13. Теоретическое обоснование этой роли было дано в работах основоположников теории человеческого капитала (Г. Беккера, Л. Туроу), в теориях образования как фактора экономического роста.

в современных условиях стали ключевым фактором конкурентоспособности, в значительной степени удерживает от разрушения определенные составляющие этого фундамента. Так, внося предложения о сокращении бюджетных расходов, президент США настаивает на увеличении расходов на ряд отраслей, прежде всего на среднее и высшее образование (приоритет отдается точным наукам: математике, физике и др.), а также на развитие энергетики и медицинской техники. Кроме того, предлагается инвестировать в создание беспроводной сети, которая предоставит высокоскоростной доступ к Интернету 98% населения. Еще один пример стимулирования передовых технологий в политике социального государства – планы правительства Германии по борьбе за новую энергетику, за снижение выбросов в атмосферу углекислого газа.

Подводя итоги рассмотрения роли взаимосвязанных факторов – экономических, демографических, социальных в процессе ослабления социального государства на современном этапе его эволюции, можно отметить особую роль разрушения СССР в этом процессе.

При всей значимости факторов, приводящих к резкому увеличению нагрузки на бюджет и заставляющих искать пути сокращения социальных расходов, жертвовать самыми уязвимыми категориями населения и ужесточать политику (например, в области иммиграции), существуют определенные составляющие социального фундамента, которые остаются неприкосновенными, поскольку в современных условиях от них зависят конкурентоспособность и экономический рост.

Сопоставление факторов, действующих «за» и «против» российской модели социального государства, позволяет выделить ее важную особенность – традиционную систему ценностей (среди которых справедливость и солидарность), носителем которых остается значительная часть населения. Эта особенность при наличии ряда противоречивых тенденций дает шанс на сохранение социального фундамента.

Ю.А. Нисневич

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ и РУДН.

Правовое государство

Основополагающей политико-правовой формой демократического государства XXI в. признается правовое государство. Суть правового государства, как представляется, можно определить следующим образом. В правовом государстве универсальным регулятором социальных отношений, ориентированным на стабилизацию всего социальное пространства без выделения каких-либо индивидуальных или групповых приоритетов, выступает право, нейтральное и толерантное по отношению к различным мировоззрениям и убеждениям. Право оказывает определяющее воздействие и на такую самостоятельную сферу общественной жизни, как политика, которая, наряду с правом, также является универсальным регулятором общественных отношений – конкурентных отношений и взаимодействий индивидов и групп по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти. Право определяет ценностно-нормативную базу представительной полиархической демократии как современной формы организации политических и государственных порядков и ее основных, по определению Роберта Даля, «политических институтов» [6].

Ключевой признак правового государства состоит в том, что в таком государстве высшей социальной ценностью признается человек, его права и свободы, основной перечень которых установлен Всеобщей декларацией прав человека. В формально-юридическом контексте претендовать на статус правового государства могут те суверенные государства – члены ООН, которые являются участниками Международных пактов о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах, т.е. те государства, которые приняли на себя обязательство исполнять установлен-

ные этими актами нормы международного права. Среди суверенных государств – членов ООН таких подавляющее большинство (более 85%). Однако необходимо отметить, что формально-юридическое участие в международных пактах о правах человека, как показывает мировая практика, не означает, что в государстве действительно соблюдаются и защищаются права человека и гражданина, и что государство действительно стремится быть правовым.

Основополагающими для всей системы прав и свобод человека являются: принцип равноправия как равенства прав и свобод для всех без исключения людей, выраженный, в том числе, и в их надгосударственном (экстерриториальном) статусе; принцип взаимообусловленности прав и свобод людей в обществе; принцип невмешательства во внутренний, духовный мир человека и толерантности к различным мировоззрениям и убеждениям.

В соответствии с принципом взаимообусловленности права и свободы человека неотделимы от системы социальных отношений в обществе и должны рассматриваться исключительно в рамках таких отношений. Они ни в кой мере не противоречат и не умаляют требования морали и общественного порядка в демократическом обществе вопреки диффамационным заявлениям противников концепции прав человека, в которых сознательно умалчивается о нормах ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и утверждается, что эта концепция порождает «вседозволенность». Обладание правами и свободами не означает возможности ничем не ограниченного произвола при их осуществлении или злоупотребления ими [2, с. 27]. Каждый человек обладает правами и свободами только до тех пор, пока не нарушает права и свободы других людей. Принцип взаимообусловленности определяет, что для того, чтобы реально осуществлять свои права и свободы, необходимо уважать и соблюдать права и свободы других людей.

Принцип невмешательства и толерантности определяется ключевыми в этом аспекте правом на свободу мысли, совести и религии и правом на свободу убеждений и их выражения, установленными ст. 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека. В этих установлениях принципиальное значение имеет запрет на принуждение, ущемляющее свободу убеждений и религии, и возможность законодательного ограничения этой свободы в соответствии с принципом взаимообусловленности для охраны прав и свобод других людей.

В правовом государстве с учетом несводимости права к закону в качестве системообразующего в социальном регулировании, политическом и государственном управлении выступает принцип правозаконности, но не в классической, а в современной правовой его интерпретации.

По классическому определению Альберта Дайси, правозаконность – это прежде всего абсолютный авторитет и главенство действующего законодательства, противопоставленные произвольным распоряжениям властей и исключающие не только произвол со стороны правительства, но и саму воз-

можность действовать в каких-то ситуациях по своему усмотрению [8]. При этом непременным условием соблюдения принципа правозаконности является равенство всех перед законом и судом.

Этот принцип определяет иерархическую систему приоритетов права и закона в жизнедеятельности общества и государства. Во-первых, абсолютный приоритет и главенство в регулировании социальных отношений отдается правам и свободам человека. При этом права человека, закрепленные Всеобщей декларацией прав человека и другими международными нормативными правовыми актами, а также общепризнанные принципы и нормы международного права не могут нарушаться никакими национальными законами, даже принятыми в полном соответствии с демократическими процедурами. Во-вторых, государство, все его органы, учреждения и должностные лица, а также граждане и их автономные объединения обязаны действовать исключительно в рамках конституции и законодательства, источником и правовым основанием которых являются права и свободы человека и гражданина.

В институциональном аспекте общепризнанным признаком правового государства считается разделение властей на судебную, законодательную и исполнительную, которое изначально было направлено на предотвращение монополизации власти, ее единоличной или групповой узурпации.

В современных условиях постиндустриального развития наряду с классическим принципом разделения властей отличительным признаком и устойчивой тенденцией, характерной для правового государства, стала более глубокая функционально-иерархическая децентрализация государственной власти, разделение ее полномочий по функциям и уровням компетенции и ответственности, что позволяет оптимизировать и повысить эффективность процесса государственного управления. В 80-е годы XX в. такая децентрализация вышла на первый план с появлением новых, глобальных подходов к управлению, в которых особый акцент делался на гуманитарном развитии.

В демократических государствах одним из ключевых направлений децентрализации власти стало разделение ее полномочий, компетенции и ответственности между центральным, региональным и местным уровнями. У такой децентрализации, которую можно определить как передачу ответственности за планирование, менеджмент и использование ресурсов от центрального уровня и его органов на более низкие уровни управления, существует три типа: политическая, административная и фискальная, а также четыре формы – деволюция, деконцентрация, делегирование и дивестиция.

В федеративных государствах децентрализация осуществляется в обязательном порядке в форме распределения власти между центром и регионами на основе принципа федерализма. Принцип федерализма предполагает установление, прежде всего на конституционном уровне правового статуса и объема прав субъектов Федерации, порядка их взаимодействия с Федерацией

и между собой, определенного характера разграничения предметов ведения и полномочий, включая их перечни, между органами государственной власти Федерации и ее субъектов. При этом нормативно-правовые и структурно-институциональные параметры федеративного устройства различных государств достаточно разнообразны в зависимости от их исторических, географических, национально-культурных и других особенностей. Общепризнанной политико-правовой основой реализации и соблюдения принципа федерализма, действенного распределения государственной власти между федеральным и региональным уровнями является принцип невмешательства федеральной власти в процессы формирования и деятельности органов государственной власти субъектов Федерации. Этот принцип может нарушаться только в чрезвычайных ситуациях в соответствии с субсидиарной ответственностью центра и регионов.

Особую роль в децентрализации власти играет местное самоуправление. С одной стороны, местное самоуправление представляет собой одну из форм осуществления народовластия, основанную на самоорганизации местного сообщества и самостоятельном решении этим сообществом – непосредственно или через создаваемые им органы – широкого круга проблем собственного жизнеобеспечения. С другой стороны, местное самоуправление – это особая власть, не относящаяся ни к одной ветви и уровню государственной власти, один из старейших институтов демократии, в рамках которого граждане могут сами защищать свои права и интересы и приобщаться к участию в управлении делами общества. Формы организации местного самоуправления многообразны и, как правило, носят индивидуальный характер, так как для того чтобы быть эффективными и комфортными для членов местного сообщества, они должны соответствовать его историческим и культурным традициям. Местное самоуправление выполняет важнейшую роль связующего звена между обществом и государственной властью, между договорным саморегулированием и самоорганизацией общества и государственным властно-принудительным регулированием общественных отношений.

Социальной основой правового государства служит гражданское общество, которое характеризуется прежде всего тем, что в таком обществе базовой социальной ценностью признается суверенитет личности, права и свободы человека и гражданина. При этом каждый человек в соответствии с его личным мировоззрением и убеждениями может иметь свои собственные духовные ценности.

Гражданское общество обеспечивает выполнение необходимой в демократическом правовом государстве функции саморегуляции социальных отношений и сдерживания интервенции государственной власти в те отношения, которые люди способны регулировать без помощи и участия институтов государства. Гражданское общество представляет собой сферу горизон-

тальной социальной активности, основанную на свободной, творческой деятельности личности и различных общностей людей.

Гражданское общество – это комплексное социально-политическое явление, регламентируемое как нормами права, так и нормами морали и традициями. Поэтому категория гражданского общества не является чисто юридическим понятием и не может быть определена в виде некой формальной схемы или конечного набора конкретных субъектов.

Предельно разграничивая сферы гражданского общества и государства как интегрирующего общество политического института, к гражданскому обществу предлагается относить все формальные и неформальные институты, связи и отношения в обществе, не предопределенные деятельностью государства. В соответствии с такой интерпретацией к институциональным элементам гражданского общества можно отнести граждан (свободное развитие личности которых и их частные интересы базируются на наличии гражданских прав, политических свобод и частной собственности, обеспечении плюрализма идей, взглядов, мнений и позиций) и их саморегулируемые автономные общности (институциональные структуры общества), включая семью, публично-правовые негосударственные ассоциации и объединения людей, их неформальные объединения, негосударственные субъекты экономической, научной, образовательной, культурной и информационной деятельности.

При предложенном подходе гражданское общество характеризует всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения, не обусловленную деятельностью государственных органов и воплощающую уровень самоорганизации социума. Описываемое таким понятием «гражданское общество», состояние общественных связей и отношений является качественным показателем гражданской самодеятельности жителей той или иной страны, основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере [5, с. 278].

Одним из ключевых условий формирования гражданского общества и его институциональной структуризации, развития как социальной среды демократического типа является наличие альтернативных источников информации, свободы коммуникаций и обмена информацией, так как информационно-коммуникационное взаимодействие на межличностном и межгрупповом уровнях и достоверная информация наряду с социальной и политической активностью граждан представляют собой основные источники энергии для функционирования гражданского общества.

В демократическом правовом государстве взаимоотношения между гражданским обществом и государственной властью строятся на признании того, что гражданское общество представляет собой социальный фундамент государства. Гражданское общество не только формирует государственную

власть, реализуя принцип народовластия, но и осуществляет постоянный контроль деятельности институтов государства, противодействуя злоупотреблениям властью как со стороны избираемой политической элиты, так и со стороны неизбираемой государственной бюрократии. При этом гражданское общество само фиксирует минимально достаточный уровень политических ограничений на участие государства в регулировании социальных отношений, определяет компетенцию органов государственной власти в социальном регулировании и наделяет их необходимыми полномочиями, правами и обязанностями.

Социальное государство

В общем виде социальное государство сегодня можно определить как такую организацию государственных порядков, которая акцентировано направлена на гарантированное обеспечение социальных прав человека и накладывает на государственную власть обязанности по защите этих прав.

Современный демократический миропорядок базируется на признании того факта, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, что и закреплено в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека. Но люди обладают очень разными возможностями практической реализации всех своих достоинств и прав – как по обстоятельствам рождения, так и по обстоятельствам жизни каждого человека, которые могут существенно изменяться на всем ее протяжении. Природа (в самом широком смысле этого понятия) наделяет людей неодинаковыми интеллектуальными и физическими возможностями. Стартовые экономические и социальные условия человека индивидуальны и зависят от его личной и семейной предыстории. Жизнь каждого человека подвержена природным, техногенным, социальным и экономическим воздействиям и катаклизмам, способным кардинально изменять его физическое состояние, социальное и экономическое положение и происходящим как по независящим от человека причинам, так и по его личным обстоятельствам. Это обусловливает материальное и социальное неравенство людей, невозможность в равной мере реализовывать свои права, особенно социальные права, а иногда и просто иметь без внешней поддержки достойные человека условия существования. Отсюда и возникает одна из самых острых и злободневных социальных и политических проблем – проблема социальной справедливости, которая постоянно стоит в политической повестке дня любого демократического государства.

Следует отметить, что достаточно распространенная точка зрения о принципиальных и даже антагонистических противоречиях между индивидуальной свободой и социальной справедливостью представляется несостоятельной и является целенаправленно сконструированной для уничижения

либеральных ценностей политической мифологемой, а не объективной политической реальностью. При этом такая мифологема используется как левыми политиками, мечтающими об утопии всеобщего равенства как высшей форме социальной справедливости, так и правыми политиками, проповедующими социальный дарвинизм как безусловное и однозначное распространение закономерностей естественного отбора и борьбы за выживание, выявленных в природе, на человеческое общество.

Социальное государство в условиях постиндустриального развития – это государство, ориентированное на практическое совмещение в повседневной жизни индивидуальных свобод и социальной справедливости. Основная задача такого государства определяется как обеспечение государственных гарантий приблизительно равных для всех граждан условий самореализации. Социальное государство также призвано гарантировать каждому своему гражданину минимально необходимые условия для его достойного существования, достаточный уровень социальной безопасности как защищенности от природных, техногенных, социальных и экономических изменений и катаклизмов и участие в управлении делами общества и государства независимо от его материального положения и социального статуса. При этом следует особо отметить, что последняя задача является для социального государства не менее значимой, чем первые две, так как возможность участия в управлении делами государства независимо от материального положения и социального статуса представляет собой неотъемлемую составляющую социальной справедливости в ее современной политико-правовой интерпретации.

Современные социальные проблемы порождены не только глобализацией и демографической ситуацией, но и неспособностью традиционного механизма социального перераспределения адаптироваться к новым вызовам, адекватно справляться с проблемами. Это прежде всего относится к принципу социальной солидарности, который адекватно содействовал решению социального вопроса в условиях существенной имущественной дифференциации, но мало дееспособен и вызывает все большее отторжение у значительной части общества в условиях высокой степени социальной однородности и доминирования среднего класса. Социальное государство как исключительно перераспределительная машина разрушительным образом воздействует не только на экономику и предпринимательскую среду, но и на социальное благополучие. Активный и всеобъемлющий государственный патернализм резко снижает склонность не только к риску, но и к принятию самостоятельных решений, требующих собственных инвестиций [1, с. 33–37, 76–79].

Чрезмерное социальное обременение трудоспособных граждан и избыточный государственный патернализм даже при наличии общественного консенсуса по этому поводу приводят к снижению качества человеческого капи-

тала страны, ее начинает покидать наиболее активная и дееспособная часть граждан. С этой проблемой сегодня уже столкнулись такие социально благополучные страны, как Норвегия и Швеция.

Для того чтобы максимально исключить вероятность возникновения подобных проблем и ситуаций, государственная социальная поддержка должна осуществляться предельно адресно и направляться только тем, кто в ней действительно нуждается и в силу объективных и независящих от них обстоятельств самостоятельно неспособен обеспечивать себе минимально необходимые условия для достойного существования. Адресная социальная помощь позволяет наиболее рационально и эффективно расходовать всегда ограниченные материальные ресурсы, выделяемые на ее осуществление.

Формирование благоприятной для самореализации и творческого развития человека социальной среды и повышение уровня его социальной безопасности – это совместная задача государства и общества. В социальном государстве решение этой задачи осуществляется объединением усилий и ресурсов государственной власти, общественных благотворительных, волонтерских и иных организаций, а также негосударственного сектора экономики на основе их партнерского и взаимовыгодного сотрудничества.

В социальном государстве базовым принципом деятельности государственной власти становится принцип ее социальной ответственности. Принцип социальной ответственности государственной власти состоит в том, что власть принимает на себя обязательства гарантировать и обеспечивать: приблизительно равные для всех граждан государства условия их самореализации; минимально необходимые условия для достойного существования каждого гражданина, достаточный уровень его социальной безопасности – защищенности от природных, техногенных, социальных и экономических изменений и катаклизмов; участие граждан в управлении делами государства и общества независимо от их материального положения и социального статуса, а также осуществлять государственное регулирование, направленное на стимулирование и создание благоприятных условий для социально ориентированной деятельности негосударственного сектора экономики.

При социально ответственной государственной власти реализация государственных социальных гарантий осуществляется не на принципах обезличенного государственного патернализма, порождающего, как правило, социальное иждивенчество и маргинальные асоциальные группы, а за счет проведения целенаправленной государственной политики в социальной сфере. В рамках такой политики приоритет отдается обеспечению максимально благоприятных условий для самореализации личности как наиболее эффективному направлению снижения остроты всего комплекса социальных проблем, а социальная помощь оказывается адресно наименее обеспеченным и защищенным социальным группам и гражданам на основе общественного

консенсуса по поводу необходимого для ее осуществления перераспределения государственных ресурсов.

Светское государство

В правовом контексте светское государство представляет собой такую организацию государственных порядков, которая акцентировано направлена на соблюдение и защиту права на свободу мысли, совести и религии, а также иных, в том числе и нерелигиозных убеждений, которое в обязывающей форме установлено ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, т.е. на реализацию принципа невмешательства государства во внутренний мир человека и толерантности государства к различным как религиозным, так и нерелигиозным мировоззрениям и убеждениям.

В общем виде светское государство определяется как конституционно-правовая характеристика государства, означающая отделение церкви от государства, разграничение сфер их деятельности. В данном случае под «церковью» следует понимать всякую общность, существующую на религиозной основе, и в такой предложенной Э. Дюркгеймом интерпретации, по его утверждению, «во всей истории мы не найдем ни одной религии без церкви» [7].

В светском государстве взаимоотношения между государством и религией основываются, прежде всего, на том, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или, что особенно значимо, обязательной.

На *институциональном уровне* светский характер государства определяется отсутствием установленных конституцией или законом государственных институтов, посредством которых духовенство имело бы право влиять на управление делами государства, специальных государственных должностей и должностей в органах государственной власти, предназначенных для замещения священнослужителями. Со своей стороны и государство не возлагает на религиозные объединения каких-либо государственных функций. В отношении религиозных объединений конституции светских государств устанавливают, что такие объединения отделены от государства, равноправны, автономны и свободны в своей деятельности. Государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если эта деятельность не нарушает законы. Взаимоотношения и взаимодействия между светским государством и религиозными объединениями осуществляются на основе принципов разделения сфер их деятельности и взаимного невмешательства и регулируются законами или договорами. При этом чаще всего договорные отношения устанавливается с религией, которая исторически является доминирующей и, как правило, наднациональной, но не конституируется как государственная.

Для освобождения политики от влияния религии *на процессуальном уровне* необходимы ограничения на участие религиозных объединений и особенно священнослужителей в политической деятельности. Такие ограничения, как представляется, должны относиться прежде всего к запрету на материальную, организационную и пропагандистскую поддержку религиозными объединениями и духовенством политических партий, включая запрет на создание партий по религиозному принципу. При этом никакие ограничения политических прав верующих в личном качестве не допустимы.

В светском государстве не только религиозные объединения и духовенство не должны вторгаться в сферу политики, но и политические акторы не должны иметь права использовать религию в политических целях.

К использованию религии в политических целях относится как публичное участие духовенства в официальных государственных политических мероприятиях, так и участие должностных лиц государства и публичных политиков в их официальном статусе в религиозных церемониях, обрядах и ритуалах. Религиозные предпочтения и убеждения должностных лиц государства, политиков и государственных чиновников всех рангов, на которые они, безусловно, имеют право, должны оставаться только их частным делом.

Акцентированная публичная демонстрация, в первую очередь высшими должностными лицами государства, их приверженности конкретной религии (особенно, если эта религия исторически является доминирующей) представляет собой популистский политический прием, рассчитанный на укрепление или удержание своей власти, создавая или усиливая охранительную функцию религии. Охранительная функция религии – это способность религии сопротивляться изменениям и направлять свой авторитет на сохранение статус-кво в социальной и политической ситуации, порой поддерживая авторитарных правителей и авторитарные системы правления [4, с. 69]. Такая ситуация разрушительна для конституционного принципа светскости государства, так как способствует его клерикализации и провоцирует в массовом сознании негативное отношение к гражданам, приверженным иным религиям и вероисповеданиям, а также различным нерелигиозным мировоззрениям.

Публичная демонстрация высшими должностными лицами государства их приверженности конкретной религии, посещение культовых сооружений и участие в религиозных церемониях, обрядах и ритуалах в официальном статусе порождает не реальную веру, а массовую моду на религию с явной политической окраской, которой усиленно стремятся следовать в первую очередь государственные чиновники всех рангов. Это представляется разрушительной для любой религии профанацией, оскорбляющей религиозные чувства действительно и глубоко верующих людей.

В светском государстве в сфере публичной политики объективно необходимый диалог между государственной властью и религиозными объедине-

ниями должен осуществляться на иных принципах, чем диалог между общественными объединениями граждан. Это обусловлено тем, что из всех общественных объединений только религиозные конституционно отделены от государства, включая сферу их деятельности, и не имеют права вмешиваться в дела государства, в том числе и посредством официального лоббизма.

В светском государстве, наряду с отказом от государственной и обязательной религии и институциональным отделением религиозных объединений от государства, должны быть исключены процессуальные возможности как непосредственного, так и опосредованного влияния духовенства на политическую и государственную деятельность и запрещено использование религии в политических целях.

При оценке отношений между правом и религией в светском государстве следует исходить из той ключевой роли, которую в правовом государстве играет важнейшей институт современного права – институт прав человека и его взаимоотношений с религией в социальной сфере.

Специфика взаимоотношений между институтом прав человека и религией как социальным явлением обусловлена тем, что всем религиям присуще свойство социальной инклюзивности как способности и стремления религии проникать в социальную сферу посредством установления религиозных норм и правил индивидуального и группового поведения как в отношениях между людьми и их сообществами, так и в отношении государства. У разных религий в разные периоды их исторического развития степень соотнесения и разделения духовного и мирского (социального) и вытекающие из этого глубина и характер регулятивного проникновения в социальную сферу были и остаются различными.

Для усиления и укрепления своего духовного влияния и влияния своих священнослужителей каждая из существующих религий претендует на регулирование посредством религиозных установлений и норм повседневной жизни и поведения людей, т.е. претендует не только на духовную власть, но и на роль регулятора отношений в социальной сфере. При этом каждая религия исходит из того, что только она является единственно истинной и универсальной, и поэтому ни одна из существующих религий органически не может служить значимым для всех регулятором отношений в социальной сфере.

Роль и место религии в современном мире и светском государстве определяется тем, что религия была и остается одним из самых влиятельных и значимых мировоззренческих феноменов. При этом мировоззрения и убеждения людей сегодня так же многообразны и многолики, как и само человечество. Мировоззрение, определяющее присущие человеку ценности бытия, нравственные установки, нормы морали и этики, понятия добра и зла, может быть как религиозным, так и нерелигиозным, примерами которого могут служить достаточно распространенные в настоящее время агностицизм и

атеизм. Эта сфера человеческого бытия, духовной и умственной деятельности человека носит конкурентный и во многом бескомпромиссный характер. Светский характер государства объективно способствует расширению и усилению конкуренции мировоззрений.

Поэтому все религии, как представляется, должны в первую очередь сосредоточить свою деятельность и свои усилия в сфере духовной жизни и умственной деятельности людей, используя для этого различные формы и методы религиозного просвещения и убеждения без принуждения. При этом в деятельности и социальной роли религии, которая изменяется на протяжении всего исторического процесса развития человечества, главной должна стать гуманистическая тенденция. Гуманистическая тенденция в религии утверждает самоценность человека и его бытия как творения Божьего и стимулирует возможности его самореализации, ориентирует человека на развитие своего разума для понимания самого себя, своего отношения к другим и своего места во Вселенной, развивает способность любви к другим так же, как и к себе, чувство единства всех живых существ [4, с. 69].

В светском государстве каждая религия может сохранить за собой роль локального регулятора социальных отношений в рамках сформированного на ее основе религиозного объединения. При условии, что члены такого объединения готовы добровольно и без принуждения ограничить свои общепризнанные права и свободы для соблюдения и следования в повседневной жизни установлениям, предписаниям и нормам той религии, последователями которой они являются. Но при этом никоим образом не должны нарушаться права и свободы других граждан государства.

Заключение

В современном мире модель демократического государства как правового, социального и светского становится основной и доминирующей и может служить эталоном для оценки состояния конкретного государства. Такая модель не только практически реализуется в наиболее демократических государствах, хотя и не всегда идеально и в полном объеме, но даже в тех государствах, которые в своей политической практике сегодня далеки от демократических порядков, во многих случаях декларируется на конституционном уровне.

Литература

1. Гутник В.П. Германия: Успехи и провалы социального рыночного хозяйства // Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. – М.: Институт экономики переходного периода, 2005.

2. Нисневич Ю.А. Закон и политика. – М.: МОО «Открытая Россия», 2005.

3. Нисневич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник Российского университета дружбы народов, серия «Политология». – М., 2006. – № 1(6).

4. Радугин А.А. Введение в религиоведение: Теория, история и современные религии. – М.: Центр, 2004.

5. Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2008.

6. Dahl R. A. On Democracy. – Yale University Press, 1998.

7. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. – Oxford University Press, 2001.

8. Hayek F. The road to serfdom. – University of Chicago Press, 1994. – http://books.google.com/books?id=1QyQwvLDLycC

П.И. Толмачёв

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Толмачёв Петр Иванович – профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Дипломатической академии МИД России.

К началу XXI в. фундаментальным направлением экономического развития является глобализация мировой экономики. Основу этого процесса предопределили стремительные темпы развития мирового хозяйства второй половины XX в. При увеличении за столетие мирового ВВП примерно в 19 раз (больше, чем за всю предшествующую историю человечества) его рост во второй половине века происходил втрое быстрее, чем в первой. Столь высокие темпы стали результатом прежде всего научно-технической и информационной революций, которые дали толчок формированию и бурному росту «новой» экономики – отраслей и подотраслей, основанных на знаниях и информации.

Глобализация экономической деятельности развивается по следующим основным направлениям [1, с. 27].

1. *Международная торговля* товарами, услугами, технологиями, объектами интеллектуальной собственности.

2. *Международное движение факторов производства:* капитала (в виде прямых иностранных инвестиций), рабочей силы, стихийные миграции неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих и в виде «утечки умов».

3. *Международные финансовые операции:* кредиты (частные, государственные, международных организаций), основные ценные бумаги (акции, облигации и другие долговые обязательства), производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы и др.), валютные операции.

При этом соотношение как между этими направлениями, так и разных форм внутри каждого из них в последние годы существенно меняется. Общей

закономерностью является то, что все сферы международной экономики по темпам роста опережают темпы роста реального сектора, т.е. валового внутреннего продукта. Отсюда рост их удельного веса (доли) в ВВП: это касается и торговли, и движения капитала, и финансовых операций.

Глобализация в ее современном виде может привести к формированию «нового мирового порядка», основанного на «асимметричной взаимозависимости», когда основными *субъектами* этого процесса станут ведущие страны мира (прежде всего США), а *объектами* (в значительной мере) – все остальные страны. Впрочем, некоторые аналитики полагают, что правильнее в данной ситуации было бы говорить о новом мировом «устройстве» (а не «порядке»), поскольку действительный «порядок» при этом не достигается.

К началу XXI столетия становится вполне очевидным, что новыми возможностями, создаваемыми глобализацией, в наибольшей степени смогли воспользоваться прежде всего наиболее развитые страны с рыночной экономикой.

Следует отметить, что в реальности *межстрановая* дифференциация доходов дополняется *внутристрановой* (региональной) социально-экономической дифференциацией (в том числе и внутри развитых стран с рыночной экономикой).

По оценкам специалистов [6, с. 435; 9, с. 414; 7, с. 752; 2; 4], в долгосрочной перспективе вероятно сохранение высоких темпов роста мировой экономики на фоне поступательного развития глобализации при усилении ее региональной составляющей. Среднегодовые темпы прироста мирового ВВП за 2008–2020 гг. прогнозируются на уровне 4–4,2% по сравнению с 3,9% в 2001–2006 гг. и 3,3% в 1991–2000 гг. Это означает, что мировой ВВП фактически удвоится: с 61 трлн долл. сегодня до 117 трлн к 2020 г. Ежегодный прирост мирового ВВП будет составлять от 3 трлн долл. до 6–7 трлн к концу прогнозируемого периода. Другими словами, мировая экономика сегодня ежегодно вырастает на величину экономики Германии или Индии, а к концу прогнозируемого периода вырастет на размер современной китайской экономики.

Основной вклад в высокую мировую динамику будут вносить Китай (среднегодовой прирост ВВП – 7,7%) и Индия (6,6%) – новые лидеры глобализации. Россия, страны СНГ и большинство государств Центральной и Восточной Европы будут развиваться темпами выше мирового тренда. В Бразилии темпы прироста ВВП в рассматриваемый период могут составить 3,5%. В США прирост останется на достаточно высоком уровне 90-х годов: 3,2–3,3%. В Западной Европе (2,0–2,7%) и Японии (1,7–2,2%) темпы роста несколько превысят показатели 90-х годов, но их двукратное отставание от мирового тренда будет означать курс на удержание высокого качества жизни без возможности серьезной экономической экспансии. Доля стран ЕС-27

в мировом ВВП, сегодня превышающая долю США и Китая, к концу прогнозируемого периода окажется ниже их показателей. К 2020 г. ранжировка стран по объему мирового ВВП в ценах и по ППС 2005 г. будет выглядеть следующим образом: КНР – 23%, США – 18, Индия –8,4, Япония – 4,6%, Россия – 3,2, Германия – 2,9, Бразилия – 2,4%. Эти разные страны объединяет активный поиск национальных и многосторонних моделей адаптации к реалиям глобальной и постиндустриальной экономики.

Относительно высокие темпы роста мировой экономики в сочетании с замедлением роста населения приведут к резкому, более чем двукратному по сравнению с 90-ми приросту ВВП на душу населения. В результате в 2020 г. почти половина населения Земли (48,8%) будет жить в странах со среднедушевым ВВП более 10 тыс. долл. в год, тогда как в 2005 г. в таких странах проживали 1,5 млрд человек, или 23,2% населения мира. При сохранении значительной дифференциации в доходах средний класс может составить до 40% населения планеты. По ВВП на душу населения США увеличат свой отрыв от других крупных стран. Россия в 2020 г. по ВВП на душу населения займет 40-е место (27 тыс. долл.), Китай – 52-е (19 тыс. долл.) – в ценах и по ППС 2005 г.

Скорость изменений увеличивается. Акселератором выступают инновации в глобализирующемся мире. Центр тяжести инновационной активности смещается к сфере услуг – информационных, медицинских, финансовых, профессиональных, а также к энергетике, особенно к энергосбережению. Возрастает число мировых игроков. К традиционным центрам силы добавились Китай, Индия, Бразилия, Иран. На подходе Малайзия, Индонезия, Мексика. Конкуренция за ресурсы и рынки становится более жесткой.

Ускоряя рост, глобализация увеличивает нагрузку на международные и национальные институты. Скорость их адаптации отстает от темпа перемен. Неравномерность развития, информационная революция, демографические дисбалансы, экологические проблемы, старение населения развитой части мира порождают мощные миграционные потоки и межцивилизационные взаимодействия и противоречия. Международная безопасность становится более хрупкой, терроризм – общественной реальностью, режим нераспространения ядерного оружия переживает кризис.

И тем не менее мировое развитие ускорится. Таков наиболее вероятный сценарий развития мировой экономики до 2020 г. Этот сценарий учитывает возможные угрозы и неопределенности как в политической сфере, так и в траектории развития ведущих мировых экономических центров. В связи с этим возникает настоятельная необходимость осмыслить направления развития мировой экономики. Представляется, что ее основными характеристиками в ближайшие 10–15 лет могут стать:

- распространение современных технологий в развивающихся странах и превращение Китая и Индии в главные локомотивы мирового экономического роста;
- старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся странах;
- ускорение инноваций, усиление их влияния на экономическое развитие;
- преодоление энергетических барьеров роста за счет повышения энергоэффективности и расширения использования альтернативных видов энергии;
- усиление ограничений роста, связанных с экологическими факторами, дефицитом пресной воды и изменением климата.

Экономический рост будет достигнут главным образом за счет развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, на долю которых будет приходиться более трети мирового роста. Суммарно экономики этих стран в 2006 г. обеспечили около 15% мирового выпуска, а к 2020 г. их размер составит более 30% мирового ВВП (табл. 1).

Развитые страны сохранят темпы роста в пределах 1,5–2% в год. При этом удельный вес стран Еврозоны, США и Японии в общем объеме мировой экономики снизится с 44% в 2007 г. до 30 – в 2020 г. Продолжится сокращение относительного разрыва в уровне благосостояния населения развитых стран и быстроразвивающихся регионов Азии, СНГ и Латинской Америки. Так, если ВВП на душу населения в Китае и Индии в 2007 г. составлял соответственно 11,7 и 5,8% от уровня США, то в 2020 г. он составит 23,4 и 9,4%. В странах СНГ этот показатель увеличится с 23 до 42% от уровня США.

Одним из основных ограничителей роста экономики развитых стран станет демографический фактор. По прогнозным данным ООН, население земного шара увеличится к 2020 г. на 14,6% и составит 7,2 млрд человек. Почти на 97% этот прирост будет обеспечен за счет увеличения численности населения наименее развитых стран, в то время как во многих развитых странах, прежде всего в странах Европы и в Японии, будет происходить обратный процесс. В этих условиях повышение производительности труда обеспечит более 90% прироста ВВП в развитых странах (в 1981–2000 гг. примерно 70%).

Две трети общего увеличения занятости будет обеспечиваться азиатскими странами с относительно молодым населением, в том числе Китаем (14%) и Индией (30%). Отсюда сохранится масштабная трудовая миграция между трудоизбыточными регионами и странами, испытывающими дефицит рабочей силы. Основными странами-донорами останутся Китай, Индия, Филиппины, Индонезия, Пакистан, а принимающими странами: США, ЕС, Япония, Россия, государства Персидского залива.

Таблица 1

ДИНАМИКА ВВП ПО РЕГИОНАМ И КРУПНЕЙШИМ СТРАНАМ МИРА

	ВВП (ППС), трлн долл. 2010 г.							*Темпы роста ВВП, %*		
	2010	*2015*	*2020*	*2025*	*2030*	*2035*	*2040*	*2010–2020*	*2010–2030*	*2010–2040*
Северная Америка	17,9	20,2	23,6	26,9	30,0	32,9	35,6	2,8	2,6	2,3
США	15,0	16,9	19,7	22,4	25,0	27,3	29,5	2,8	2,6	2,3
Европа	16,9	17,9	19,8	21,8	23,8	25,8	27,9	1,6	1,7	1,7
ЕС-28	15,2	15,9	17,4	18,9	20,5	22,0	23,6	1,3	1,5	1,5
Развитая Азия	6,8	7,5	8,2	9,0	9,6	10,2	10,7	1,9	1,8	1,5
Япония	4,4	4,6	4,9	5,1	5,3	5,5	5,6	1,1	1,0	0,9
СНГ	3,1	3,6	4,3	5,1	5,9	6,7	7,6	3,3	3,2	3,0
Россия	2,2	2,5	3,0	3,5	3,9	4,4	4,9	3,0	2,9	2,7
Развивающаяся Азия	19,5	26,5	36,1	47,6	61,3	77,5	96,1	6,4	5,9	5,5
Китай	11,2	15,9	22,0	28,9	37,2	47,0	58,5	7,0	6,2	5,7
Индия	4,1	5,3	7,3	9,9	13,3	17,4	22,1	5,8	6,0	5,7
Южная и Центральная Америка	4,8	5,7	6,9	8,1	9,4	10,8	12,2	3,5	3,4	3,1
Бразилия	2,2	2,4	2,9	3,4	3,9	4,5	5,0	2,9	3,0	2,9
Ближний Восток	3,0	3,5	4,2	5,1	5,9	6,9	7,9	3,6	3,5	3,3
Африка	3,0	3,7	4,8	6,1	7,7	9,6	11,9	4,8	4,8	4,7
Мир	75,1	88,7	108,0	129,7	153,7	180,5	209,9	3,7	3,6	3,5
ОЭСР	41,5	45,4	51,5	57,5	63,4	68,9	74,1	2,2	2,1	2,0
не-ОЭСР	33,6	43,3	56,5	72,1	90,4	111,6	135,7	5,3	5,1	4,8
ОПЕК	3,7	4,5	5,5	6,8	8,2	9,7	11,5	4,1	4,0	3,8
БРИКС	20,2	26,8	35,8	46,5	59,3	74,5	92,0	5,9	5,5	5,2

Источник: ИНЭИ РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ // Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. – М., 2014. – С. 16.

Рост производительности труда в мире все больше будет опираться на накопление не физического, а человеческого капитала и на повышение роли экономики знаний. Опережающие темпы роста затрат на НИОКР в Китае и Индии приведут их к 2020 г. в группу лидеров научно-технического развития в мире.

Вместе с тем в кратко- и среднесрочной перспективе существует нарастающий риск, что последствия финансового кризиса будут оказывать влияние на мировую экономику на протяжении ряда лет. При этом темпы роста в развитых странах будут составлять 1% и менее, что в конце концов может резко ослабить рост в Китае и Индии до 6–6,5%.

Главные условия, при которых могут быть достигнуты прогнозируемые показатели экономического развития: *дальнейшая либерализация внешнеэкономического обмена, расширяющийся доступ к инновационным достижениям, передовым техническим стандартам и методам государственного*

и корпоративного управления экономикой, глобальная конкуренция, более рациональное использование всех видов ресурсов.

Глобализация обеспечит опережающий рост международной торговли по сравнению с ростом ВВП. Наиболее быстро будет расти обмен коммерческими услугами (маркетинг, инжиниринг, консалтинг, финансовые и другие услуги). Сохранится тенденция к вымыванию изделий низкой технологии и ресурсоемкой продукции из международного товарооборота. Удельный вес в нем топлива в ценах 2005 г. снизится за ближайшие 15 лет с 13,8% до 8–9%. Ожидается быстрый рост торговли средне- и особенно высокотехнологичной продукцией. Их совместная доля в мировом товарном экспорте к 2020 г. превысит 65–70%.

В случае серьезного отката глобализации и возврата к протекционизму в международных экономических отношениях среднегодовые темпы прироста мирового ВВП могут упасть на 2–2,5 процентных пункта. Однако взаимозависимость национальных экономик достигла такого уровня, а информационные, производственные, торговые и финансовые связи стали настолько плотными, что данный сценарий имеет низкую и краткосрочную вероятность и то в отдельных секторах. Можно, однако, ожидать роста ограничений миграции низкоквалифицированной рабочей силы. Будут предприниматься усилия по институциональному ограничению негативных последствий глобализации, более полному учету интересов «второй волны» участников глобализации.

Мировой инновационный процесс ускорится на основе роста инвестиций в НИОКР, формирования глобальных телекоммуникационных сетей, нарастания использования интернет-технологий. Экономически значимым будет процесс конвергенции технологий, в основе которого лежат возможности, открывшиеся с использованием информационных, био- и нанотехнологий. Энергосбережение и экология останутся в фокусе инновационной активности. По отдельным информационно-коммуникационным технологиям Южная Корея, Китай, Индия уже перешли от «догоняющего» развития к «лидирующему». Опережающие темпы роста затрат на НИОКР в Китае и Индии приведут к концу прогнозного периода к существенному сближению их показателей наукоемкости с развитыми странами. В 2020 г. на Китай придется 20% мирового объема НИОКР, на все страны Азии – 45, на США – 28%.

В прогнозный период процесс глобализации исследований ведущих наукоемких корпораций будет нарастать. Освоение зарубежного технологического опыта будет все чаще осуществляться за счет слияний и поглощений. Будут развиваться глобальные партнерские, кооперационные отношения, включая организацию совместных исследований на доконкурентной стадии или проведение стратегических НИОКР, технологические альянсы по принципу: рынок в обмен на технологии.

В прогнозный период обеспеченность мировой экономики в инвестиционных ресурсах будет в целом достаточной, чтобы поддерживать высокие темпы. Более того, если экономическое развитие мира во второй половине XX в. опиралось на возраставшую из десятилетия в десятилетие долю фонда накопления в ВВП, то в прогнозный период ожидается перелом тенденции – снижение этой доли. Снизится доля накопления в ВВП и в развивающихся странах, во многих из которых, прежде всего в Китае, она сейчас вдвое превышает уровень накопления в развитых государствах. В целом в прогнозный период доля материальных инвестиций в ВВП мира снизится с 22 до 19%, в том числе в развитых странах – с 20 до 17%, в развивающихся – с 26 до 20%. При этом повсеместно будут расти инвестиции в человеческий капитал и нематериальные активы[1].

Новое в инвестиционной сфере в прогнозный период, особенно в его второй половине, – усиление тенденции к образованию относительно избыточных капиталов, прежде всего в развитой части мира. Конкуренция за привлечение капитала все чаще будет сочетаться с соперничеством между самими инвесторами за возможность реализовать его излишки.

Продолжится совершенствование финансовой инфраструктуры инвестиционного процесса, повышение роли и эффективности операций институциональных инвесторов (инвестиционных и пенсионных фондов, страховых компаний, различного рода сберегательных организаций). Более рациональному использованию инвестиционных ресурсов будет способствовать широкое использование финансовых производных (деривативов), обращающихся на спотовых, срочных и опционных рынках.

Несмотря на прогнозируемое снижение энергоемкости мировой экономики, в целом за 2007–2020 гг. общее потребление первичных энергоресурсов (ПЭР) возрастет примерно в 1,3 раза, что обеспечит еще больший рост торговли энергоресурсами. Спрос будет концентрироваться прежде всего

1. Экспертное сообщество неоднозначно оценивает данный процесс. Приводятся такие аргументы. «Во время первой стадии промышленной революции почти вся прибыль от роста производительности труда направлялась капиталу; позже рабочие добились того, что они стали получить значительную долю прибыли. Сегодня мы имеем похожую ситуацию. Полученное благодаря цифровой революции богатство хлынуло в основном владельцам капитала и высококвалифицированным работникам. В последние 30 лет получаемая рабочими доля прибыли по всему миру сократилась с 64 до 59%. В то же самое время доля 1% самых богатых американцев взлетела с 9% в 1970-х годах до 22% в 2012 г. Сегодня уровень безработицы на рекордно высоком уровне в большинстве богатых стран, и это не просто очередной экономический цикл. В 2000 г. 65% трудоспособного населения Америки работали, в настоящее время эта доля сократилась до 59%». См.: Опасна ли для общества технологическая революция? – http://www.vestifinance.ru

в развивающихся странах, не имеющих собственных нефтегазовых запасов. Две трети увеличения потребления ПЭР придется на развивающиеся страны (1/4 – на Китай). Мировые топливно-энергетические ресурсы и энергоэффективность – основной объект инновационных программ ведущих экономик мирового хозяйства.

Перспективы развития мировой энергетики связаны с повышением прозрачности, предсказуемости и стабильности глобальных энергетических рынков, улучшением инвестиционного климата в энергетическом секторе, повышением энергоэффективности и энергосбережения, диверсификацией видов потребляемой энергии, обеспечением физической безопасности жизненно важной энергетической инфраструктуры, сокращением масштабов энергетической бедности, решением проблем изменения климата и устойчивого развития. Прогнозы развития мировой энергетики связаны с оценкой достаточности предложения, доступности и эффективности использования энергоресурсов.

К 2030 г. спрос на первичную энергию может вырасти на 60% по сравнению с уровнем 2005 г. при росте мировой экономики в среднем на 3,5–4% в год и достижении численности мирового населения 8,3 млрд человек. Темпы роста потребления энергоресурсов будут постепенно замедляться по мере повышения эффективности использования энергии и замедления роста мирового ВВП.

В развивающихся странах темпы роста потребления энергоресурсов будут в 3–3,5 раза выше, чем в странах ОЭСР, что можно видеть из данных таблицы 2.

На развивающиеся страны придется 2/3 увеличения потребления энергоресурсов, на Китай и Индию – около 50%. По прогнозу МЭА, удельный вес Китая в мировом спросе на энергоресурсы в 2020 г. достигнет 17–18% против 12% в настоящее время. По оценкам экспертов, энергоемкость мировой экономики к 2030 г. может снизиться на 60%. Удельное потребление энергии уменьшится с 306 кг нефтяного эквивалента на 1 тыс. долл. США мирового ВВП в 2005 г. до 130 кг – в 2030 г.[2] В структуре потребления доминирующее положение, скорее всего, сохранится за топливно-энергетическими ресурсами органического происхождения, доля же энергии АЭС, ГЭС, биотоплива и других возобновляемых источников энергии не превысит 15%. Снижение энергоемкости мировой экономики достигается за счет энергоэффективности,

2. Расчеты этого показателя в различных прогнозах имеют некоторые отклонения. Сценарий развития мировой экономики по версии ИМЭМО РАН, в частности, исходит из того, что «потребление нефти на $1000 мирового ВВП снизится к 2020 г. до 52 кг – по сравнению с 99 кг в 1990 г. и 75 кг в 2005 г. Уже в 2006 г. импорт сырой нефти странами ОЭСР оказался ниже, чем в 2005 г.». См.: [3].

в основе которой лежат инновационные технологии. В долгосрочной перспективе цены на нефть в реальном выражении (относительно мировой инфляции), скорее всего, будут плавно снижаться.

Таблица 2

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ (ПО ДАННЫМ МЭА), СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА, %

Регионы	*Период*		
	2005–2015 гг.	*2015–2030 гг.*	*2005–2030 гг.*
Первичное потребление энергии			
Мир	2,3	1,4	1,8
ОЭСР	1,1	0,6	0,8
США	1,2	0,7	0,9
ЕС	0,5	0,3	0,4
Развивающиеся страны	3,8	2,2	2,8
Китай	5,0	2,0	3,2
Индия	3,7	3,5	3,6
Энергоемкость ВВП			
Мир	-1,8	-1,8	-1,8
ОЭСР	-1,4	-1,2	-1,3
США	-1,4	-1,5	-1,4
ЕС	-1,7	-1,4	-1,6
Развивающиеся страны	-2,2	-2,1	-2,2
Китай	-2,5	-2,8	-2,7
Индия	-3,3	-2,1	-2,5

Источник: Обзорные публикации Международного энергетического агентства (МЭА).

Более высокие темпы снижения энергоемкости будут характерны для развивающихся стран (за счет значительного потенциала внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий). Факторами, ограничивающими рост потребления энергоресурсов и развития энергосберегающих технологий, будут являться ограниченный рост предложения на мировом рынке, мировая конъюнктура цен на энергоносители, экологические и климатические параметры состояния окружающей среды. Мы разделяем прогнозные оценки структуры мирового топливно-энергетического баланса относительно, того что к 2030 г. потребление первичной энергии возрастет по сравнению с уровнем 2010 г. на 17,5%, а к 2050 г. – на 36,0%. На фоне некоторого количественного роста произойдут радикальные структурные изменения в мировом топливно-энергетическом балансе.

До 2050 г. доля нефтяной отрасли в мировом ТЭБ будет быстро сокращаться (с 30,6 до 16,4%) при снижении абсолютных объемов производства на 28% (с 3821 до 2757 млн т н.э.). Темпы роста добычи и потребления газа будут существенно выше, чем нефти: к 2030 г. его потребление вырастет

на 22,1%, а после 2030 г. начнется стагнация с тенденцией к спаду. Доля природного газа в мировом ТЭБ снизится с 21,6 до 18,2%. Угольная энергетика в 2010–2050 гг. сократится в 47%. Доля угля снизится с 27,3 до 10,7%. При этом практически все сокращения как угольной, так и нефтяной отрасли придутся на период после 2030 г.[3]

Таблица 3

СТРУКТУРА МИРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ ПО ВИДАМ ТОПЛИВА (ПО ДАННЫМ МЭА), %

Виды топлива	*2010 г.*	*2030 г.*
Уголь	26	26
Нефть	34	33
Природный газ	21	23
Ядерное топливо	6	5
Прочие	13	14
Всего	100	100

Согласно базовым прогнозам мировых агентств (табл. 3), к 2030 г. в структуре мирового потребления энергоресурсов снизится доля нефти и ядерного топлива (до 33 и 5% соответственно). Прогнозируется увеличение доли природного газа (до 23%) и альтернативных источников энергии. Ожидается интенсивный рост новых мировых рынков энергоносителей, в частности сжиженного газа.

Неопределенность в прогнозах развития атомной энергетики связана с проблемами ограниченности ресурсной базы. В последнее десятилетие мировое потребление урана постоянно растет, в 2006 г. оно на 75% превысило производство урана, дефицит покрывается в основном складскими запасами, что вызывает рост цен на природный уран. В дальнейшем прогнозируется прирост потребления ядерного топлива со среднегодовым темпом 0,5–1%. Развитие атомной энергетики будет зависеть от стратегий развития мировых производителей ядерного топлива и энергетических компаний, которые будут стремиться обеспечить стратегический контроль над добычей урана. Как следствие, объемы импорта для России могут быть ограничены.

Темпы роста потребления возобновляемых видов энергии будут превышать среднегодовые темпы роста общего энергопотребления на 0,2 процентных пункта. Ограничение роста связано с тем, что возобновляемые источники большей частью являются конкурентами производству продовольствия (по занимаемой площади, по используемым водным ресурсам и др.). Согласно

3. См. подробнее: Глобальная энергетика и устойчивое развитие. Мировая энергетика – 2050 (Белая книга). Под ред. Б.Б. Бушуева (ИЭС), Б.А. Каламанова (МЦУЭР). – М.: ИД «ЭНЕРГИЯ», 2011. – 360 с. – С. 302.

большинству прогнозов, самым значимым из возобновляемых видов энергии будет оставаться гидроэнергия. Опережающими темпами будет расти производство ветровой и солнечной энергии. Возрастающее потребление биотоплива будет характерно для автотранспорта. В настоящее время Россия производит более 10% мировой первичной энергии, в будущем она будет сохранять позиции одного из ведущих игроков мирового энергетического рынка, без поставок из России практически невозможно будет сбалансировать энергопоставки и энергопотребление в ряде крупных региональных рынков.

Цена на нефть марки «Urals» после достижения максимума в среднесрочной перспективе будет снижаться в связи с прогнозируемым вводом мощностей нефтедобычи и нефтепереработки, ростом инвестиций в научные исследования и развитие нефтяной отрасли (например, сланцевые технологии), а также ослаблением спекулятивной составляющей конъюнктуры и замедлением роста мирового спроса. В последующие годы предполагается, что рост издержек, связанных с ухудшением условий добычи, будет определять рост цен на нефть, на 1–2% опережающий уровень инфляции.

Для прогнозирования стоимостных индикаторов энергоносителей необходимо считаться с понижающейся эффективностью добычи основных видов сырьевых ресурсов в связи с исчерпанием запасов на наиболее продуктивных разведанных месторождениях. Несмотря на рост мирового потребления энергоресурсов, обеспеченность собственными разведанными извлекаемыми запасами углеводородного сырья во многих странах намного отстает от их потребностей. Вполне оправданно и нами полностью разделяется мнение академика Н.А. Шило: «Нас ждет острая борьба за ресурсы планеты». Вот почему, как справедливо отмечает академик Д.В. Рундквист, главная задача сейчас состоит в том, чтобы противостоять попыткам превратить Россию в сырьевой придаток развитых стран [8, с. 5; 5].

Перспективы динамики цен на энергоносители очень неопределенны и ввиду непредсказуемости развития ситуации в ряде стран – производителей нефти (Иране, Ираке, Венесуэле, Нигерии) и больших развилок в перспективах изменения разведанных запасов и динамики спроса. На рубеже 2020 г. стремительно возрастет роль альтернативных источников топлива, в том числе биотоплива, что может резко понизить спрос на углеводороды. В связи с этим весьма вероятны как сценарий более резкого снижения цен на нефть, так и сохранение тенденции их роста.

В среднесрочной перспективе прогнозируется также некоторое снижение мировых цен на основные группы металлов в связи с ростом производственных мощностей, некоторым ослаблением мирового спроса и снижением конъюнктурной ценовой составляющей. В целом прогнозируется, что начиная с 2012 г. цены на металлы будут расти в соответствии с уровнем инфля-

ции. В условиях перехода к периоду устойчиво дорогой нефти вероятен и переход к периоду дорогого продовольствия. В среднесрочной перспективе цены на сельскохозяйственную продукцию, скорее всего, будут продолжать расти быстрее уровня инфляции, несмотря на задействование резервных сельскохозяйственных площадей. В дальнейшем предполагается, что при увеличении производственных и перерабатывающих мощностей рост цен замедлится.

Рост цен будет поддерживаться ростом спроса в развивающихся странах по мере роста доходов и населения. Растущий импорт по всему спектру продуктов, кроме пшеницы и кормового зерна, будет удовлетворяться расширяющимся экспортом других развивающихся экономик. Таким образом, удельный вес развитых стран может снижаться как в производстве, так и в торговле сельскохозяйственной продукцией. Согласно прогнозам, спрос будет расти прежде всего на более качественные сельскохозяйственные продукты, такие как растительное масло, говядина и свинина, цельное сухое молоко, масло и сахар, в то время как на зерновые рост спроса будет менее значителен, в том числе из-за снижения в среднесрочной перспективе цен на нефть.

В настоящее время основная доля мировой торговли (около 65%) приходится на развитые страны, хотя как в экспорте, так и в импорте она снижается. Темпы ежегодного прироста внешней торговли развитых стран ниже, чем мировой торговли в целом. Напротив, развивающиеся рынки стран с переходной экономикой демонстрируют опережающие темпы развития внешней торговли. Удельный вес развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в мировом экспорте возрос, и к 2020 г. их доля в мировом экспорте, по оценкам экспертов Международного валютного фонда, может составить до 45%.

Оценка перспектив развития мировой торговли предполагает, что существующие дисбалансы будут постепенно сокращаться. В американской экономике вслед за падением рынка жилья начнет увеличиваться норма сбережения. Потребление в азиатских странах, прежде всего в Китае, будет расти. Снижение мировых цен на сырьевые товары сократит торговый профицит в странах – экспортерах сырья. Перестройка торговых потоков может пойти через конъюнктурные кризисы, но ни один кризис не может быть постоянным.

Растущая географическая диверсификация отраслевых и межотраслевых цепочек добавленной стоимости создает условия для ускоренного развития процессов прямого иностранного инвестирования (ПИИ). При этом будет наблюдаться дальнейшее повышение доли прямых инвестиций, направляемых в сектор услуг. Появление новых транснациональных компаний, базирующихся в развивающихся странах, в ближайшее десятилетие станет одной

из ведущих стратегий встраивания этих стран в мировую экономику, и будет способствовать увеличению экспорта капитала из них в развитые и другие развивающиеся страны. В то же время развитые страны будут оставаться нетто-донорами прямых иностранных инвестиций. Более низкие трудовые и энергетические издержки во многих развивающихся регионах будут способствовать перемещению из развитого мира трудоемких и энергоемких производств.

Наиболее привлекательными для транснациональных компаний (ТНК) становятся страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, страны Центральной и Восточной Европы (более 25% глобальных ПИИ). Россия войдет в число первой «десятки» как объект зарубежного инвестирования (3–4%), что определяется устойчивостью и благоприятными перспективами развития экономики, быстро расширяющимся внутренним рынком, глубиной финансовой системы, потенциалом человеческих и природных ресурсов.

Вместе с тем происходящее перераспределение потоков инвестиционных ресурсов в прогнозный период, очевидно, не внесет кардинальных изменений на глобальном рынке капиталов. По-прежнему будет сохраняться громадный отток ресурсов в страны с наиболее высоким промышленным и научно-техническим потенциалом, высокой политической стабильностью, развитой финансовой и производственной инфраструктурой, прежде всего в Северную Америку и страны Еврозоны (около 60% общего объема ПИИ). Следует ожидать и увеличения роли внутрирегиональных потоков финансовых ресурсов в общем движении капиталов, в первую очередь в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, СНГ и Латинской Америки, где создаются свои центры аккумуляции капиталов, идет процесс формирования собственных транснациональных компаний (Китай, включая Тайвань, Россия, Бразилия и другие страны).

Тенденции развития мировой экономики в долгосрочной перспективе создают новые возможности для России:

– использование имеющихся стратегических ресурсов, прежде всего энергетического, транзитного, экологического и высокотехнологического потенциалов для нового позиционирования в мировой экономике, обеспечивающего превращение России в одного из лидеров мирового экономического роста. В то же время диверсификация каналов поставки газа и нефти на европейский рынок в обход России неизбежно окажет влияние на изменение ее позиций как одного из ведущих поставщиков энергоносителей;

– использование тенденции к опережающему росту торговых потоков между Европой и Азией для переориентации их значительной части на российские транзитные маршруты. Вместе с тем развитие альтернативных транзитных путей усиливает конкуренцию в этой сфере;

– дополнительные риски связаны с возможным резким снижением (торможением роста) мирового спроса на углеводороды, что неизбежно приведет к относительному (в реальном выражении) или прямому снижению цен на нефть. При этом Россия обладает потенциалом наращивания экспорта биодизеля на основе масличных культур и топлива на основе переработки древесины (пелеты и др.);

– усиление мирового дефицита продовольствия может создать особые условия для наращивания Россией своих позиций мирового экспортера зерна, масличных, а в перспективе и мясной продукции (птицы, свинины);

– формирование при благоприятных условиях на евроазиатском экономическом пространстве зоны совместного развития с государствами СНГ и Азии, а также с Евросоюзом, включая различные формы сотрудничества и интеграции.

Исторический вызов для России заключается в том, чтобы воспользоваться новой волной мирового экономического роста. По нашим оценкам, Россия имеет серьезные шансы для вхождения в лидирующую пятерку мировых экономических держав. Достижение этого результата возможно, если до 2020 г. среднегодовые темпы роста ВВП будут не ниже 5,5%. Внешние условия для этого благоприятны. Россия граничит с новым полюсом мирового экономического роста – Китаем, кроме того, имеет многовекторные и растущие хозяйственные связи с крупнейшими центрами мировой экономики. Приняты решения об экономической стратегии: диверсификация экономики, инвестиции в человеческий капитал, опора на инновации. Важно сохранить этот курс.

В долгосрочной перспективе риски торможения роста мировой экономики могут быть вызваны:

– исчерпанием коммерческого эффекта инновационной волны 80–90-х годов прошлого столетия, опиравшейся на массовую компьютеризацию на основе развития микроэлектроники, распространение Интернета и телекоммуникационных систем;

– замедлением роста китайской экономики в результате повышения издержек внутренней перестройки, которые могут быть усилены инвестиционным перегревом;

– возмущениями на мировых финансовых и валютных рынках, которые могут сопровождать перераспределение финансовых потоков в пользу азиатского центра роста и корректировку дисбалансов в финансовой системе США (огромного дефицита торгового баланса и дефицита бюджетной системы);

– ростом (снижением) мировых цен на энергоносители и сырье, а также воду и лесные ресурсы в условиях эскалации конфликтов вокруг дефицитных энерго- и водных ресурсов;

– нестабильностью поставок основных видов сырья вследствие роста угрозы терроризма, в том числе из-за наличия в мировой экономике больших зон бедности и отсталости (удельная доля бедного населения в мире, несмотря на повышение темпов роста стран Азии и Африки, не снижается). Процесс глобализации усиливает соприкосновение различных культур, образов жизни и создает условия для нарастания конфликтности между различными регионами и укладами жизни;

– снижением темпов роста мировой торговли из-за возможной волны усиления протекционизма, направленной на устранение дисбалансов в межстрановой торговле.

На наш взгляд, для России принципиально важно найти собственный эффективный путь развития при условии решения вопроса об источниках дохода для общества. При этом цель, основные стратегические ориентиры будут уточняться в реальном движении. Направление этого движения – прежде всего переход к инновационной модели развития.

Литература

1. Долгов С.И. Глобализация экономики: Новое слово или новое явление? – М., 1998.
2. Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. Доклад ИП РАН под руководством академика В.В. Ивантера и доктора экономических наук М.Н. Узякова.
3. Дынкин А. Мировая экономика: Новая логика роста // Ведомости. – М., 2007. – № 116, 27 июня.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденная Правительством РФ от 17.11.2008 г., № 1662-р.
5. Примаков Е.М. Выступление на заседании «Меркурий-клуба» в ЦМТ г. Москвы 14.01.2014. – http://www.rg.ru
6. Региональное развитие: Опыт России и Европейского союза / Отв. ред. А.Г. Гранберг. – М., 2000.
7. Россия в 2008–2016 гг.: Сценарий экономического развития. – М., 2007.
8. Рундквист Д.В. Природные ресурсы России: Взгляд в будущее // Наука в России. – 2000. – № 5.
9. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. – М., 2002.

Ф.О. Трунов

РОССИЯ – ФРГ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ Г. ШРЁДЕРА

Трунов Филипп Олегович – сотрудник факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1990-е годы «новая ФРГ», отходя от логики сдерживания СССР в период «холодной войны», превратилась в партнера российской стороны в сфере международной безопасности [1]. Однако на этом этапе взаимодействие касалось в основном вывода советских войск с территории бывшей ГДР и носило фрагментарный характер.

Ситуация стала качественно меняться во время семилетнего пребывания у власти «красно-зеленой» коалиции (1998–2005): тогда взаимодействие РФ и ФРГ охватило широкий спектр проблем международной безопасности, в том числе урегулирование военно-политических кризисов. В период деятельности первого и особенно второго кабинетов Г. Шрёдера / Й. Фишера (1999–2002; 2002–2005) Германия превратилась для России в основного контрагента среди членов НАТО по вопросам международной безопасности.

С одной стороны, эффективное взаимодействие ФРГ и РФ было обусловлено постепенным улучшением внутренней ситуации в обоих государствах по сравнению с 1990-ми годами. Россия, как уже отмечалось в литературе, успешно преодолевала серьезные социально-экономические проблемы, накопившиеся в предшествующее десятилетие [2]. ФРГ смогла осуществить первую, наиболее затратную, стадию интеграции вновь присоединенных восточных территорий в состав «старых земель». С другой стороны, оказали влияние внешние факторы – возрастание напряженности на мировой арене, в первую очередь боевое использование потенциала членов НАТО вне зоны ее ответственности, а также акты мегатерррора 11 сентября 2001 г.

Стоит отметить, что понимание международной безопасности во второй половине 1990-х – начале 2010-х годов претерпело два значительных

изменения. Во-первых, расширилась сфера применения этого понятия: в нее, наряду с традиционными военно-политическими вопросами, была включена экономическая и экологическая проблематика. Соответственно, первой составляющей международной безопасности стало противодействие РФ[1] и ФРГ[2] вызовам социально-экономического характера (нехватке критически важных ресурсов, включая финансовые, эпидемиям, глобальным изменениям климата).

Во-вторых, изменилось содержание военно-политической проблематики международной безопасности. На фоне снижающейся угрозы полномасштабной ядерной и (или) конвенциональной войны возрастающую роль стали играть региональные и локальные конфликты, стремление к силовому вмешательству в них третьих стран вне рамок решений Совета Безопасности ООН, приводящее к возникновению военно-политических кризисов. Возрастающее значение приобрело противодействие распространению оружия и наркотиков, терроризму и пиратству[3].

Выделим три основных этапа взаимодействия РФ и ФРГ в ходе урегулирования военно-политических кризисов 1998–2005 гг.:

– позиции сторон в период военного вмешательства НАТО в косовский кризис на территории Югославии (1998–1999);

– российская поддержка ФРГ в рамках антитеррористической деятельности в Афганистане, вслед за актами мегатеррорра 11 сентября, породившими военно-политический кризис (2001);

– выстраивание Россией и Германией согласованной позиции по недопущению силового разрешения иракской проблемы в рамках «тройки» РФ–ФРГ–Франция (2003).

К концу 1998 г. основным «раздражителем» отношений РФ и ФРГ в сфере международной безопасности было стремление членов НАТО к боевому использованию его потенциала без санкции Совета Безопасности ООН на территории распадавшейся Югославии, т.е. вне зоны ответственности блока, а также расширение альянса.

8 и 13 октября 1998 г. главы государств / правительств Североатлантического альянса, в том числе уходивший в отставку канцлер ФРГ Г. Коль, сочтя

1. Концепция внешней политики РФ 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F>, дата обращения 1.04.2013.

2. Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und Zukunft der Bundeswehr, 2006 // Bundesministerium der Verteidigung (Hrsg.). – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2006. – S. 9–12.

3. Концепция внешней политики РФ 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F>, дата обращения 1.04.2013.

югославскую сторону виновной в эскалации конфликта с вооруженными отрядами албанских общин, приняли решение о подготовке против нее военно-воздушной операции. Тем самым, НАТО стремилась оказать давление на югославскую (сербскую) сторону [11, S. 294–295]. Эти решения стали отправной точкой для возникновения югославского (косовского) военно-политического кризиса. Позиция членов альянса де-факто шла вразрез с усилиями РФ, направленными исключительно на политическое урегулирование кризиса [3]. Так, российская сторона, заручившись предварительным согласием президента Югославии С. Милошевича, предложила развернуть в зоне вооруженного конфликта миссию ОБСЕ с ведущим участием РФ, членов ЕС и США[4]. Однако эти предложения не нашли поддержки членов евроатлантического сообщества, в том числе ФРГ.

16 октября 1998 г. в германском бундестаге была рассмотрена возможность использования национальных вооруженных сил в подготавливаемой НАТО военно-воздушной операции. Обсуждение вопроса продемонстрировало широкое межпартийное согласие между уходившим в отставку правительством Г. Коля / К. Кинкеля[5] и лидерами победивших на выборах партий Г. Шрёдера[6] (СДПГ) и Й. Фишера[7] (Союз 90 / «Зеленые»).

Депутаты подавляющим большинством голосов одобрили участие ФРГ в военно-воздушной операции НАТО – «за» выступило 86% (500 из 581) германских парламентариев[8]. Это развязало сформированному «красно-зеленому» кабинету руки для первого после окончания Второй мировой войны боевого использования германских военнослужащих.

4. Заявление представителя МИД России 16 октября 1998 г. Журнал «Дипломатический вестник», № 11 (ноябрь 1998 г.) // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/8e8984c2996a4b49c3256887005396 67!OpenDocument>, дата обращения 2.04.2014.

5. Rede des Bundesministers des Auswärtigen Dr. K. Kinkel // Plenarprotokoll 13/248 Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. – S. 23127D–23130B.

6. Rede von Ministerpräsident G. Schröder (Niedersachsen) // Plenarprotokoll 13/248 Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. – S. 23135D–23138A.

7. Rede von J. Fischer. Fraktionsvorsitzende von Bündnis 90 / Die Grünen // Plenarprotokoll 13/248 Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. – S. 23141B–23142D.

8. Рассчитано автором на основе: Namentliche Abstimmung der Bundestagsabgeordneten: Deutsche Beteiligung an den von der NATO geplanten begrenzten und in Phasen durchzuführenden Luftoperationen zur Abwendung einer humanitären Katastrophe im Kosovo-Konflikt (Drucksache 13/11469) // Plenarprotokoll 13/248 Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. – S. 23161B–23163D.

Параллельно правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера в тесном контакте с остальными ведущими евроатлантическими державами (США, Великобритания, Франция) участвовало в подготовке проекта договора о прекращении огня между сторонами вооруженного конфликта. Документ, названный соглашением Рамбуйё, предполагал, что югославские войска будут выведены с территории Косова, сосредоточившись в строго определенных местах дислокации[9]; вместо них следовало развернуть контингент войск НАТО[10]. При этом власть в крае должна была быть передана органам местного самоуправления, получавшим широкие права[11], что лишало югославские власти возможности контролировать ситуацию. Проект соглашения 22 февраля 1999 г. был подписан лишь представителем Косова. Сербская сторона сочла положения договора неприемлемыми, способствующими отделению края от страны, и отказалась его подписывать. 25 февраля 1999 г. бундестаг, вновь продемонстрировав широкое межпартийное согласие, в очередной раз одобрил использование правительством Г. Шрёдера / Й. Фишера бундесвера в готовящемся военном вмешательстве НАТО в косовский конфликт[12].

Несмотря на готовность НАТО к началу боевой операции, российская сторона не отказалась от поиска политического урегулирования проблемы, ведя параллельные переговоры с ФРГ, остальными евроатлантическими державами в рамках Контактной группы по Югославии и с сербской стороной. Так, 16 марта 1999 г. премьер-министр России Е.М. Примаков, позвонив С. Милошевичу, предложил ему провести встречу и затем выступить с заявлением о готовности подписать проект соглашения в Рамбуйё, однако получил отказ [5, с. 153]. Таким образом, обоюдное ужесточение позиций членов НАТО, в том числе ФРГ, и Югославии снижало до минимума возможности РФ по предотвращению силового вмешательства в косовский конфликт.

24 марта 1999 г. в Берлине под руководством канцлера Г. Шрёдера – на тот момент – председателя ЕС – собрался Европейский совет для обсуждения складывавшейся ситуации. Было принято два официальных заявления. В первом из них вина за нарастание косовского кризиса была возложена на

9. Временное соглашение о мире и самоуправлении в Косове (Соглашение Рамбуйё). – С. 52–54 // Сайт ООН <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/168/83/PDF /N9916883.pdf?OpenElement>, дата обращения 3.04.2014.

10. Там же. – С. 41.

11. Там же. – С. 6–9.

12. Namentliche Abstimmung der Bundestagsabgeordneten: Deutsche Beteiligung an den von der NATO geplanten begrenzten und in Phasen durchzuführenden Luftoperationen zur Abwendung einer humanitären Katastrophe im Kosovo-Konflikt // Plenarprotokoll 14/22 Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 22. Sitzung. Bonn, Donnerstag, den 25. Februar 1999. – S. 1715B.

С. Милошевича[13], во втором – отмечалось, что «Североатлантический альянс начал сейчас действовать против военных целей в Социалистической Республике Югославия»[14]. Тем самым, возглавляя на тот момент ЕС, германская сторона демонстративно брала на себя значительную политическую ответственность за начало боевой операции против Югославии. *24 марта 1999 г. военно-политический кризис перерос в войну НАТО против Югославии*. Правда, в военном отношении ФРГ сыграла в ней несущественную роль – правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера выделило лишь 14 истребителей-бомбардировщиков [11, S. 297], что, по данным исследователя С. Гарайса, составляло менее 4% (!) от общего числа самолетов, задействованных НАТО [9, S. 140].

Российская сторона, несмотря ни на что, продолжала поиск путей конструктивного взаимодействия с ФРГ: 30 марта 1999 г. в ходе переговоров с премьер-министром России С. Милошевич официально заявил о готовности провести переговоры представителей национальных общин Косова, начав отвод югославских вооруженных сил сразу же после прекращения бомбардировок НАТО [5, с. 158–159]. Однако последовавшая встреча Е.М. Примакова с Г. Шрёдером вновь показала неготовность германской стороны поддержать приостановление военно-воздушной операции Североатлантического альянса – все достигнутые результаты были оценены канцлером как «недостаточные». Это было следствием заранее согласованной позиции «красно-зеленого» правительства и администрации Клинтона [там же].

Между тем правительству Г. Шрёдера / Й. Фишера, в отношении которого нарастала критика внутри ФРГ, в том числе в руководимых ими партиях, пришлось искать политическое решение проблемы [8, S. 477]. Уже 6 мая 1999 г. на встрече глав внешнеполитических ведомств G8 при активном участии руководителей МИД РФ и ФРГ С.Б. Иванова и Й. Фишера было принято заявление, фиксирующее механизм политического урегулирования: в Косове после вывода из края всех военных, полицейских и ополченческих формирований должны были быть развернуты международные силы[15].

В июне 1999 г. президент С. Милошевич согласился с предложенным механизмом урегулирования и последний был закреплен в резолюции № 1244

13. Erklärung des Europäischen Rats zum Kosovo, Nr. SN 81/99 (Presse) // Сайт Европейского совета глав государств и правительств ЕС <ue.eu.net>, дата обращения 3.04.2014.

14. Erklärung des Europäischen Rats zum Kosovo, Nr. SN 83/2/99 (Presse) // Сайт Европейского совета глав государств и правительств ЕС <ue.eu.net>, дата обращения 3.04.2014.

15. Erklärung des Vorsitzenden zum Abschluss des Treffens der Außenminister der G8 auf dem Petersberg am 6. Mai 1999 // Сайт МИД ФРГ <www.auswaertiges-amt.de>, дата обращения 3.04.2014.

Совета Безопасности ООН[16], принятой при активном участии российской стороны. Бомбардировки СРЮ были прекращены. Образованные международные силы кризисного регулирования KFOR[17], основу которых составили воинские контингенты членов НАТО (в первую очередь, ФРГ) и России, успешно взаимодействовали на тактическом уровне вплоть до вывода российских миротворцев в 2003 г. после стабилизации обстановки[18].

Акты мегатерррора 11 сентября 2001 г. привели к возникновению военно-политического кризиса нового качества. Мировое сообщество, в первую очередь лидер коллективного Запада – США, приступило к созданию международной антитеррористической коалиции[19].

Российская сторона, столкнувшаяся с масштабной террористической опасностью еще в 1990-е годы, стала с 2001 г. последовательно поддерживать развертывание международных сил содействия безопасности (МССБ) для борьбы с радикальными военизированными формированиями в Афганистане. Основу МССБ составляли не только войска США, но и подразделения бундесвера. 21 декабря 2001 г. «красно-зеленый» кабинет направил в состав этих сил второй по численности после США контингент в 1,2 тыс. военнослужащих[20], увеличив его до 2,25 тыс. уже к концу 2002 г.[21] В складывавшейся ситуации для германской стороны на первый план выходила проблема обес-

16. Резолюция № 1244 Совета Безопасности ООН // Сайт ООН <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement>, дата обращения 4.04.2014.

17. Информация взята с сайта ООН <www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1999/shtml>, дата обращения 3.04.2014.

18. Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос телекомпании «ТВЦ» относительно вывода российских воинских контингентов из Косова, 3 июля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f43256d 590039e941!OpenDocument>, дата обращения 3.04.2014.

19. The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 76.

20. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) vom 20. Dezember 2001 und 1413 (2002) vom 23. Mai 2002 des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen. – Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/9246, 05.06.2002. – S. 1.

21. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) vom 20. Dezember 2001 und 1413 (2002) vom 23. Mai 2002 und 1444 (2002) vom 27. November 2002 des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen. – Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/128, 03.12.2002. – S. 1.

печения и обновления личного состава увеличивавшегося контингента на севере Афганистана, удаленного от баз снабжения бундесвера более чем на 4 тыс. км.

26 февраля 2003 г. этот вопрос был рассмотрен на переговорах канцлера ФРГ и президента РФ, объявившего, что российская сторона приняла политическое решение разрешить перевозку в Афганистан германского военного персонала и грузов по собственной территории[22].

Уже 9 октября 2003 г. в ходе шестых российско-германских межгосударственных консультаций в присутствии президента РФ и канцлера ФРГ было подписано двустороннее соглашение о транзите через территорию России германского военного имущества и персонала, направляемого в Афганистан[23]. Соглашение позволяло правительству ФРГ не только перевозить военнослужащих без ограничения их численности[24], но и вводило для них служебный иммунитет. Кроме того, германская сторона, по согласованию с российской, обретала право осуществлять перевозку военных третьих стран. Учитывая практическую важность документа, он временно вступал в силу уже с момента подписания.

Подчеркнем, что ФРГ стала первым членом НАТО, с которым было подписано двустороннее соглашение, позволявшее осуществлять транзит войск и грузов в Афганистан северным, более безопасным, путем. Углублением российско-германского сотрудничества стало подписание 26 октября 2004 г. дополнительного протокола, позволявшего правительству ФРГ осуществлять военный транзит в Афганистан не только воздушным, но и железнодорожным путем[25]. Все это усилило роль и влияние ФРГ в Североатлантическом альянсе.

---

22. О переговорах президента России В.В. Путина с канцлером ФРГ Г. Шрёдером 26 февраля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256cda00266a36!OpenDocument>, дата обращения 4.04.2014.

23. Об итогах российско-германских консультаций с участием президента России В.В. Путина и канцлера ФРГ Г. Шрёдера 9 октября 2003 г. // Сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256dbb00284bef!OpenDocument>, дата обращения 4.04.2014.

24. Соглашение между правительством РФ и правительством ФРГ о транзите военного имущества и персонала через территорию Российской Федерации в связи с участием Вооруженных сил Федеративной Республики Германия в усилиях по стабилизации и восстановлению Переходного Исламского Государства Афганистан, 9 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 6. – С. 56–69.

25. Дополнительный протокол к Соглашению между правительством РФ и правительством ФРГ о транзите военного имущества и персонала через территорию Российской Федерации в связи с участием Вооруженных сил ФРГ в усилиях по стабили-

Может возникнуть вопрос: почему российская сторона подписала все эти документы с правительством Г. Шрёдера / Й. Фишера спустя всего четыре года после серьезных расхождений во взглядах на урегулирование косовского кризиса?

Во-первых, на решение российской стороны повлияло улучшение отношений РФ с НАТО, связанное в том числе с обоюдной готовностью России и членов альянса к сотрудничеству по афганской проблеме.

Во-вторых, и это главное, новый характер взаимодействия РФ и ФРГ при урегулировании афганской ситуации стал возможен благодаря тесному сотрудничеству сторон в процессе возникновения и обострения проблемы Ирака. Президент Дж. Буш-мл., обвинив режим С. Хусейна в поддержке террористов и проведении работ по созданию оружия массового поражения, отнес его к «оси зла»[26]. Начиная с февраля 2003 г. Соединенные Штаты и Великобритания стали осуществлять подготовку к военному вторжению в Ирак, что привело к возникновению военно-политического кризиса.

Уже 1 августа 2002 г. на заседании президиума СДПГ Г. Шрёдер, как он позднее писал в воспоминаниях, впервые официально выступил против возможной военной операции в Ираке и соответственно – германского участия в ней [6, с. 209]. Вслед за этим, предварительно согласовав эту позицию с партнером по правящей коалиции – Союзом-90 / «Зеленые», канцлер представил ее на общенациональном уровне [там же]. Вызвано это было двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимостью учитывать в условиях приближавшихся федеральных выборов мнение электората, до 80% которого выступали против войны в Ираке[27]. Во-вторых, отсутствием санкции Совета Безопасности ООН на применение военной силы против Ирака в виде соответствующей резолюции. В этом отношении ситуация для ФРГ качественно отличалась от преддверия военного вмешательства НАТО в косовский кризис в 1998–1999 гг., когда правительство Г. Шрёдера пренебрегло отсутствием мандата ООН на проведение боевых действий. Теперь же «красно-зеленой» коалиции приходилось принимать решение не в условиях уверенно одержанной (в том числе и за счет фактора новизны) победы и общественной поддержки 1998 г., а после первого, частично критикуемого, срока деятельности правительства.

зации и восстановлению Переходного Исламского Государства Афганистан от 9 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 7. – С. 70–74.

26. State of the Union Address delivered by President George W. Bush. The White House, office of the Press Secretary, 29 January 2002 // Сайт администрации президента США <http://whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>, дата обращения 2.04.2014.

27. Forsa-Umfrage: Germans Overwhelmingly Oppose War in Iraq. 13 November 2002 // <www.globalpolicy.org>, дата обращения 2.04.2014.

К тому же в 2002–2003 гг. в Совете Безопасности ООН большинство принадлежало противникам (РФ, Франция, КНР) военного решения иракской проблемы, в отличие от 1998–1999 гг., когда лишь Россия занимала жесткую антивоенную позицию. Возможное участие ФРГ в боевых действиях против государства, не совершившего акта внешней агрессии, стало бы вторым серьезным нарушением Устава ООН, на постоянное место в Совете Безопасности которой все более активно претендовало правительство Г. Шрёдера.

Продолжив отмеченную линию после переизбрания на второй срок, в январе 2003 г. канцлер Г. Шрёдер и президент Франции Ж. Ширак опубликовали совместное заявление, подчеркнув в нем необходимость отказа от военного вмешательства в иракскую проблему [10, S. 387].

9 февраля 2003 г. в Берлине эта тема обсуждалась В.В. Путиным и Г. Шрёдером, и первостепенное внимание они уделили более активному использованию ресурсов ООН. Выступая по итогам переговоров, В.В. Путин подчеркнул: «Все, кто следит за развитием событий вокруг Ирака, видят, что по сути позиции Российской Федерации, Франции и Германии фактически совпадают»[28]. Переговоры позволили возобновить работу механизма «тройки» РФ–ФРГ–Франции, созданного еще в 1997 г., однако заморозившего свою работу в 1999 г. [12, S. 178].

Уже 14 февраля 2003 г. «тройка» сделала в ООН первое совместное заявление, направленное на недопущение применения силы в отношении Ирака в обход решений Организации Объединенных Наций[29]. Это означает, что для РФ важнейшим результатом налаживаемого двустороннего сотрудничества по проблеме Ирака стало установление взаимодействия с ФРГ по военно-политическим вопросам вне механизма Североатлантического блока. В свою очередь, Германия укрепила свои позиции в качестве второго, параллельного США, центра политического притяжения в НАТО, выступающего с начала 2000-х годов за более взвешенный подход к применению силы при урегулировании кризисов.

На переговорах В. Путина с Г. Шрёдером 26 февраля 2003 г. подробно рассматривалась иракская проблема и выстраивался согласованный подход в Совете Безопасности ООН, где ФРГ в это время была представлена в качестве

28. Заявление президента Российской Федерации В.В. Путина для прессы и ответы на вопросы по окончании беседы с канцлером Германии Г. Шрёдером. 9 февраля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256cc90045d2f4!OpenDocument>, дата обращения 2.04.2014.

29. См.: Совместное заявление России, Германии, Франции 14 февраля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/00c5ab142cc72b00c3256d17004c725d!OpenDocument>, дата обращения 5.04.2014.

непостоянного члена. Первоочередное внимание стороны уделили использованию возможностей резолюции Совета Безопасности ООН № 1441, предполагавшей интенсивные инспекции иракской территории представителями ООН и МАГАТЭ[30].

5 марта 2003 г., используя формат «тройки» РФ–ФРГ–Франция, российская и германская стороны изложили эту позицию[31]. Спустя десять дней в условиях подготовки США и Великобритании к военной операции в Ираке, участники трехстороннего механизма вновь высказались за мониторинг ООН и МАГАТЭ в Ираке как единственное средство разрешения нараставшего военно-политического кризиса.

Однако усилия «тройки» были перечеркнуты начавшимся 20 марта 2003 г. военным вторжением в Ирак «коалиции желающих» во главе с Соединенными Штатами. *Таким образом, как и в 1999 г., военно-политический кризис вновь перерос с полномасштабную войну*. Участники коалиции, нанеся сходящиеся удары с севера и юга, используя огромное военно-техническое превосходство, уже к 1 мая 2003 г. взяли Багдад, завершив разгром национальной армии Ирака и серьезно дестабилизировав ситуацию в стране.

Усилия России и Германии были направлены на скорейшее прекращение боевых действий и на политическое урегулирование кризиса. 11 апреля 2003 г. в Санкт-Петербурге состоялись переговоры лидеров глав государств «тройки».

Характеризуя эту встречу, В.В. Путин отметил, что в изменившейся ситуации основной задачей было предотвращение гуманитарной катастрофы и восстановление социально-экономической инфраструктуры Ирака после завершения боевой операции. При этом он указал: учитывая, что режим С. Хусейна не воспользовался вооружениями данного вида даже в критическом для него положении, такое оружие либо вообще отсутствовало, либо его разработка находилась на столь ранней стадии, что не представлялось возможным применить его. Следовательно, подчеркнул В.В. Путин, проведение военной операции являлось нецелесообразным[32].

---

30. О переговорах президента России В.В. Путина с канцлером ФРГ Г. Шрёдером. Москва, Кремль, 26 февраля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256cda00266a36!OpenDocument>, дата обращения 5.04.2014.

31. Совместное российско-германо-французское заявление (Париж, 5 марта 2003 г.) // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256ce10030f76d!OpenDocument>, дата обращения 5.04.2014.

32. Заявление для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции после трехсторонних переговоров президента России В.В. Путина с канцлером ФРГ

Второй, не менее важной, темой переговоров 11 апреля стало урегулирование северокорейской и палестинской проблем, а также «роль ООН как основного регулирующего механизма международных отношений».

Однако вопреки ожиданиям в последующее десятилетие потенциал трехстороннего механизма был использован весьма ограниченно – «тройка» не превратилась в постоянно действующую площадку для согласования позиций трех стран в сфере урегулирования международных военно-политических кризисов. Последовавшее в 2005–2013 гг. снижение интенсивности встреч «тройки» в значительной степени было обусловлено тем, что правительства ФРГ и Франции предпочли сотрудничеству в рамках трехстороннего механизма взаимодействие с евроатлантическими партнерами.

Несмотря на это, позиция России в ходе иракского кризиса имела два важных последствия. Во-первых, как уже отмечалось, она содействовала укреплению роли ФРГ в НАТО как центра притяжения, выступавшего за более взвешенный подход к применению военной силы. Во-вторых, по иракскому (а также хронологически совпавшему с ним афганскому) кризису российско-германское взаимодействие приобрело новое качество, превратившись в сотрудничество вне механизма Североатлантического альянса.

Итак, взаимодействие России и ФРГ в урегулировании военно-политических кризисов отличалось двумя особенностями:

1) нараставшей динамикой. Напомним, что дело начиналось с глубокого расхождения позиций по косовскому кризису, а завершалось тесной координацией усилий по недопущению силового вмешательства в Ираке;

2) активным сотрудничеством России и Германии в 2003–2005 гг. по вопросам реформирования ключевых международных структур – ООН и НАТО. Вопрос касался предоставления Германии постоянного места в Совете Безопасности. После сделанного 21 мая 2005 г. Генсеком ООН К. Аннаном доклада «К большей свободе», предполагавшей повышение статуса Германии в СБ ООН[33], правительство Г. Шрёдера, консолидировав усилия с Индией, Бразилией и Японией в рамках «G4», стало последовательно проводить линию на обретение регулярного представительства в этом органе.

3 июля 2005 г. В.В. Путин заявил об официальной поддержке германских претензий на постоянное место в СБ. При этом он подчеркнул, что осуществ-

Г. Шрёдером и президентом Франции Ж. Шираком. Санкт-Петербург, 11 апреля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256d08002aadbe!OpenDocument>, дата обращения 5.04.2014.

33. Доклад «К большей свободе» генерального секретаря ООН К. Аннана // Сайт Организации Объединенных Наций <http://www.un.org/russian/largerfreedom>, дата обращения 7.04.2014.

ление планов ФРГ зависит от поддержки их большинством (2/3) членов Генеральной Ассамблеи ООН[34]. Именно отсутствие такой поддержки не позволило ФРГ к 2015 г. разрешить проблему обретения постоянного места в Совете Безопасности[35].

По проблеме реформирования Североатлантического альянса Г. Шрёдер 12 февраля 2005 г. в своем докладе на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности в Европе выдвинул концепцию, включавшую три основных положения: постепенное превращение НАТО из военно-политической в политико-военную структуру; укрепление роли европейских членов в НАТО, т.е. ее превращение из трансатлантической в евроатлантическую структуру; увеличение практического участия ФРГ в деятельности альянса[36], т.е. упоминавшееся стремление Германии стать вторым, параллельным США, центром политического притяжения в НАТО. Эти предложения, учитывая их соответствие государственным интересам РФ, были положительно оценены российской стороной[37].

Однако поражение правительства Г. Шрёдера на досрочных парламентских выборах 2005 г. не позволило ему добиться осуществления такой реформы и углубить российско-германское сотрудничество в урегулировании военно-политических кризисов.

К сожалению, опыт этого сотрудничества был не в полной мере использован правительствами А. Меркель / Ф.-Й. Штайнмайера (2005–2009) и особенно А. Меркель / Г. Вестервелле (2009–2013) при построении отношений с РФ, что, безусловно, снизило интенсивность двустороннего взаимодействия в сфере международной безопасности. Однако такой опыт еще может оказаться полезен для вновь образованного в 2013 г. правительства «большой коалиции» (А. Меркель / Ф.-Й. Штайнмайер), учитывая возникновение новых

34. Пресс-конференция В.В. Путина по итогам встречи с федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером и президентом Франции Ж. Шираком, Калининград, 3 июля 2005 г. // Сайт президента РФ <http://archive.kremlin.ru/appears/2005/07/03/2137_type63377type63380_90803.shtml>, дата обращения 10.04.2014.

35. Reform des Sicherheitsrates der VN-Organisation // Сайт МИД РФ <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/VereinteNationen/ReformVN/ReformSR_node.html>, дата обращения 10.04.2014.

36. Rede von Kanzler G. Schröder auf der XLI. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005 // Информационный портал <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html>, дата обращения 11.04.2014.

37. Комментарий Департамента информации и печати МИД РФ в связи с вопросом СМИ относительно предложений канцлера Г. Шрёдера по реформированию НАТО. 24 февраля 2005 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/8aa6d005cdff4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c3256fb2003d3795!OpenDocument>, дата обращения 11.04.2014.

военно-политических кризисов в мире, в том числе на европейском континенте, территориально объединяющем Россию и Германию.

Литература

1. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 25. – М., 2012. – № 1. – С. 42–73.

2. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2008. – № 2 (13). – http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm

3. Гуськова Е.Ю. Кризис в Косове: История и современность // Новая и новейшая история. – М., 1999. – № 5. – С. 26–51.

4. Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. – М.: Наука, 2005. – 410 с.

5. Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс… – М.: Мысль, 2001. – 238 с.

6. Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. – М.: Европа, 2007. – 550 с.

7. Von Bredow W. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. 2., aktualisierte Auflage. – Wiesbaden, 2006. – 306 S.

8. Calic M.-J. Krieg und Frieden in Kosovo // Handbuch zur deutschen Aussenpolitik. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (Hrsg.), 1. Auflage. – Wiesbaden, 2007. – S. 475–478.

9. Gareis S.B. Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik. 2. Auflage. – Opladen, 2006. – 272 S.

10. Guerot Ul. Die Auswirkung der Irak-Krise auf das deutsch-französische Tandem // Handbuch zur deutschen Aussenpolitik. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (Hrsg.), 1. Auflage. – Wiesbaden, 2007. – S. 387–388.

11. Meiers F.-J. Zu neuen Ufern? Die Deutsche Sicherheits und Verteidigungspolitik in einer Welt des Wandels 1990–2000. – Paderborn, 2006. – 402 S.

12. Mommsen M. Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht. – München, 2003. – 260 S.

Л.С. Косикова

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ*

Косикова Лидия Серафимовна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем глобализации российской экономики Института экономики РАН.

Политический кризис и экономическая ситуация в Украине

Экономическое развитие Украины характеризуется негативными трендами, начиная с 2012 г., что заметно ухудшило состояние двусторонних торгово-экономических отношений между РФ и РУ за последние три года, а также отрицательно сказывается на российской экономике из-за высокой степени взаимозависимости хозяйственных структур соседних стран.

Особенно критическими для экономики и социальной сферы Украины стали последние месяцы 2013 г. и весь 2014 г., когда к ранее накопившимся внутренним экономическим проблемам прибавились политические потрясения и мощные геополитические факторы дестабилизирующего характера. Как известно, массовые волнения начались в Киеве 1 декабря 2013 г. Поводом для них послужил отказ правительства во главе с премьером Н. Азаровым подписывать невыгодное для Украины в экономическом отношении соглашение об ассоциации с Евросоюзом. За пару месяцев киевский «евромайдан», недовольный, прежде всего, действиями тогдашнего президента В. Януковича, использовавшего власть для обогащения своей семьи и поощрявшего коррупцию и беззаконие в стране, перешел от мирных протестов к снайперской стрельбе по сотрудникам милиции и поджиганию «коктейлей Молотова». Многие аналитики полагают, что за радикализацией сто-

** Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 13-22-02004 «Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта».*

ронников евромайдана стояли олигархическо-бандеровские силы, поощряемые Западом, прежде всего США.

22 февраля 2014 г. на Украине произошла смена власти, имеющая признаки государственного переворота. Верховная рада отстранила президента страны В. Януковича от власти, изменила Конституцию РУ и назначила досрочные президентские выборы на 25 мая 2014 г. Российское руководство заявляло в то время, что считает решения украинского парламента нелегитимными.

Ряд областей востока и юга Украины, а также Автономная республика Крым (АРК) не признали легитимность Рады и приняли решение о возможности проведения референдумов о дальнейшей судьбе регионов. Референдум о статусе Крыма прошел 16 марта: более 96% избирателей при явке в 82,7% на всем полуострове высказались за воссоединение Крыма с Россией. С момента подписания межгосударственного договора 18 марта 2014 г. Республика Крым и город Севастополь стали частью Российской Федерации (был образован новый федеральный округ в составе двух субъектов). Вслед за вхождением Крыма в состав России США и ЕС ввели санкции в отношении ряда российских политиков, бизнесменов и компаний.

Последующие события, связанные с провозглашением независимости Луганской и Донецкой областей, привели к вооруженному конфликту в Украине между правительственными войсками и ополченцами этих областей, которых обвинили в сепаратизме и терроризме.

Ведущие страны Запада обвинили Россию в военной помощи новым властям Юго-Востока Украины, что еще более осложнило геополитическую обстановку и повлекло за собой введение новых масштабных санкций против России. Глава Сбербанка Г. Греф, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, заявил: «Никто себе и представить не мог, что ситуация будет развиваться так драматически, что из кризиса одной страны – кризиса внутри Украины – это превратилось в глобальную проблему, в которой участвуют практически все крупнейшие страны мира. Это оказывает влияние уже на мировую экономику» [9].

Макроэкономические прогнозы по Украине на текущий год и краткосрочную перспективу (2015–2016) отличаются достаточно большим разбросом, но все сходятся в том, что 2014-й год будет самым провальным, а в дальнейшем может начаться рост, если ситуация в стране стабилизируется (табл. 1).

Таблица 1

ПРОГНОЗНЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА СНИЖЕНИЯ ВВП УКРАИНЫ. 2014–2016 гг. (%)

	2014 г.	*2015 г.*	*2016 г.*
Центр развития ВШЭ, Москва	-1,1	1,4	2,3
Европейский инвестбанк (EIU)	-6	–	–
Оксфордские аналитики	-5,0	0,5	3,6
Инвесткомпании РУ	-7-8	+10	–
Европейский банк реконструкции и развития (EBRD)	-7	0	

Источник: Составлено автором по материалам печатных и электронных СМИ за январь–август 2014 г.

Эксперты Центра развития из Высшей школы экономики (Москва) прогнозируют, что кризис в Украине будет непродолжительным. Спад ВВП, по их расчетам, может составить в годовом исчислении 1,1% в 2014 г., а затем начнется устойчивый рост в 1,4–2,3%. По их оценке, ухудшение отношений с Россией серьезно повредит экономике Украины, но сближение с Европой во многом компенсирует эти потери. С учетом перспективы расширения сотрудничества по линии ЕС–РУ дополнительным фактором роста ВВП Украины могут стать увеличивающиеся доходы от трудовых мигрантов в страны Евросоюза. Наконец, Украина намерена и дальше снижать зависимость от поставок российского газа, что улучшит платежный баланс в сочетании с курсовой политикой Нацбанка РУ (гривна отпущена в свободное плавание), поскольку происходящее удорожание национальной валюты ограничивает импорт. Ожидается также поступление кредитов от МВФ. Одновременно дается неблагоприятный прогноз по инфляции – рост с 0,5% в 2013 г. до 8,2% в 2014 г., по безработице – рост с 7 до 8,1% экономически активного населения. В сочетании с замораживанием зарплат и пенсий, ростом налогов на доходы населения, с ростом тарифов в ЖКХ это приведет к еще большей социальной напряженности в стране.

Оксфордский экономист Крис Портман менее оптимистичен, он считает, что украинский ВВП в 2014 г. упадет как минимум на 5%, но уже с 2015 г. начнется медленный рост: +0,5% к уровню 2014 г., а в 2016 г. годовой прирост может составить 3,6% [12, p. 1–5].

Европейский инвестиционный банк в своем прогнозе выделил 15 стран мира с худшей динамикой ВВП в 2014 г. (от нулевого до отрицательного роста), список которых замыкает Украина с показателем снижения ВВП на 6%. *Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР)* прогнозирует падение ВВП Украины в 2014 г. на 7% и нулевой рост в 2015 г.[1]

1. http://newsru.com/finance/14may2014/ebrdrufrcst.html

Аналитики одной из крупнейших в Украине инвестиционных компаний *Concorde Capital*, а также инвест-банкиры указывают в своем прогнозе на возможность еще более глубокого спада ВВП – от 7 до 8% в 2014 г. Однако краткосрочные перспективы оценивают на удивление оптимистично: при условии политической нормализации, прекращении военных действий и даже при относительной стабилизации в стране ВВП Украины в 2015 г. мог бы вырасти на 10%. Причины для такого оптимизма – низкая база 2014 г. и позитивные ожидания в изменении тренда. Но вероятность такого прогноза пока составляет менее 50% [5].

Фактическое положение дел, однако, не вселяет оптимизма. По данным украинской статистики, за 8 месяцев 2014 г. промышленное производство в стране сократилось на 21,4% (к аналогичному периоду 2013 г.) – это самое глубокое падение за последние пять лет. Такой показатель стал результатом снижения производства во всех основных отраслях индустриального сектора: в добыче полезных ископаемых – на 27,4%, в производстве обрабатывающей промышленности – на 19,2, промышленных услуг – на 17,3%. Наибольшее сокращение отмечено в машиностроении (-31%), а также в металлургии (-30%), что объясняется разрушениями в ходе военных действий на востоке страны транспортной и промышленной инфраструктур, снижением объемов добычи угля почти на 60% и значительным падением экспорта в Россию [1, с. 12]. В региональном разрезе наиболее пострадала промышленность Луганской и Донецкой областей, на долю которых приходится почти четверть всего промышленного потенциала страны. Военное противостояние в этих регионах с правительственными войсками привело к многочисленным разрушениям предприятий и настоящему обвалу производства (в Луганской области – на 85%, в Донецкой – на 59% за 8 месяцев 2014 г.).

В Украине резко сокращается потребительский спрос, сужается внутренний рынок. Эту тенденцию четко отражают показатели падения продаж в розничной торговле, вызванные отрицательной динамикой доходов населения, особенно в бюджетной сфере, девальвацией гривны и резким ростом тарифов в ЖКХ.

Украинский шок для России: Коррекция макроэкономических показателей

«Украинский фактор» заставил почти все международные экономические и финансовые организации, а также ведущие экономические ведомства РФ пересмотреть прежние прогнозы роста ВВП России в сторону их резкого снижения (табл. 2).

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в докладе от 6 мая 2014 г. прогнозировала, что в текущем году рост экономики РФ

резко замедлится – до 0,5%, но все-таки будет положительным, а в 2015 г. темпы роста ускорятся до 1,8%; инфляция составит 6% в 2014 г. и может снизиться в 2015 г. до 4,6%. Таким образом, темпы роста в России и в 2014 г., и в 2015 г. будут существенно ниже, чем в мире и в странах БРИКС. «Украинский кризис сейчас является основным фактором, негативно влияющим на российскую экономику», – говорится в докладе этой организации[2].

Таблица 2

ПРОГНОЗЫ РОСТА / СНИЖЕНИЯ ВВП РФ В 2014–2015 гг., %

	2014 г.	*2015 г.*
ОЭСР	0,5	1,8
ЕБРР	0	0,6
Еврокомиссия	1	2
МВФ	0,2	1
ВБ		
1-й вариант	1,1	1,3
2-й вариант	-1,8	
Минэкономразвития	0,5	–
Банк России	0,4	0,9
Минфин РФ		
1-й вариант	0	–
2-й вариант	-2,3	–

Составлено автором по российским и зарубежным источникам.

Прогноз Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в отношении российской экономики на 2014 г. оказался самым пессимистичным среди международных экономических и финансовых организаций – ОЭСР, МВФ и Всемирного банка. В ежегодном докладе, приуроченном к заседанию Совета управляющих ЕБРР (Варшава, 14.05.2014), эксперты предрекают стагнацию – они понизили показатель динамики ВВП для РФ до нуля, а в 2015 г., по их мнению, экономика России может вырасти лишь на 0,6%, если не произойдет значительного увеличения государственных и квазигосударственных расходов. Этот сценарий еще не самый пессимистичный, он предполагает, что геополитическая напряженность в Восточной Европе не возрастет, а будет ослабляться, хотя и медленно, торговые же санкции в отношении РФ не будут применены. В противном случае ЕБРР дает негативный сценарий, по которому Россия скатится в рецессию из-за утраты доверия инвесторов, резкого увеличения оттока капитала, сокращения притока инвестиций и торможения роста.

2. agregator.pro/ukrainskiy_krizis_perekinetsya_v_rossiyu_22455779html

Еврокомиссия – высший орган исполнительной власти Евросоюза – понизила прогноз роста ВВП России с 2,3 до 1% в текущем году и с 2,7 до 2% в 2015 г.

Международный валютный фонд (МВФ) ожидает, что экономика России вырастет в 2014 г. всего на 0,2% (в более раннем прогнозе было 1,3%) и на 1% в 2015 г. (вместо 2,3%) именно по причине геополитической напряженности.

Всемирный банк (ВБ) в своих прогнозах также напрямую связал темпы роста в России с украинским кризисом и разработал два сценария, учитывающие продолжительность кризиса. Первый – исходит из кратковременного воздействия украинских событий на экономику России. В таком случае уровень рисков будет низким, экономический рост замедлится, но все-таки составит положительную величину 1,1% в 2014 г., с перспективой ускорения до 1,3% в 2015 г. В рамках второго сценария – с высоким уровнем рисков и серьезным шоком для экономики – спад ВВП может составить -1,8%[3]. В краткосрочной перспективе на темпы роста будет влиять, в первую очередь, геополитическая напряженность во всем регионе Восточной Европы.

Российские экономические ведомства разделяют пессимизм международных аналитиков. Так, Минэкономразвития РФ в первом полугодии дважды пересмотрело официальный прогноз роста ВВП РФ на 2014 г. – понизив его сначала с 2,5% до 1,1% (в апреле), а потом до 0,5%. Базовым сценарием был признан консервативный вариант. Представляя этот прогноз правительства, министр А. Улюкаев отмечал, что отток капитала из страны может достичь к концу года 100 млрд долл.[4] Экс-министр финансов А. Кудрин называл цифру в 150–160 млрд долл. [6]. Для сравнения напомним, что на пике мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г., после банкротства американской *Lehman Brothers*, чистый отток капитала из России составлял около 130 млрд долл.

Банк России вполне закономерно пересмотрел прогноз экономического развития страны в сторону снижения, изменив, в первую очередь, динамику внутреннего спроса. Темп роста ВВП в 2014 г. составит около 0,4%, а в перспективе – 0,9% в 2015 г. и 1,9% в 2016 г. [1, с. 75]. Определяющее значение для увеличения в перспективе темпов экономического роста, по мнению экспертов ЦБ РФ, будет иметь политика правительства, направленная на реализацию структурных реформ.

3. http://ria.ru/economy/20140326/1001122936.html

4. За I-й квартал 2014 г. чистый отток капитала частного сектора составил 50,6 млрд долл. (ЦБ РФ) – это самый высокий показатель квартального оттока с конца 2008 г., приблизительно сравнимый с размером оттока капитала за весь 2013 г. – 59,7 млрд долл.

Министерство финансов РФ считает, что рост ВВП в 2014 г. может оказаться нулевым в силу угрожающе большого оттока капитала и девальвации рубля – об этом заявлял министр А. Силуанов. Санкции со стороны США, ЕС и самой Украины, а также возможное дальнейшее понижение рейтингов РФ международными рейтинговыми агентствами делают нулевой прогноз реальным.

Аналитики агентства Fitch Ratings считают, что украинский кризис ослабляет Россию не только в текущем и будущем году, но также и резко снижает шансы на долгосрочное оздоровление экономики. Исход украинского кризиса остается в высокой степени неопределенным. Риск того, что он вызовет дальнейший отток капитала, является главным фактором уязвимости для платежного баланса, а его ослабление, в свою очередь, приведет к существенному уменьшению резервов ЦБ и обвалу курса рубля к основным твердым валютам мира. Кроме того, нарастающий отток капитала грозит резким падением инвестиций.

Итак, влияние кризиса в Украине на замедление экономического развития в России признается практически всеми экспертными центрами. Однако, на наш взгляд, сам факт глубокого падения роста украинской экономики – до 8–10% в этом году и резкой девальвации гривны – с 7–8 до 13–14 грн/долл, а может быть, и до 16–18 грн/долл. не стоит преувеличивать в плане воздействия на динамику российского ВВП. Дело в том, что по своему масштабу экономика Украины составляет менее 10% от российской: ВВП Украины – это 200 млрд долл. (до кризиса), а ВВП России – около 2 трлн долл. Однако фактор неопределенности ситуации уже переходит в разряд экономических категорий. В данном случае особенно важна геополитическая составляющая кризиса – столкновение интересов России, ЕС и США в Украине, превратившее внутренний конфликт в гораздо более масштабный, с широкими и недостаточно предсказуемыми последствиями. В целом он ведет к международной изоляции России от западных рынков, что влечет за собой большие риски в эпоху глобализации. В ближайшие годы нашей стране не обойтись без мобилизации внутренних ресурсов на импортозамещение, разработку новых технологий собственными силами, что потребует миллиардных затрат в краткосрочном и среднесрочном периодах, естественно за счет сокращения доходов населения и потребительских расходов.

Взаимная торговля в условиях кризиса

Упадок украинской экономики, общая нестабильность и конфронтация между Москвой и Киевом отрицательно сказываются на взаимной торговле. С марта 2014 г. между странами идет настоящая торговая война, сопровождающаяся полным запретом на торговлю определенными товарами. В итоге,

по данным Федеральной таможенной службы РФ, импорт из Украины в денежном выражении сократился за первое полугодие на 23%, а российский экспорт на Украину вырос на 24%. Но в росте объемов экспорта по стоимости «сидит» в основном российский газ – Украина получила его в первом полугодии на 5,6 млрд долл. Без этого ключевого товара российский экспорт на Украину за полгода вырос всего на 1%. Как известно, в июне российский «Газпром» перестал поставлять газ на Украину за неоплату долга по прошлым поставкам (свыше 2 млрд долл.). С учетом этого фактора можно ожидать дальнейшего снижения стоимостных объемов экспорта из России и, соответственно, дальнейшего падения двустороннего товарооборота.

Премьер-министр РУ А. Яценюк оценил потерю экспортной выручки на российском направлении за первое полугодие в 7 млрд долл. и сообщил, что правительство намерено предпринимать меры по диверсификации рынков сбыта[5]. Дело не только в значительных объемах двусторонней торговли между Россией и Украиной (по итогам 2013 г. – 38,2 млрд долл.), что сравнимо с масштабами обмена Украины со всей Европой (45,6 млрд долл.). Еще важнее структура этих потерь. В Россию поступает, например, около 58% экспорта продукции украинского машиностроения (2,2 млрд долл. из 3,8), а в российском машиностроительном импорте «украинская» доля составляет всего 3,8%. В экспортных поставках железнодорожного оборудования из Украины на российский рынок приходится более 70% (1,7 млрд долл. из 2,4)[6], по продукции неорганической химии этот показатель составляет 53% (0,9 млрд долл. из 1,7) и т.д.[7] Данные отрасли еще сохраняют элементы высоких технологий, в них создается достаточно высокая добавленная стоимость. Из-за отсутствия внутреннего спроса и невостребованности продукции этих отраслей на других внешних рынках многие предприятия придется закрыть,

5. Торговые войны Украины 29-07-2014 и 9-07-2014. – http://nedelya-ua.com/media/torgovye-voyny-ukrainy

6. Основными поставщиками железнодорожных локомотивов и подвижного состава (вагоны и пр.) в Россию в течение многих лет были крупные украинские предприятия, такие как «Днепровагонмаш», «Азовмаш», Стахановский вагонзавод, Кременчугский сталелитейный завод, Луганский завод тепловозов и др. Европа не заинтересована в этой технике, поскольку она совершенно не соответствует стандартам ЕС. Отрасли украинского железнодорожного машиностроения, по существующим расчетам компании Finance Business Service, в самое ближайшее время из-за потерь российского рынка снизят свою прибыль почти в 2 раза. – См.: http://www.fbs-offshore.com/poterya-rossijskogo-rynka-ne-mozhet-byt-kompensirovana-liberalizaciej-torgovyx-otnoshenij-s-es/

7. Дмитрий Минин. В Киеве принят закон об экономическом самоубийстве Украины. – http://www.fondsk.ru/news/2014/08/22/v-kieve-prinjat-zakon-ob-ekonomicheskom-samoubistve-ukrainy-29095.html

а занятых выгнать на улицу. Вместе с ними отпадет надобность в конструкторах, ученых, институтах, научных разработках и школах. Повернуть этот процесс вспять в последующем будет невозможно.

К сворачиванию торговой активности, вызванному объективными экономическими причинами (сложная социально-экономическая ситуация плюс военные действия на Востоке страны), добавились ограничительные меры дискриминационного характера по отношению к разным товарным группам. Во введении таких мер преуспели обе стороны – и Украина, и Россия[8].

С точки зрения России изменения во взаимной торговле, хотя и не критические (в масштабе всей экономики), но тем не менее далеко не благоприятные. Так, сокращение импорта из Украины в Россию скажется на росте инфляции (по расчетам Сбербанка РФ – примерно на 1 процентный пункт в этом году). Дело в том, что среди украинских товаров, которые ввозились с Украины до кризиса, было много доступных населению, более дешевых товаров, чем европейские аналоги или отечественная продукция. По этим группам товаров можно ожидать скачка цен.

По каким товарам Россия резко сократила закупки в Украине? Специальное исследование «РосБизнесКонсалтинга», основанное на таможенной статистике, выявило следующие группы: поставки подсолнечного масла упали в 16,5 раз, объемы ввоза муки – в 20,5, лука и чеснока – в 55, капусты – в 12, мяса и субпродуктов домашней птицы – в 7 раз. Полностью введен запрет на импорт из Украины в Россию молока и молочной продукции, сыров, творога, ограничен ввоз шоколадных конфет.

А что, в свою очередь, потеряла Россия? Где особенно просел наш экспорт на украинском направлении? – Сильно пострадал от украинских запретов экспорт легковых автомобилей. За 1-е полугодие 2014 г. в денежном выражении он упал до 127 млн долл., так как вывезли на 13 тыс. автомашин меньше, чем в 2013 г. В начале апреля АвтоВАЗ сообщал о приостановке поставок машин в Украину. Сократился также экспорт удобрений, плоского металлопроката, холодильников, шин, автопокрышек, моторных вагонов и др.

В целом импорт с Украины сократится в 2014 г. как минимум на 10 млрд долл. (примерно с 15 до 5 млрд), а общий объем торговли может снизиться с 38,5 млрд до примерно 20–22 млрд долл., как это было в кризисном 2008 г.

Проблемы в двусторонней торговле с Украиной, с одной стороны, отрицательно влияют на российскую экономику, но с другой – дают дополнительные стимулы для развития импортозамещения в пищевой, химической промышленности, в машиностроении и металлургии. Есть шанс, отказавшись от прежних кооперационных поставок по устаревшим технологиям, освоить

8. Торговые войны Украины 29-07-2014 и 9-07-2014. – http://nedelya-ua.com/media/torgovye-voyny-ukrainy

новые, более совершенные производства на собственной территории. Задуманная программа «экономического наказания» России на деле открывает перед российской экономикой новые перспективы – в связи с неминуемым потоком в Россию квалифицированных рабочих и предстоящим бегством умов с Украины.

Оценки рисков и угроз в важнейших сферах взаимных связей

Остановимся подробнее на рассмотрении основных угроз и рисков для отдельных отраслей и сфер российской экономики в связи с действием «украинского фактора».

1. Риски для российского ОПК и выполнения Госпрограммы вооружений создают осложнения в сфере военно-технического сотрудничества между РФ и РУ и прямые запреты на такое сотрудничество со стороны украинского руководства. Около 400 предприятий российского оборонно-промышленного комплекса, или почти треть всех заводов нашей «оборонки», зависят от поставок комплектующих с Украины[9]. По данным Центра анализа стратегий и технологий, сейчас в списке поставляемых с Украины комплектующих для российских систем вооружений может быть от 3 до 4 тыс. позиций [8]. По оценке данного Центра, ежегодный объем поставок продукции украинских предприятий в Россию составляет несколько сотен миллионов долларов. В исследовании британского Королевского института объединенных служб (апрель 2014 г.) только 4,4% российского военного импорта приходится на Украину – относительно немного, но некоторые виды продукции имеют жизненно важное значение для российской «оборонки».

Запрет военного экспорта в Россию (о чем распорядился президент РУ П. Порошенко) приведет если не к остановке, то к резкому замедлению работы отечественного ОПК. Для самой Украины это тоже пагубно, поскольку она до последнего времени продавала на мировом рынке военную продукцию в объеме 1,3 млрд долл. ежегодно и занимала четвертое место в мире по экспорту вооружений, а около 70% всех предприятий-смежников по выпуску украинских видов вооружений находятся в России.

В результате санкций Запада и Украины армия РФ может остаться без современного вооружения. Директор Федеральной службы Российской Федерации по военно-техническому сотрудничеству А. Фомин признал угрожающим влияние санкций, которые ввели ЕС, США и Украина на военный потенциал Вооруженных сил России. «Введение санкций против России из-за

9. По данным Валерия Мунтяна, уполномоченного правительства Украины по вопросам сотрудничества с Россией.

ситуации в Украине может сказаться на производстве части авиационной, вертолетной, военно-морской техники, а также отдельных видов авиационных средств поражения», – заявил А. Фомин[10]. До этого высокопоставленные чиновники РФ старались не затрагивать эту тему или заявляли о способности ВПК России самостоятельно решить все проблемы. Кроме того, разрыв сотрудничества в области военных технологий между Украиной и РФ угрожает выполнению ряда экспортных контрактов России, что может привести к их разрыву.

Какие отрасли и сферы российской «оборонки» могут пострадать более всего? Во-первых, есть угроза отказа Украины обслуживать тяжелые баллистические ракеты стратегического назначения («Воевода» – тип Р-36М2), которые составляют основу ядерного потенциала РФ[11]. Они разработаны и производятся заводом «Южмаш» в Днепропетровске, поставляются по межправительственному соглашению в РФ и требуют постоянного гарантийного обслуживания и авторского надзора со стороны производителей. Второе направление рисков – поставки украинских авиадвигателей для производства военных и гражданских вертолетов, транспортных и учебных самолетов, поскольку авиационное двигателестроение сосредоточено со времен СССР на Украине (объединение «Мотор-Сич» в Запорожье). Правда, в этой сфере Россия начала создавать собственные производства, но в полном объеме импортозамещение еще не достигнуто. Третье уязвимое направление двустороннего военно-технического сотрудничества – корабельное двигателестроение. Газотурбинные судовые двигатели в РФ не производятся, а ими оснащаются все фрегаты и эсминцы ВМФ России. После распада СССР поставки судовых двигателей в нашу страну осуществляет их разработчик и изготовитель на Украине – объединение «Заря» – «Машпроект» (г. Николаев)[12]. К этим трем главным направлениям военно-технической кооперации следует добавить поставки электроники и прочие комплектующие с Украины. К ущербу от эмбарго следует отнести и то, что Москва не сможет реализовать несколько серьезных совместных проектов экспортного назначения. Несмотря на заявление А. Фомина, что «в течение полутора-двух лет ВПК России способен полностью компенсировать этот ущерб», реальные сроки могут быть намного больше. Но важность задачи – вывести отечественный ВПК, особенно самые передовые, высокотехнологичные отрасли из-под критической зависимости

10. http://censor.net.ua/news/285619/rossiya_priznala_chto_sanktsii_ukrainy_i_zapada_boleznenno_udaryat_po_ee_voennomu_potencyalu

11. Сегодня на боевом дежурстве в ракетных войсках стратегического назначения РФ находятся 46 ракет, каждая из них оснащена 10 ядерными боеголовками [11].

12. http://censor.net.ua/n285619

от Украины – заставит, несмотря на крупные капвложения, создавать производства на российской территории.

Примеры реализации такой стратегии уже есть. Так, предприятие космической промышленности – Воронежский механический завод (ВМЗ) – готовится замещать украинские поставки – титановые шар-баллоны для жидкостных ракетных двигателей [4]. До сих пор их производили только на украинском «Южмаше». Перенос производства специалисты оценивают в 1,1 млрд руб. Предприятие «Климов» – российский производитель и разработчик вертолетных моторов серий «Ми» и «Ка» – завершает строительство нового конструкторско-производственного комплекса в санкт-петербургском микрорайоне Шувалово. В 2015 г. завод выйдет на полную проектную мощность по производству 600 вертолетных моторов в год, что должно покрыть все потребности страны и соответственно отказаться от поставок с запорожского «Мотор-Сич».

Оценки сроков и стоимости импортозамещения украинских комплектующих для отечественного ВПК и производства вооружений существенно разнятся: максимальные сроки называют не менее десяти лет и десятки миллиардов евро (директор Центра анализа стратегий и технологий Р. Пухов) [8], а минимальные – 2–3 года (Министерство промышленности и торговли, Ростехнологии).

2. Риски для некоторых российских компаний, работающих на Украине, чьи активы могут быть арестованы или даже подвергнуты «спецконфискации». Министерство юстиции предложило Прокуратуре Украины арестовать имущество и активы российских компаний в стране и за рубежом, чтобы добиться тем самым компенсации убытков государству от потери Крыма, которые украинская сторона оценивает примерно в 92 млрд долл. [2]. В Украине формируется юридическая основа для проведения подобных действий – и среди прочего Закон «О временно оккупированных территориях» (имеется ввиду Крым)[13]. Кроме того, в августе 2014 г. по инициативе правительства А. Яценюка был принят Верховной радой Закон «О санкциях». Среди перечисленных в нем 29 видов санкций **предусмотрено блокирование активов,** ограничение торговых операций, прекращение транзита ресурсов, полетов и перевозок по территории Украины, приостановка исполнения экономических и финансовых обязательств и мн. др. Фактически данный закон предполагает полное сворачивание российско-украинских связей, предостав-

13. 19 июля 2014 г. Верховная рада приняла в первом чтении законопроект «О налоговом и таможенном контроле в свободной экономической зоне Крыма и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированных территориях Украины».

ляя исполнительной власти право определять темпы и масштабы введения санкций по своему усмотрению.

Первые шаги против российской собственности Украина предприняла в конце апреля 2014 г., арестовав имущество Одесского НПЗ, который за долги перешел от украинской группы ВЕТЭК к российскому банку ВТБ. Пресса сообщала также о том, что госкомпания «Транснефть» может лишиться принадлежащего ей нефтепродуктопровода на территории Украины, который обеспечивает 25–30% поставок дизеля в страну, а также экспорт через Украину в Венгрию. Местный украинский суд инициировал дело о пересмотре права собственности «Транснефти» на этот трубопровод [7].

Под угрозой ареста и экспроприации активов с украинской стороны российский бизнес буквально бежит из Украины, продавая имущество западным компаниям. Так уже поступил «Лукойл», имевший, помимо НПЗ, еще разветвленную сеть автозаправочных станций на территории Украины. После блокирования его АЗС, концерн «Лукойл» продал автозаправки одной из австрийских компаний. Крупный российский страховщик – «Росгосстрах», имевший дочернюю компанию на Украине, продал ее в текущем году банку из Люксембурга.

В то же время не для всех российских компаний, работающих в Украине, существует реальная угроза утраты активов. Украинские власти вряд ли отважатся на введение санкций в отношении чувствительных для самих себя отраслей российской экономики, таких как газовый и банковский секторы. Из зоны риска, скорее всего, выпадут и проекты, в которых задействован западный капитал, так считают эксперты, опрошенные РИА Новости [10]. Например, в секторе телекоммуникаций Украина в большей степени зависит от России, чем Россия от Украины. На украинском телекомрынке представлены два оператора, родственных российским компаниям – это «Киевстар» (принадлежит холдингу Vimpelcom Ltd., как и российский «Вымпелком») и «МТС-Украина», принадлежащий МТС. Украинским властям давить на «Киевстар» и «МТС-Украина» было бы опасно, с учетом того, что материнские компании обоих операторов, помимо российских собственников, имеют и западных акционеров. Акции обеих компаний торгуют на нью-йоркской валютной бирже (NYCE), а в Vimpelcom одним из крупнейших акционеров является европейская компания – норвежский Telenor. Украина не будет сильно «закручивать гайки» в компаниях, где присутствует, помимо российского, западный капитал.

3. Определенные риски для российских банков в Украине. В настоящее время в Украине работают дочерние структуры Сбербанка, ВТБ, Внешэкономбанка, «Альфа-групп», «Русского стандарта» и «Траста». По данным Нацбанка РУ, по итогам I квартала 2014 г. объем их активов составлял 163 млрд гривен, или 12,4% от общих активов банковской системы Украины,

15% всего корпоративного кредитного портфеля и 8,4% – от розничного портфеля банков страны, а их доля на рынке привлеченных средств Украины составляет 9% [3].

19 июня 2014 г. Верховная рада приняла в первом чтении законопроект «О налоговом и таможенном контроле в свободной экономической зоне Крыма и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины». Одна из его статей предусматривает запрет на работу в стране банков, входящих в группу «созданных по законам страны-оккупанта». По существу этот пункт вводит запрет на все дочерние структуры российских банков. Порядок и сроки их вывода с территории Украины должен определить Нацбанк РУ.

Эксперты из банковской сферы сомневаются, что подобный закон будет выполняться, поскольку он может нанести большой ущерб самой Украине, сократив ее финансирование примерно на объем активов российских банков. Поэтому, скорее всего, будут приняты какие-то законодательные поправки. В то же время существующие «дочки» уже сейчас несут реальные потери от серьезного экономического спада в Украине, поскольку кризис там с каждым днем только усиливается. Те кредиты, которые российские банки выдали украинским заемщикам, перешли в разряд проблемных, и под них нужно формировать страховые резервы.

4. Обострение проблемы с газовым транзитом в Европу. Эти проблемы, конечно, не новые и о необходимости снижения транзитной зависимости от Украины в поставках российского газа в Европу говорится по крайней мере последние десять лет. Тем не менее «Южный поток» пока не достроен, и часть транзита направляется в страны Южной и Центральной Европы по украинскому маршруту. До 2013 г., на фоне переговоров о вступлении Украины в Таможенный союз с Россией, Беларусью и Казахстаном, существовала слабая надежда на получение «Газпромом» в собственность украинской трубы в обмен на инвестиции в ее модернизацию и стабильную загрузку высокими объемами поставок газа. Сегодня, однако, стало очевидным, что такая перспектива нереалистична. А следовательно, остро встала необходимость пересмотра программ и схем сотрудничества «Газпрома» как с самой Украиной, так и с рядом европейских государств, а риски в сфере «газ–транзит» неуклонно нарастают. «Газпром» предлагал продавать европейцам газ на границе между Россией и Украиной, снимая с себя ответственность за возможные потери при транзите. ЕС на такую схему, естественно, не соглашается. Пока решения на этот счет нет, а к переговорам все больше подключается Еврокомиссия. По-видимому, в газовом сотрудничестве новая схема пресловутого треугольника «Россия – Украина – Евросоюз» будет вырабатываться в самое ближайшее время.

5. Серьезные и неотложные проблемы в связи с необходимостью адаптации Крыма и Севастополя в составе РФ. Здесь потребуются крупные долговременные затраты на новые инвестиции в инфраструктуру полуострова, на строительство Керченского перехода, на систему водо- и энергоснабжения Крыма. В краткосрочном периоде надо вкладывать большие деньги в «подтягивание» уровня зарплат, пенсий, социальных пособий крымчан до среднероссийского. Проблему создает и переход Крыма с гривны на российские рубли. Как подсчитали в Сбербанке РФ, бюджетные расходы России от присоединения Крыма составят 130 млрд руб. в 2014 г.

Мы затронули выше только некоторые аспекты текущей ситуации на Украине, имеющие серьезные экономические последствия для России. Очевидно, что украинский кризис будет все-таки не краткосрочным, как можно было надеяться в начале 2014 г., а долгосрочным фактором, определяющим ситуацию в Восточной Европе, России и странах СНГ. Новые геополитические конфигурации в этом регионе мира только складываются, они же влияют и на геоэкономику. Будущее украинского государства, его статус в Европе, его границы пока неясны, соответственно варианты взаимодействия между Россией и будущей Украиной пока можно представить себе лишь гипотетически. Следовательно, важно и далее внимательно отслеживать ситуацию в соседней стране, анализировать меняющиеся расклады по линии «РФ – Украина – ЕС», а с начала 2015 г. – и по линии «Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – Украина – ЕС», и на этой основе вырабатывать модели и механизмы сотрудничества в новых условиях.

Литература

1. Доклад о денежно-кредитной политике. Вып. № 2 (6), июнь, 2014, М. – cbr.ru/publ/?Prtld=ddcp
2. Коммерсантъ, 03.06.2014.
3. Коммерсантъ, 02.07.2014.
4. Коммерсантъ, 26.08.2014.
5. И. Мазепа. Рост экономики Украины в 2015 г. // Delo, June 19, 2014.
6. РБК-daily, 12.05.2014.
7. РБК-daily, 10.04.2014.
8. РБК-daily, 18.06.2014.
9. РИА Новости, 23.05.2014.
10. РИА Новости, 23.06.2014.
11. The New Times, N 7, 11.04.2014.
12. Ukraine / Country Economic Forecast. – Oxford Economics, 28 May, 2014.

В.Н. Бабенко

УКРАИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСПЫТАНИЕ ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российской правовой академии Минюста РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Жернова истории безжалостно перемололи многие государственные образования и народы. Одни из них, прорываясь сквозь толщу тысячелетий и веков, в значительной степени смогли защитить свою самобытность, другие канули в лету. Украинскому народу в течение более чем 1000-летней истории в известной мере удалось сохранить свою самобытность и элементы государственности благодаря поддержке и помощи братского русского народа.

Многие исследователи обращаются к историческим основам украинской государственности с тем, чтобы понять сложные процессы, происходящие в настоящее время на Украине. «Никто из украинских политиков и идеологов не отрицает того факта, что Украина разделена сегодня на несколько крупных регионов, имеющих не только географические или экономические отличия, но и разную историю, культурные и национальные особенности и, соответственно, – как справедливо указывает Р. Медведев, – различную политическую ориентацию» [10, с. 11].

Проблема возникновения и развития украинского государства вызывает широкие дискуссии в среде современных историков. Одни авторы относят истоки украинской государственности даже к IV тысячелетию до н.э. Другие считают, что она появилась в период создания Киевской Руси. Известные исследователи В.Б. Антонович, М.С. Грушевский, Н.И. Костомаров, Д.И. Яворницкий уделяли в своих работах этим вопросам большое внимание.

Значительная часть современных украинских ученых предлагает следующую периодизацию истории Украины: 1) Киевское государство (IX–XII вв.); 2) развитие традиций украинской государственности в Галицко-Волынском княжестве (XIII – вторая половина XIV в.); 3) Украина в составе

Великого княжества Литовского (XV – первая половина XVI в.); 4) украинские земли в составе Речи Посполитой (вторая половина XVI – первая половина XVII в.); 5) украинские территории в составе Русского государства (вторая половина XVII – начало XVIII в.); 6) Украина в составе Российской империи (XVIII – начало XX в.); 7) возрождение Украинского государства (март 1917 г. – апрель 1918 г.); 8) Украинское гетманское государство (апрель–ноябрь 1918 г.); 9) Украинская народная республика времен Директории (ноябрь 1918 г. – ноябрь 1920 г.); 10) Западно-украинская народная республика (1918–1923); 11) формирование на восточных территориях Украины советской государственности (1917–1921); 12) советский период украинской государственности (1922–1991); 13) период независимого развития Украинского государства (декабрь 1991 г. – настоящее время) [1; 8; 11; 14; 15].

Анализируя историю украинской государственности, следует учитывать, отмечает Г.И. Трофанчук, «перманентность ее развития». «Мы восстанавливаем наше государство, воссоздаем современную государственность и формируем собственное национальное право, основываясь, – подчеркивает он, – на многовековых государственных традициях» [15, с. 11].

В современной украинской историографии получила достаточно широкое распространение основанная на данных «Книги Велеса» точка зрения о том, что Киевское государство существовало уже несколько веков до покорения Киева в 882 г. новгородским князем Олегом. «882 год – это не год создания государства у восточных славян, – утверждает украинский исследователь П.П. Музыченко, – а год династического переворота, когда вместо династии Киевичей на княжеском престоле появляется династия Рюриковичей» [11, с. 37]. Однако вызывает сомнение достоверность данных, почерпнутых автором из «Книги Велеса», которую многие ученые относят к достаточно спорному источнику.

Другие этапы развития земель, на которых возникала украинская народность, в течение многих веков входившая в состав различных соседних стран и не имевшая своей собственной государственности, освещаются примерно с таких же позиций. Правомерность такой периодизации могла быть в значительной мере объяснимой, если бы ее авторы, обосновывая необходимость выделения того или иного периода, указывали, что украинская государственность в течение многих веков была фактически растворена в других государственных образованиях. Примечательно, что многие авторы из 13 указанных периодов семь – посвящают развитию украинской государственности именно в XX – начале XXI в.

В 1917–1920 гг. на территории современной Украины существовали Украинская народная республика, Западно-украинская народная республика и Украинская держава, с которыми в состоянии войны находилась Украинская советская социалистическая республика (УССР), образованная в декабре

1917 г. После советско-польской войны 1920 г. западные области Украины вошли в состав Польши. Остальные территории были включены в состав УССР, которая 30 декабря 1922 г. стала одним из четырех учредителей СССР.

Украинский исследователь Г. Касьянов отмечает: «Реверсивная история развивалась согласно собственной нехитрой логике: после выборочного пересмотра советского периода (в стиле Нюрнбергского трибунала) обратились к опыту национальной государственности периода после окончания Первой мировой войны» [4, с. 38–39]. Автор имеет в виду названные выше республики, существовавшие в 1917–1920 гг.

На Украине также предпринималась «попытка установить символическую связь между современной государственностью и упомянутыми историческими эпизодами» [там же, с. 39]. Так, первый президент Л. Кравчук в 1993 г. «принял от представителя "правительства Украинской Народной Республики в экзиле" и по совместительству главы Организации украинских националистов М. Плавьюка сохраненные с 1920-х годов символы государственности». Это дало основания некоторым историкам говорить, указывает Г. Касьянов, «о преемственности УНР и современного украинского государства», так как в стране «была легитимирована государственная символика, использовавшаяся в 1918–1920 гг.» [там же].

Б.Д. Лановик и М.В. Лазарович отмечают, что Украина в начале XX в. была разделена между двумя империями – Российской и Австро-Венгерской. Однако после Февральской революции 1917 г. были созданы «благоприятные условия для подъема национально-освободительного движения угнетенных народов» [8, с. 303]. Тем не менее только после Октябрьской революции возникла возможность образовать независимое государство. 20 ноября 1917 г. в Третьем Универсале[1], принятом Центральной радой, объявлялось об учреждении Украинской Народной Республики. Это решение «украинское население, зарубежные дипломатические миссии воспринимали, – подчеркивают Б.Д. Лановик и М.В. Лазарович, – как провозглашение независимости Украинского государства» [там же, с. 310].

Рассуждая об особенностях развития украинской государственности, В.И. Семененко и Л.А. Радченко обращают внимание на то, что «для украинского этноса характерны такие черты, как чрезмерное внутреннее самоуглубление, тенденция к раздуванию противоречий» [14, с. 4]. Кроме того, по их мнению, «наложение парламентской системы на общество, которому не хватает предпосылок демократии, – честной бюрократии, среднего класса, проч-

1. Универсалы – политико-правовые акты, издававшиеся Центральной радой в 1917–1918 гг., когда она исполняла функции высшего законодательного органа Украины.

ных моральных этических устоев, уважения к законам, приводит к беззакониям и анархии» [там же, с. 435]. Такой вывод авторов во многом объясняет острейший кризис украинской государственности, возникший в настоящее время.

По мнению А.Е. Гомотюка, большим сокровищем являются политический опыт и исторические традиции украинской государственности 1917–1921 гг., которые остались недостаточно востребованными, «хотя их вполне хватило бы, чтобы воспитать целые поколения государственно мыслящих, творческих людей в Украине» [2]. Аналогичной точки зрения придерживается П.П. Музыченко, отмечающий, что «это был период возрождения и консолидации украинской нации, формирования и становления национально-государственных институтов, роста национального самосознания». Несмотря на то что украинская государственность не утвердилась, «она сумела заявить о себе в полный голос» [11, с. 326].

Как оценить спектр мнений украинских исследователей? Конечно, можно спорить о возникновении украинской государственности в V или IX вв. Однако утверждения о создании украинского государства в то время были бы, по меньшей мере, некорректны. Можно говорить об истоках украинской государственности, которая зарождалась в этот период, но затем была растворена в государственности других народов.

Важно отметить, что Украина получила реальную независимость именно в декабре 1991 г. С того времени прошло уже более двух десятилетий самостоятельного развития украинской государственности, которая преодолела соответствующие этапы эволюции и преобразований.

В первые годы независимого развития Украины особое значение приобрел вопрос о применении советского опыта государственного строительства. Предпринимались попытки использовать все лучшее, относившееся к сфере социально-экономических и политических основ государства, системе государственных органов власти и управления, правовому статусу граждан и территориальному делению.

В последние годы перестройки в СССР начался, как известно, так называемый «парад суверенитетов», обусловленный тем, что союзные республики начали принимать декларации о государственном суверенитете. 16 июля 1990 г. Верховный Совет Украинской ССР также принял «Декларацию о государственном суверенитете Украины», в которой указывалось: «Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение» [13, с. 14]. Хотя Украина де-юре и де-факто находилась тогда в составе Советского Союза, об СССР в Декларации почти не упоминалось. Только в разделе о гражданстве говорилось, что «Украинская ССР имеет свое гражданство и гарантирует каждому

гражданину право на сохранение гражданства СССР» [13, с. 15]. Особое значение имели следующие положения заключительной ее части: «Декларация является основой для новой Конституции, законов Украины и определяет позиции Республики при заключении международных соглашений. Принципы Декларации о суверенитете Украины используются для заключения Союзного договора» [13, с. 18].

Из этого следует, что Декларация явилась юридической основой не только для построения независимого государства на Украине, но и для формирования ее правовой системы. В соответствии с данной Декларацией Верховный Совет Украинской ССР принял решение до 30 ноября 1990 г. внести необходимые изменения в Конституцию УССР.

Тем не менее 17 марта 1991 г. на общесоюзном референдуме 70,2% от принявших участие в голосовании избирателей Украины высказались за сохранение Союза ССР. Кроме того, 80,2% голосовавших ответили утвердительно на вопрос, будет ли Украина частью возможного Союза Советских Суверенных государств на основе «Декларации о государственном суверенитете Украины» [5, с. 25–26]. Как видим, разница между числом сторонников сохранения Советского Союза и создания нового надгосударственного образования, в которое могли войти союзные республики на основе уже принятых Деклараций о государственном суверенитете, была незначительной. Это объясняется, прежде всего, невнятной формулировкой вопросов, вынесенных на референдум, а также достаточно жесткой борьбой за передел власти между старой коммунистической номенклатурой и зарождающимися политическими элитами союзных республик.

В мае 1991 г. Верховный Совет Украинской ССР обсудил основные положения проекта новой Конституции Украины, подготовленного конституционной комиссией во главе с Л. Кравчуком. В соответствии с данным проектом Украина должна была стать президентской республикой с двухпалатным парламентом. Предлагалось утвердить также новое название государства – Республика Украина. Однако большинство депутатов Верховного Совета, по инициативе представителей компартии, отвергли это предложение и внесли свой проект, в котором предусматривалось сохранение прежнего названия республики и включение в него положения о вхождении Украинской ССР в состав Советского Союза, которое отсутствовало в первом проекте Конституции.

В начале июня 1991 г. Верховный Совет УССР принял постановление «О переходе в юрисдикцию Украинской ССР государственных предприятий и организаций союзного подчинения, расположенных на территории республики», означавшее юридическое закрепление фактического передела союзной собственности.

Важной вехой в развитии украинской государственности стало введение поста президента и принятие в связи с этим 5 июля 1991 г. Верховным Советом УССР следующих законов: «Об основании поста Президента Украинской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР»; «О Президенте Украинской ССР»; «О выборах Президента Украинской ССР».

В то же время Украина наряду с другими союзными республиками принимала достаточно активное участие в подготовке нового союзного договора. В мае 1991 г. его положения были в основном согласованы с руководителями девяти союзных республик, а само подписание союзного договора было намечено на 20 августа того же года. Однако учреждение 19 августа в Москве ГКЧП полностью перечеркнуло наметившийся план создания обновленного Союза Суверенных Государств.

В дни деятельности ГКЧП (19–21 августа) председатель Верховного Совета Украинской ССР Л. Кравчук занял выжидательную позицию. Тем не менее под давлением либеральных и националистических политических партий, создавших 19 августа коалицию «Независимая демократическая Украина» и осудивших попытку переворота в Москве, он вынужден был созвать 21 августа внеочередное заседание Верховного Совета, на котором, хотя и с запозданием, заговор в Москве был осужден как неконституционный.

24 августа 1991 г. Верховный Совет Украинской ССР принял постановление «О провозглашении независимости Украины», а также «Обращение Верховного Совета Украины к Верховному Совету и Президенту РСФСР». В постановлении наряду с провозглашением Украины независимым демократическим государством предлагалось также провести 1 декабря 1991 г. «республиканский референдум на подтверждение акта провозглашения независимости» [13, с. 24]. Верховный Совет Украинской ССР информировал руководство РСФСР о провозглашении Украины «независимым, самостоятельным демократическим государством», а также подтверждал обязательства неуклонно соблюдать все положения Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и УССР от 19 ноября 1990 г. и развивать взаимовыгодные связи на благо наших братских народов [там же].

Необходимость соблюдения основных положений данного договора провозглашалась и в «Протоколе о сотрудничестве и координации деятельности между Министерством иностранных дел Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Министерством иностранных дел Украины» от 30 октября 1991 г.

24 августа 1991 г. Верховный Совет УССР принял также постановление «О военных формированиях в Украине», в соответствии с которым все воинские подразделения Советской армии, располагавшиеся на территории республики, переподчинялись украинскому парламенту. А 6 декабря 1991 г. был

принят Закон «О Вооруженных Силах Украины», согласно которому запрещалось применять армию для решения задач, не связанных с обороной государства, без соответствующей санкции со стороны Верховного Совета УССР. И только 12 декабря 1991 г. был издан указ президента Л. Кравчука, в котором он принимал на себя обязанности Главнокомандующего Вооруженными Силами Украины.

Для обеспечения государственного суверенитета Украины важное значение имели также следующие нормативно-правовые акты: Закон «О гражданстве Украины» от 8 октября 1991 г.; законы «О государственной границе Украины» и «О пограничных войсках Украины» от 4 ноября 1991 г.; Указ президента «О создании Государственного таможенного комитета Украины» от 12 декабря 1991 г.

1 декабря 1991 г. на Всенародном республиканском референдуме свыше 90% граждан, принявших участие в голосовании, высказались за независимость Украины. В этот же день первым президентом Украины был избран Л. Кравчук. 5 декабря он был приведен к присяге, а 6 декабря Л. Кравчук отправился в Минск на встречу с руководителями РСФСР Б. Ельциным и Белорусской ССР С. Шушкевичем, на которой 8 декабря и были юридически оформлены роспуск СССР и создание СНГ. После этого начинается период независимого развития Украины, на первом этапе которого необходимо было урегулировать большое число вопросов с Россией как правопреемницей СССР.

15 января 1992 г. президент Л. Кравчук издал Указ «О государственном гимне Украины», 28 января Государственным флагом Украины был провозглашен сине-желтый флаг, а малым гербом – тризуб.

Наряду с решением вопросов юридического оформления всех институтов и атрибутов суверенного независимого государства важное значение имело и международное признание Украины. В декабре 1991 г. ее признали 68 государств, а в течение 1992 г. – 132 страны.

Проблемы оформления нормативно-правовой базы двусторонних отношений, создания дипломатических миссий и другие занимали центральное место в первые годы независимого существования Украины. Важнейшее внимание необходимо было уделить установлению и обеспечению добрососедских отношений с РСФСР.

Развитие украинской государственности после распада СССР можно подразделить на три периода: 1) декабрь 1991 – июнь 1996 г.; 2) июнь 1996 – февраль 2014 г.; 3) февраль 2014 г. – настоящее время.

Первый период характеризовался образованием тех институтов государственной власти, полномочия которых выполняли до этого органы власти и управления Союза ССР, а также созданием нормативно-правовой базы, юридически закреплявшей становление и развитие независимого украинского

государства. Важнейшим событием, венчавшим завершение данного периода, было принятие 28 июня 1996 г. Конституции, в соответствии с которой Украина провозглашалась президентско-парламентской республикой. В ст. 1 Конституции указывается: «Украина является суверенным и независимым, демократическим, социальным, правовым государством» [6, с. 6].

Для второго периода было характерно усиление попыток оппозиционных политических сил добиться перераспределения властных полномочий между президентом, главой правительства и парламентом, а также существенное обострение внутриполитической борьбы. Это привело в конечном итоге к тому, что 8 декабря 2004 г. по инициативе президента Л. Кучмы Верховной радой был принят Закон «О внесении изменений в Конституцию Украины», согласно которому с 1 января 2006 г. Украина стала парламентско-президентской республикой.

Не без бахвальства бывший президент Л. Кучма утверждал в 2007 г.: «Украине удалось выстоять в условиях жесточайшего экономического кризиса, когда многие в мире, и особенно в России, считали, что независимость Украины – это что-то вроде мелкого дорожно-транспортного происшествия, что Украина не выдержит мировых цен на энергоресурсы». Кроме того, он отмечал, что еще «летом 1991 года американский президент Буш (старший) убеждал парламентариев нашей страны не делать “неосторожных шагов” – таких, как выход из СССР». Глава МВФ Камдессю, по словам Л. Кучмы, «уговаривал нас остаться в рублевой зоне» [7, с. 9].

Основываясь на этих предостережениях, Л. Кучма полагал, что «мировое правительство» не верило в способность Украины создать собственное государство. А свое непосредственное участие в этом процессе он считает «самым большим успехом в жизни» [там же].

В 2006–2009 гг. новый президент Украины В. Ющенко предпринимал попытки расширить свои полномочия. Однако Верховная рада и правительство Украины выступили против, что привело к расколу правящей «оранжевой» коалиции и обострению внутриполитической ситуации в стране. Об этом предупреждали некоторые исследователи. Так, главный редактор серийного издания «Советская и постсоветская политика и общество» и руководитель интернет-сайта «Russian Nationalism» А. Умланд в 2009 г. предостерегал украинское общество от «посторанжевой» катастрофы. «Сохранение нынешней “полупрезидентской” системы не отвечает, – писал он, – ни краткосрочным, ни долгосрочным интересам Украины» [16].

Важное значение имело и внешнее вмешательство во внутренние дела Украины. С.С. Жильцов в 2005 г. указывал, что главная задача американской стратегии заключалась в том, чтобы «поставить под полный контроль западные и восточные области Украины, создать условия для разрушения про-

мышленного потенциала востока» [3, с. 238]. Эту задачу США в настоящее время как раз и пытаются реализовать.

Избранного в феврале 2010 г. президента Украины В. Януковича не устраивали ограниченные властные полномочия главы государства. По мнению бывшего руководителя президентской администрации С. Лёвочкина, который, кстати, являлся помощником президента Л. Кучмы и принимал активное участие в подготовке конституционной реформы 2004 г., необходимо было наделить президента более широкими полномочиями.

Реализация такой расплывчатой формулировки расширенных полномочий президента вряд ли была применима в сложившейся в то время политической ситуации в Украине. Тем не менее сложное социально-экономическое положение страны и разобщенность региональных политических элит позволили руководству страны добиться отмены Закона № 2222 «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 г., который был принят с нарушениями действовавшего в то время законодательства.

1 октября 2010 г. Конституционный суд Украины принял решение признать данный закон неконституционным и предписал всем органам государственной власти привести законодательные акты в соответствие с Конституцией 1996 г. А это означало, что Украина возвратилась к прежней форме правления – президентско-парламентской республике. Президент теперь получал право формировать Кабинет министров без консультаций с парламентской коалицией, увольнять с должности премьер-министра и отдельных министров, отменять постановления правительства, но терял при этом возможность роспуска Верховной рады.

Общественность и политические партии неоднозначно восприняли это решение Конституционного суда Украины. Тем не менее прошедшие 31 октября 2010 г. выборы в региональные законодательные собрания показали, что население страны в целом поддерживало политику В. Януковича, направленную на укрепление вертикали власти. Однако полученный кредит доверия был достаточно быстро исчерпан, так как курс нового руководства страны на распределение властных полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти проводился в основном в интересах финансово-промышленных групп, а решение острых социальных вопросов фактически игнорировалось.

«Любой разумный политик должен ставить на первое место не проблемы абстрактного “европейского выбора”, государственного языка, вступления в НАТО и даже не проблемы демократии, – подчеркивает Р. Медведев, – а проблемы уровня жизни, подъема сельского хозяйства, восстановления промышленности и занятости населения» [10, с. 174–175].

Как прозорливо отмечал в 2010 г. Г.И. Трофанчук, «политический и экономический кризис готовит благоприятную почву для ползучей децентрали-

зации страны и сепаратизма региональных лидеров». При этом власть проявляет инертность и «лишь констатирует проблемы вместо их тщательного выявления и эффективного решения» [15, с. 374]. Среди ее представителей много тех, кто ради корыстных интересов «готовы преданно служить кому-либо, любым хозяевам (доморощенным или зарубежным)» [там же].

К сожалению, недальновидная политика В. Януковича, окружившего себя подобными чиновниками и олигархами, привела страну к глубокому социально-политическому кризису, способствовавшему возникновению нового майдана и созданию условий для государственного переворота.

Г. Касьянов считает, что «тенденции последних лет, когда история все более превращается в элемент и фермент внутренней и внешней политики, является весьма тревожной – дискуссии по поводу тех или иных проблемных мест в прошлом экстраполируются в настоящее и приводят к разделению общества и даже к международным конфликтам» [4, с. 67].

Третий период ознаменован началом распада Украины. После вооруженного переворота 22 февраля 2014 г. в Киеве к власти пришли при поддержке ультраправых и националистов А. Турчинов (председатель Верховной рады, и.о. президента Украины) и премьер-министр А. Яценюк. Было сформировано правительство, в состав которого вошли шесть представителей националистической партии «Свобода». Первое же решение нового руководства было направлено на ущемление прав русскоязычного населения Украины. Это вызвало массовые протесты населения юго-восточных областей, которые стали жестоко подавляться подразделениями национальной гвардии.

Ф. Лукьянов считает, что в феврале 2014 г. украинской государственности был нанесен «мощный удар, однако новых сил и лиц, которые олицетворяли бы обновление политической системы, не появилось». К власти пришли известные фигуры, способность которых «предложить свежие решения для качественного изменения ситуации, прежде всего дизайна украинского государства, вызывает, – по его мнению, – большие сомнения» [9].

Характеризуя уроки Майдана, украинский академик П. Толочко сказал: «Когда выборы будут происходить под диктовку Майдана, когда формирование всех госструктур происходит под диктовку Майдана и чиновники утверждаются там же, а потом все формально штампует Рада, деградировавшая и марионеточная, – это является свидетельством того, что у нас так и не сложилась государственность – стабильная, конституционная, демократическая» [12].

18 марта 2014 г. на референдуме в Крыму более 96% избирателей высказались за провозглашение независимости и вхождении Крыма и Севастополя в состав РФ в качестве субъектов Федерации. 21 марта 2014 г. они вошли в состав России.

В Донецкой и Луганской областях были провозглашены народные республики. В апреле 2014 г. киевские власти объявили о начале на территориях этих самопровозглашенных республик антитеррористической операции силами армейских подразделений, национальной гвардии и частных отрядов, сформированных украинским олигархом И. Коломойским.

11 мая в Донецкой и Луганской народных республиках были проведены референдумы, на которых большинство принявших участие в голосовании высказалось за провозглашение независимости и выход из состава Украины. После этого усилилась так называемая антитеррористическая операция против этих республик с применением авиации, артиллерии и бронетехники, в результате которой уже погибли более 2 тыс. мирных жителей, уничтожены многие здания и предприятия.

Проведенные 26 мая 2014 г. фактически в условиях начавшейся гражданской войны президентские выборы не привели к прекращению огня и началу переговоров. Попытка киевских властей «зачистить» территории самопровозглашенных республик от ополченцев к дате инаугурации избранного президента наоборот способствовала увеличению жертв и числа беженцев в Россию.

Выборы в Верховную раду, состоявшиеся 26 октября 2014 г., не смогли консолидировать политическую элиту вокруг президента П. Порошенко. Партии войны во главе с А. Яценюком, получившей большинство в украинском парламенте, американские спонсоры, по всей видимости, не позволят прекратить противостояние Киева с юго-восточными областями страны.

2 ноября 2014 г. выборы глав и парламентов самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик в известной степени легитимировали их правовой статус. Теперь они на законных основаниях могут принимать участие в переговорах с киевскими властями.

Таким образом, украинская государственность в течение многих веков была растворена в государственности соседних народов. В начале 1990-х годов в результате распада СССР Украина, выстрадавшая свою независимость, создала суверенное государство. Однако отсутствие единых традиций развития государственных институтов и эффективного механизма общения и взаимодействия привело к глубокому кризису украинской государственности.

Разобщенность политических элит в вопросах выбора главного политического вектора развития способствовала вспышке националистических и неонацистских устремлений в обществе. В результате чего в феврале 2014 г. произошел государственный переворот, в подготовке которого определяющую роль сыграли США и ведущие страны Евросоюза.

Для украинской государственности наступила тяжелая полоса испытаний. Выход Крыма из состава Украины, а затем провозглашение независимости Донецкой и Луганской народных республик привели к гражданской войне на юго-востоке страны.

Нежелание нынешнего украинского руководства самостоятельно решать мирным путем острые внутриполитические проблемы неизбежно приведет к углублению кризиса украинской государственности и дальнейшему распаду Украины.

Литература

1. Бойко О.Д. Історія України: навч. посіб. – Київ: Академвидав, 2006. – 688 с.
2. Гомотюк А.Е. Проблемы украинской государственности в сфере украиноведения (к историографии вопроса). – Режим доступа: www.info-library.com.ua/libs/stattya/3422-problemi-ukrayinskoyi-derzhavnosti-u-sferi-ukrayinoznavstva-do-istoriografiyi-pitannja.html (Дата обращения: 28.07.2014.)
3. Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 264 с.
4. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине: Краткий экскурс // Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. – М., 2011. – С. 38–73.
5. Касьянов Г. Україна 1991–2007: Нариси новітньої історії. Київ.: Наш час, 2007. – 432 с.
6. Конституція України / Уклад. І. Басова. – Харків: Фактор, 2011. – 128 с.
7. Кучма Л.Д. После майдана: Записки президента. 2005–2006. – Киев: Довира; М.: Время, 2007. – 688 с.
8. Лановик Б.Д., Лазарович М.В. Історія України: навч. посіб. – Київ: Знання-Прес, 2006. – 598 с.
9. Лукьянов Ф. Украинская развилка // Российская газета. – М., 2014. – № 130, 11 июня. – С. 9.
10. Медведев Р. Расколотая Украина. – М.: Институт экономических стратегий; Международная академия исследований будущего, 2007. – 176 с.
11. Музыченко П.П. История государства и права Украины: учеб. пособие. – Киев: Знання, 2006. – 570 с.
12. Петрова А. В стране товарища маузера: украинский академик Петр Толочко об уроках майдана // Российская газета. – М., 2014. – № 59, 14 марта. – С. 10.
13. Россия – Украина. 1990–2000: Документы и материалы: В 2 кн. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Украины. – М., 2001. – Кн. 1. – 488 с.
14. Семененко В.И., Радченко Л.А. История Украини с древнейших времен до наших дней. – Харьков: Торсинг, 2003. – 480 с.
15. Трофанчук Г.І. Історія держави та права України: навч. посіб. – Київ: Юрінком Інтер, 2011. – 384 с.
16. Умланд А. Как избежать «посторанжевой» катастрофы: Конституционная реформа и политическая стабильность на Украине. – Режим доступа: http://www.inosmi.ru/world/20090702/250330.html (Дата обращения: 28.07.2014.)

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова

ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ 1990-х КАК УРОК ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Кочегарова Тамара Михайловна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Время осуществления российских экономических реформ воспринимается сегодня как «лихие девяностые». После ордынского нашествия в истории нашей страны был только один период, получивший собственное имя – начало XVII в. – «Смутное время». Смута – это хаос, раздоры, беспорядок. «Лихо» в российском просторечье имеет и более конкретное, и более негативное содержание: оно означает «зло». В словаре русского языка С. Ожегова «лиходей» означает «злодей», «мучитель», а «лихоимец» – «вымогатель», «взяточник». Там же приведены примеры: «хлебнуть лиха – узнать горе, беду», «почем фунт лиха – узнать горе сполна» [22, с. 328–329, 735]. В этом смысле понятие «лихие», по-народному кратко и глубоко характеризующее период реформ, является архетипическим.

Во время Второй мировой войны валовой внутренний продукт в СССР сократился на 24%, в период Великой депрессии в США ВВП сократился на 29, в период с 1992 по 1998 г. ВВП в России сократился на 47, а промышленное производство на 59%. Масштабы «лиха» в 1990-е годы оказались уникальными в мировой истории.

«Падение выпуска продукции в России квалифицируется в учебниках экономики, – констатируют директор института исследований Европы и России Карлтонского университета (Оттава) П. Дуткевич и профессор Российской экономической школы В. Попов, – как самый крупный в истории человечества рукотворный экономический кризис, сфабрикованный творцами экономической политики» [12, с. 43].

Разрушение производственного потенциала великой страны, происходившее на глазах всего мира, вызывало глубокое недоумение у представителей научного сообщества. «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, – писал С. Коэн через шесть лет после начала реформ в статье, озаглавленной "И это называется реформой?" – Катастрофа настолько грандиозна, что мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе деиндустриализации живущей в XX веке страны» [18, с. 3].

Разгром производства предопределил в стране тяжелую социальную ситуацию. Цены на основные продукты разово в одну ночь взлетели в 10 раз, пенсии были проиндексированы лишь в 2 раза, а о зарплатах граждан правительство вообще забыло. Половина населения страны опустилась за черту бедности, у городских помоек скопились голодающие, на улицах городов появились сотни тысяч беспризорников, общество накрыл мощный вал преступности. Началось вымирание нации: в 1992 г. население РФ впервые с 1945 г. не увеличилось, а сократилось – на 220 тыс. человек. В 1993 г. естественная убыль населения России уже составила более 750 тыс. человек, в 1994 – 900 тыс. человек, а в 2000 г. – 970 тыс. человек.

Начавшиеся в январе 1992 г. российские экономические реформы нынешний помощник президента России академик РАН С. Глазьев, определил как «политику саморазрушения экономической системы государства, проводившегося в России под видом либеральных экономических реформ. Это была политика, которая вышла за рамки законности и приобрела характер экономического геноцида широких слоев населения» [9, с. 11].

Но если так, то почему страна сумела избежать масштабных социальных потрясений?

В зарубежном обществоведении поиску ответа на это вопрос был посвящен целый ряд исследований. Так, в труде американских экспертов-славистов «Россия в новом столетии: Стабильность или беспорядок?» Дж. Бреслауэр дает этому парадоксу четыре достаточно аргументированных объяснения. «Во-первых, население выживает за счет теневой экономики, которая и спасает людей от голода и крайней нужды, а правящую верхушку – от постоянной угрозы тяжелейших социальных потрясений. Во-вторых, жизненные силы и психологический тонус значительной части населения подорваны настолько, что оно не только не способно ни на какое сопротивление (кроме разве что единичных спонтанных акций), но и, смирившись заранее с любым развитием событий, просто обреченно ждет конца. В-третьих, высокая готовность конструктивно участвовать в социальных преобразованиях, которая была у многих в конце 1980-х – начале 1990-х годов, после первых двух-трех лет реформ сменилась глубокой апатией и массовой ностальгией по советским временам. В-четвертых, процесс социально-экономических

перемен разрушил основы коллективной солидарности, не породив новых» [33, p. 53].

В нашем обществоведении причины отсутствия протеста почти не анализировались, в то время как они являются теоретически и практически актуальными для социально-экономического развития страны.

Следует согласиться с мнением американского аналитика о высокой адаптивной способности россиян, об атомизации общества как следствия борьбы за физическое выживание и с тем, что скоропалительная приватизация и ее итоги застали общество врасплох. Для россиян экономические реформы 1990-х годов не были шоковой терапией, они были просто шоком. К психологической травме распада Советского Союза добавилась еще одна – криминальная приватизация. Люди внезапно обнаружили, в каком положении и в каком мире они очутились. Психологи определяют это состояние как «социальный ступор» [15, с. 197–199], блокирующий волевые установки общества. Послешоковая апатия – малопригодная основа для массовых протестов, она усугублялась сознанием того, что создали эту власть своими собственными руками. Население России в значительной степени израсходовало свой социально-психологический заряд, или, по терминологии Льва Гумилёва, свой ресурс пассионарности в 1988–1991 гг. – на свержение тоталитарного режима и приведение к власти Б. Ельцина. Даже многомесячные задержки заработной платы, ставшие практически нормой после начала реформ, не смогли вывести на улицу людей, деморализованных происходящим.

Но помимо отмеченных американскими аналитиками факторов, существуют и другие, определившие слабую реакцию общества на происходящие в 1990-х годах события. Выявление и анализ этих факторов даст возможность расширить наши представления о российской реформации.

С самого начала экономических преобразований реформаторы и их апологеты усиленно пропагандировали тезис: их способу приватизации в России нет альтернативы. Ошибка лишь в том, признали они после проведения приватизации и часто повторяют это сегодня, что не объясняли населению, каким образом она осуществляется, и что вообще происходит в экономике. Дружное признание post factum своей вины в том, что народ держали в неведении о методах и ходе приватизации, рождает естественный вопрос: Почему? Из-за чего было так много тайн и так много ложных обещаний? И почему механизм социального контроля, активно работающий во всех постсоциалистических странах Европы, в России бездействовал?

В отношении первого вопроса достаточно резонный, а, главное, исчерпывающий ответ дает Е. Ясин: «Бывают ситуации, когда вам просто нечего

сказать»[1]. И не только населению. В планы реформаторов не были посвящены даже члены их правительства. «Не очень-то они желали распространяться о том, что задумали», – свидетельствует министр информации в правительстве Е. Гайдара М. Полторанин [23, с. 240]. Далее он приводит перечень вопросов к реформаторам и их ответы. «Намечается ли завершить инвентаризацию (реестр) имущества России, начатую еще правительством Силаева до начала реформ?» – «Нет!» «А тогда по каким параметрам будет устанавливаться очередность выставления на торги государственной собственности?» – «Это определим по ходу реформ!» «Будет ли до старта реформ проводиться оценка рыночной стоимости приватизируемого имущества?» (эту акцию начинал прежний председатель Госкомимущества Михаил Малей, но его остановили)? – «Нет!» «А тогда как определить – "как", "что" и "почём"?» – «Реформы покажут!» «Готова ли у нас основная правовая база для запуска приватизации?» – «Нет!» «А как же быть?» – «Будем готовить по ходу дела!» И еще много вопросов и много таких же ответов [24, с. 241]. М. Полторанин пишет о своем непонимании этой стремительности. «Тогда я не мог взять в толк, зачем Ельцину такая невероятная спешка. И как он додумался просить себе чрезвычайные полномочия на год? Ради чего, что можно сделать за такой срок? Бредни экономистов из ватаги Гайдара, будто Россия стояла на каком-то краю, опровергается самой жизнью» [24, с. 243].

Российские СМИ того периода активно обсуждали тему ваучерной приватизации. В прессе и на телеэкранах выступали молодые, энергичные, образованные, свободно владеющие английским языком российские реформаторы, что рождало ощущение выгодного контраста на фоне малообразованных и косноязычных деятелей советского партийного руководства. Доверие к ним и к президенту Б. Ельцину – борцу с тоталитарным режимом, было необычайно высоким.

В нашей периодике все чаще высказывается суждение о завышенных ожиданиях россиян в начале 1990-х годов. Этот тезис сформулировали российские реформаторы в разгар своих преобразований. Но это ложный тезис, ибо надежды общества были вполне обоснованными. Для оптимизма в реализации замыслов политической модернизации и экономического рывка в российском обществе тогда были веские основания. Директор Института проблем рынка академик Н. Петраков подчеркивает, что, «несмотря на нарастающее отставание от наиболее развитых государств, из 40 макротехнологий, обеспечивающих в мировых экономических сетях производство наукоемкой продукции, СССР в конце 1980-х годов обладал 19, причем не только ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми, но и в области энерге-

1. Московский комсомолец, 25.01.2010. – С. 5.

тического, химического, транспортного машиностроения, где он был или лидером, или находился в числе лидеров» [22, с. 188–189]. Страна располагала достаточным для начала модернизации и производственным, и научным потенциалом. Советская система образования была еще не разрушена, а ее высокое качество даже сегодня, много лет спустя, никем в мире не оспаривается.

Особо подчеркнем наличие уникальных запасов минерального и энергетического сырья. Не существует в мире государств, которые имеют столь масштабные сокровища: почти 30% разведанных богатств земных недр принадлежат России (при 2% мирового населения).

Немалое значение имело и потепление международного климата, окончание холодной войны. Но, главное, необходимо вспомнить о готовности, можно даже сказать жажде, россиян к кардинальным переменам. К началу 1990-х годов она захватила значительную, если не бóльшую часть населения, причем, самую созидательную ее часть. То есть в российском обществе возникла широкая социальная и психологическая основа для модернизационного прорыва. Осенью 1991 г. известный публицист Юрий Карякин выразил мнение большинства, когда сказал: «Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России».

Можно критиковать россиян за их национальную черту – излишнюю доверчивость. И все же надо было быть закоренелыми скептиками, чтобы в тот период отказать «младореформаторам» в доверии. Ибо логика, по которой Россия должна была начать стремительный рывок, была очевидной. Предстоящая приватизация и появление в ее результате многочисленного (так постоянно утверждалось!) слоя акционеров вызывали в новой демократической России оправданный общественный энтузиазм.

Реальность оказалось иной. Воспользовавшись доверием народа, реформаторы его ограбили. Но отсутствие протеста только лишь психологическим состоянием общества объяснить нельзя. Это объяснение будет неполным, так как оно превращает реформаторов после ловко проведенной операции в пассивных получателей национальных богатств. В отличие от общества, они пассивными не были. Деятельность реформаторов по идеологическому обеспечению их методов проведения реформ была не только активной, но и продуктивной. Были использованы старые и созданы новые мифы.

Члены правительства Гайдара называли свои реформы «пожарными», а себя сочувственно «командой смертников», «камикадзе», определив, таким образом, в массовом сознании россиян свою роль как жертв, осуществляющих высокую, на грани подвига, функцию «спасения нации». Первым в ряду «подвигов», совершенных реформаторами, был отпуск цен, произведенный с января 1992 г. «Главный, поистине геракловый подвиг Гайдара должен

быть оценен по достоинству. Не кто иной, а именно он, Гайдар, выпустил на свободу рубль»[2]. Степень восторженности оценки продиктована датой ее обнародования – это был канун 20-летия реформ, когда в связи с этой годовщиной в российской периодике стали появляться материалы, показывающие глубину их драматических последствий для страны. Надо было напомнить обществу о заслугах реформаторов.

Однако либерализация цен как озвучный акт разгосударствления происходила во всех постсоциалистических странах, но никому из руководителей соответствующих правительств постсоциалистических стран – ни Назарбаеву, ни Гавелу, ни Бразаускасу, ни Тер-Петросяну, ни Мазовецкому, ни Шушкевичу, ни Алиеву – не пришло в голову обязательную процедуру возвести в ранг заслуг, и тем более подвига. Н. Щербинина справедливо замечает по этому поводу, что «политический арсенал новой постсоветской номенклатуры продемонстрировал в этом эпизоде свой старый советский фарисейский ритуал "подмены статуса", когда декларируемые "лишения" верхов воплощаются в символических "житиях страдальцев за народное дело"» [29, с. 135].

Эпизоду с героизацией отпуска цен стоит уделить внимание, ибо с него берет начало мифология успехов российских реформаторов, сформированная по известному алгоритму, продемонстрированному еще римским сатириком Лукианом в его знаменитой панегирике «Похвала мухе». Свое нарочито многословное усердие в восхвалении «заслуг мухи» автор прерывает по одной лишь причине: «Чтобы не подумал кто-нибудь, что я делаю из мухи слона» [1, с. 187–190]. Античная пародия на безудержные декламации доказать правоту того, что заведомо ложно, удивительно точно приложима к стараниям и самих реформаторов, и их апологетов во внедрении темы «подвига» в общественное сознание.

Парадокс героизации «освобождения рубля» заключается в том, что эта процедура была проведена реформаторами крайне жестоко и непрофессионально и поэтому нанесла огромный вред и обществу, и государству.

Советские руководители, проводя денежные реформы в 1947 и 1956 гг., обеспечили компенсацию потерь для наименее состоятельных вкладчиков. Российские младореформаторы превзошли в большевизме и Хрущёва, и Сталина, отняв у стариков последние крохи, отложенные на «черный день». Только спустя много лет это вызвало обращение части населения в судебные органы. В сентябре 2003 г. Страсбургский суд по правам человека признал на международном уровне законность требований российских граждан на полное восстановление дореформенных вкладов и обязал российское прави-

2. Российская газета, 18.11.2011. – С. 3.

тельство пересмотреть свою политику судебного блокирования исков по этим делам.

В постсоциалистических странах Европы отпуск цен происходил постепенно (например, в Польше – практически на протяжении всех 1980-х годов), смягчая соответствующими компенсаторными, сдерживающими механизмами денежные потери населения, в первую очередь его малообеспеченных слоев [28, с. 149].

Наши соседи по Восточной Европе перед либерализацией цен провели демонополизацию производства товаров массового спроса. «В России в условиях монополизированной экономики либерализация цен фактически привела к смене органов, контролирующих цены: вместо государства этим стали заниматься сами монопольные структуры, что привело к резкому повышению цен и снижению объемов производства» [7, с. 131].

Почему бы не воспользоваться опытом соседей? У российских реформаторов было время – полных четыре месяца (сентябрь–декабрь 1991 г.), чтобы предусмотреть создание таких механизмов, на чем настаивал С. Глазьев, входивший тогда в правительство. С. Глазьев потом напишет, что «не сопровождавшаяся созданием сдерживающих механизмов либерализация цен привела вовсе не к созданию механизмов рыночной конкуренции, а к установлению контроля над рынком организованных преступных групп, извлекающих сверхдоходы путем взвинчивания цен, что привело к гиперинфляции издержек. Такая либерализация цен не только дезорганизовала производство, но и привела к обесцениванию доходов и сбережений граждан» [10, с. 176]. То есть деятельность реформаторов, подаваемая обществу как «подвиг», в реальности означала преступление.

Зло подающее себя как добро – банальный сюжет мировой истории. Директор института психологии РАН, специалист по психологии мышления А.В. Брушлинский подчеркивает, что «установка личности на антисоциальное поведение заставляет ее инстинктивно искать опору в той же самой системе норм, с которой личность вступает в противоречие. В этом случае ослабление антисоциальности, а еще лучше перевод отрицательного в общественной оценке поступка на его положительную оценку – задача, выполнение которой требует определенного потенциала. Вероятность такого перевода зависит от умения воздействовать на общественное мнение» [4, с. 241]. В работах российского криминолога Г. Шиханцова показано, что «организовать исполнителей можно только имея соответствующую анестезирующую человеческую совесть идеологию, которая оправдывает совершаемые ими преступления “самыми благородными целями”» [31, с. 198]. Американский психолог К. Бартола приводит различные способы осуществления перехода деяний личности из категории «преступление» в категорию «подвиг» [2, с. 201].

В начальный момент проведения реформ тезис о героике первого либерального правительства новой России казался убедительным для значительной части российского общества, и прежде всего для интеллигенции. Ожидания давно назревших кардинальных перемен были настолько велики, что даже изъятие денежных сбережений населения России без каких-либо компенсаций, произошедшее в результате отпуска цен в 1992 г., не вызвало в обществе серьезного протеста.

Чтобы максимально нейтрализовать общественное мнение или свести к минимуму протестные настроения, необходимо было сформировать благоприятный «образ будущего», ради которого стоит пройти через трудности. Начиная реформы, Е. Гайдар и члены его правительства убеждали россиян в равных возможностях участия в распределении общенародной собственности, в появлении в результате реформ многочисленного слоя акционеров. Контент-анализ шести наиболее популярных газет («Известия», «Московские новости», «Общая газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты»), проведенный в период с января по июнь 1992 г., показал, что слова и фразеологемы – «справедливость», «общество равных возможностей», «равный доступ», «справедливое распределение», «массовый слой акционеров», «участие в распределении прибыли предприятий» и т.п. были доминирующими в газетных материалах, посвященных реформации. В этот период реформаторы не скупились на выступления по радио, телевидению и интервью с корреспондентами газетной и журнальной периодики.

Спустя 15 лет реформаторы и их апологеты могли уже говорить откровенно. 12 июня 2007 г. в передаче радиостанции «Эхо Москвы» Е.Г. Ясин так разъяснил итоги приватизации: «Даже хорошо, что самых способных оказалось немного, ибо большое количество собственников является препятствием к эффективному управлению экономикой». Акционеров в нынешней России всего около 850 тыс., т.е. 0,6% населения.

Напомню читателю, что в январе 1992 г. Б. Ельцин торжественно обещал россиянам лечь на рельсы, если к осени их положение не улучшится. К осени оно резко ухудшилось. Но главное заключается в том, что через год-полтора стала проясняться суть происходящего[3]. Уже в 1993 г. начался отъезд высококвалифицированных специалистов за границу, вскоре ставший массовым. Среди 60 тыс. российских инженеров и ученых, работающих сегодня в Сили-

3. Это наглядно показали результаты выборов в Государственную думу в декабре 1993 г. Правительственная партия «Выбор России» потерпела сокрушительное поражение, набрав всего 15,5% голосов избирателей.

коновой долине, те, кто эмигрировал из России в начале 1990-х годов, составляют более 80%[4].

По мере осознания происходящего масштабы эмиграции возрастали. К 2007 г. только в странах Евросоюза, по данным директора фонда «Русский мир» В. Никонова, количество эмигрантов из России достигло 10 млн человек [21, с. 95]. Это позволяет сделать печальный вывод: реформы 1990-х создали несопоставимо более мощный импульс бегства из России, чем даже Октябрьская революция и Гражданская война.

Можно указать на историческую аналогию. Эмиграция еврейского населения из Германии началась уже через год-полтора после победы национал-социалистов на выборах в рейхстаг. Но сначала уезжали только наиболее дальновидные, причем не только из Германии – бежали из Европы. Оставшиеся не могли себе представить то, что произошло позже. На обыденном уровне им невозможно было допустить мысль, что великая христианская нация, внесшая огромный вклад в мировую культуру, давшая миру Лейбница, Гёте, Баха, Гегеля, Бетховена, Канта, может создать сеть концентрационных лагерей с газовыми камерами и уничтожить там 6 млн мирных граждан – мужчин, женщин и детей.

Возможно, так же трудно было поверить, что сменившие не очень грамотных партийных бюрократов новые руководители великой России – молодые, энергичные, образованные, облеченные доверием народа, – сразу же начнут лихорадочно, по очень точному выражению Е. Гайдара, «распихивать по карманам» [8, с. 193] общенародную собственность.

Начавшийся дележ, или, по нынешней терминологии, «распил» государственной собственности, потребовал найти объяснения этому «распилу», чтобы если и не заставить население принять новые «правила игры», то хотя бы смягчить реакцию общественного мнения, побудить россиян «философски» относиться к происходящему. Лучший способ воздействия на массовое сознание оказался традиционным: «неевропейская ментальность», «особый путь» и все последующее из этого ряда, который в общем виде определяется как «российская специфика». Используя эту если и далеко не бесспорную, то, по крайне мере, распространенную характеристику русского этноса, массмедиа стали убеждать общество в извечной безнравственности российской власти, внедряли в общественное сознание тезис о предопределенности злоупотреблений в высших эшелонах российской власти, исторической фатальности российского лихоимства.

Тезис о «неевропейскости» русского народа, его «азиатской» ментальности – наиболее частый сюжет газетных и журнальных материалов тех лет.

4. Аргументы и факты. – 2010. – № 14. – С. 9.

Постоянно навязывалась мысль, что преступное поведение во власти не зависит от персоналий, ибо оно традиционно на Руси для высокопоставленных чиновников. То обстоятельство, что повседневность предоставляла многочисленные случаи лихоимства новой бюрократии, должно было убеждать население в неодолимой силе традиций.

Периодика тех лет целенаправленно настраивала массовую аудиторию на неизбежность материальных и моральных потерь при проведении реформ, независимо от того, кто их будет проводить. В массовое сознание внедрялся тезис: «Молодые реформаторы действуют неправедно, возможно, даже преступно, но те, кто их сменит, могут оказаться еще хуже». В 1990-е годы российские СМИ часто упоминали старинную притчу о нецелесообразности отгонять мух с обнаженного тела наказанного, ибо на их место прилетят другие, голодные, а, следовательно, более злые. Постоянно твердили о господстве инстинкта грабить, пока не будет достигнуто состояние «сытости»; усиленно популяризировали обреченность «голодных людей, оказавшихся во власти, на казнокрадство» и т.п. Тогдашняя российская пресса пестрела историческими аллюзиями на тему аморальности государственных деятелей. «Российская специфика» торжествовала в этой массированной атаке на общественное сознание россиян. Ее шлейф в виде обреченно-успокоительных – «все воруют» и «везде воруют» – тянется до сих пор.

Если «российская специфика» была призвана покрывать взрыв лихоимства новой бюрократии, то в не меньшей мере она использовалась в сфере нового предпринимательства. В общественное сознание усиленно внедрялись представления о русских купцах как нравственно нечистоплотных, малообразованных людях, бессовестных обманщиках и ворах, что обобщалось и декларировалось как качество, заложенное в национальном характере. Навязанные ложные стереотипы о русском купечестве являются, по существу, оскорбительными для национального достоинства России. На самом же деле первые поколения российского предпринимательского сословия заслуживают более справедливой и уважительной оценки со стороны своих потомков.

Русское предпринимательство в основном вышло из старообрядческой среды, которая дала России большинство купеческих династий. В нашей стране еще в XVII в. появились хозяйствующие люди, не уступавшие западноевропейцам, с тем же специфическим отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. Церковный раскол ускорил развитие частной инициативы в России, а старообрядцы стали образцом созидательной энергии и культурной инициативы. Умеренные во всем, старообрядцы славились в России умением упорно, почти без отдыха, трудиться – и что немаловажно – абсолютным трезвенничеством. Моральные ценности и требования этой среды были не только не ниже, но во многом и выше императивов западной протестантской этики. Один из крупнейших русских предпринимателей

В.П. Рябушинский справедливо заметил: «Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей» [5, с. 87].

В начале XX в. две трети российского промышленного капитала было старообрядческим. Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины, Гучковы, Корзинкины, Мамонтовы, Морозовы, Прохоровы, Путиловы, Рябушинские, Смирновы, Солдатенковы, Строгановы, Третьяковы, Филатовы, Щукины, Якунчиковы и многие сотни других, менее известных, семей русских предпринимателей не только высокопрофессионально вели свои коммерческие дела, но и отличались образованностью и *исключительной нравственной чистотой.*

Для своих рабочих они строили бесплатные больницы, дома престарелых, школы, детские сады, приюты, церкви, делали значительные общественные взносы, активно благотворительствовали, с огромным размахом меценировали отечественную науку и культуру. А российское купеческое слово обладало в Европе не меньшей надежностью, чем документ с гербовой печатью. Заслуженно оценивая протестантскую трудовую этику, не следует игнорировать ее российский аналог. Как справедливо отметил М. Кастельс, «веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос учеными, которые убедительно указывали на альтернативные исторические формы, поддержавшие капитализм столь же эффективно как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах» [15, с. 194]. Традиции российского предпринимательства, стремительно оформившегося ко второй половине XIX в. в один из самых передовых в Европе социальных слоев активных собственников, являют собой как раз такую интересную и продуктивную альтернативную форму.

Тем не менее население России через ангажированные СМИ всячески убеждали в том, что исторически накопление капитала в нашей стране не могло избежать воровского пути. Учитывая склонность русских к самобичеванию, процесс индоктринирования массового сознания не был трудновыполнимой задачей. «Наше российское неизбывное, почти сакраментальное, что Запад – это одно, а Россия – совсем другое, сидит в нас уже едва ли не на уровне инстинкта. Причем, как многие свято веруют, Россия – это настолько другое, что и ПУТЬ у нее, как нам внушают какое уж столетие, совершенно свой. Особый. И стать тоже своя, особенная. И умом ее тем более не понять, как и аршином общим не измерить, – описывает этот механизм И. Виноградов. – От этих священных коров нашей российской “особости” действительно никуда не денешься – они так давно уже пасутся на полях нашего национального сознания и молочко их так въелось всей своей отравой в наш духовный мир, что мало кто уже способен отделить этот комплексно-патриотический невроз от того зерна истины, на котором он паразитирует» [6, с. 58].

К сожалению, субъективный фактор в проведении экономических реформ в России оказался основополагающим для их итогов [25, с. 45–53]. Образы ловкого вора, умелого аферист, безжалостного бандита должны были символизировать «естественные» общественные представления о социальном составе новых собственников. «Иначе не бывает», – вбивалось в головы людей. Срочно востребованная расхожая марксистская фразеологема «первоначальное накопление капитала» приобрела в 1990-е годы особо торжественный, почти сакральный характер. В лексиконе реформаторов это словосочетание получило не только статус универсального ultima ratio, артикулирование этого довода стало для них чем-то вроде священного ритуала египетских жрецов. Эти три слова – «первоначальное накопление капитала» – произносятся как знаменитое библейское заклинание «мене, текел, фарес», стоит только коснуться социально-экономических, демографических или нравственных итогов российских реформ. А олигархический капитал, обнищание народа, миллионы беспризорных детей, депопуляция и деградация населения и т.п. – все это внедрялось в общественное сознание как фатальная неизбежность хозяйственной реформации, как ***обязательная*** плата за освобождение от планово-распределительной экономики. И здесь диалог с российскими реформаторами не предусмотрен: «Вы спрашиваете, могло ли быть иначе?» – «Нет! Ибо – первоначальное накопление капитала. Точка».

Но сама по себе эта категория «первоначальное накопление капитала» характеризует *процесс,* т.е. капитализацию, развернутую во времени. Первоначальное накопление капитала – это определенный этап, за время которого создается объем финансового и материального ресурса, необходимый для начала частного (капиталистического) производства. В России XVIII–XIX вв., как и в других странах Европы, капитализм рождался и развивался органично в течение многих десятилетий, что так же органично включал процесс его *накопления*, более быстрый или менее быстрый. Но все это не имеет никакого отношения к событиям начала 1990-х годов в России. Здесь не было никакого накопления, ни первоначального, ни второначального… Накопления не было как такового. Была единовременная *раздача* финансовых и материальных ресурсов для частного (капиталистического) производства. Никакого процесса, раздача была по существу одномоментной. Точнее, она занимала столько времени, сколько его требуется для подписи нового владельца на приватизационных документах [см.: 28, с. 209–210].

Но еще важнее было заставить общество признать необходимость скоропалительного проведения приватизации. Активно использовалась угроза «коммунистического реванша». Эта надуманная опасность нагнеталась по мере возникновения острых ситуаций. Ее особенно удачно разыграли в период президентской избирательной кампании 1996 г. Следует отметить, что методы воздействия на общественное сознание были психологически обоснован-

ными. Например, утверждение о негуманности «рубить кошке хвост по частям». Этот популярный в 1990-х годах аргумент недавно воспроизвел Е. Ясин, оправдывая стремительность российской приватизации[5].

В качестве характерного примера индоктринирования в тот период массового сознания россиян можно также указать на образ, долго эксплуатируемый в российских СМИ: «Через пропасть невозможно перепрыгнуть в два прыжка». Пропаганда этого образа должна была внедрить в общественное сознание россиян ту мысль, что реформы должны проводиться в максимально быстром темпе. Обман заключался в том, что этот действительно весьма выразительный и психологически эффективный пропагандистский образ был ложен по существу. «Люди и страны – не козы. И не должны прыгать через пропасти. Нормальные люди строят через них мосты», – резонно заметили по этому поводу петербургские социологи А. Бороноев и П. Смирнов. (К этому можно добавить, что нормальные люди не рубят кошкам хвосты. – *Авт.*) Но в тот период любой публичный намек, любое движение общественной мысли в сторону обоснованности этапного проведения приватизации, целесообразности постепенного процесса реформации резко пресекалось обвинениями в консерватизме, в стремлении к возврату старых порядков и т.п. [3, с. 78].

Никакая сверхобоснованная прагматика в 1990-е годы в расчет не принималась. Пропагандистский напор, направленный на поддержку тезисов о российской фатальности воровства и необходимости максимально быстрого проведения приватизации, был тогда организован реформаторами, надо им воздать должное, практически безупречно. Сочетание двух факторов – апелляция к «российской специфике» и шоковое состояние общества удержало общественное недовольство. Как точно подметил первый российский постмодернист Венедикт Ерофеев, «народ должен быть затемнен и обескуражен» [4, с. 4].

Помимо идеологического воздействия в погашении протестной волны сыграли определенную роль и экзистенциальные мотивы состояния массового сознания. При анализе морального состояния российского общества середины 1990-х годов возникает аллюзия с ситуацией, обозначаемой психологами как идентификация жертвы с преступником. Многократно описанный зарубежными психологами механизм этой идентификации имеет в нашем случае существенную особенность, заключающуюся в более тесной их связи и сложном взаимодействии: жертва осознает или, по крайней мере, ощущает свою причастность к порождению преступника – «мы сами привели их к власти».

5. Московский комсомолец, 25.01.2010. – С. 5.

Разумеется, возникновение чувства близости пострадавшего со злодеем, ограбленного с грабителем как своего рода психологическая аберрация свойственна далеко не всем, но, как утверждают психологи, значительному количеству людей.

Если реформаторам удалось воспользоваться доверием народа, то сегодня в анализе произошедшего нас поджидает другая опасность – то, что глубокий исследователь нашей национальной психологии П. Чаадаев называл отсутствием исторического мышления. «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего, среди плоского застоя, – писал он в своих "Философических письмах". – Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно… нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики» [Чаадаев, с. 97]. В этом бегстве от предыдущего опыта проявляется традиционная опасность повторять одни и те же ошибки.

Деятельность по извлечению урока подталкивает к осмыслению всего постсоветского периода, но главный вопрос – как общество могло допустить произошедшее в 1990-х годах? – еще долгое время будет оставаться актуальным.

24 сентября 2011 г., выступая на X съезде партии «Единая Россия» премьер-министр В. Путин подчеркнул «беспрецедентное разграбление» страны в 1990-е годы. «Такого вообще в истории не было – по сути, "убили" и промышленность, и сельское хозяйство, и социальную сферу. В самое сердце России вонзили нож гражданской войны, довели до крови на Северном Кавказе, по сути дела подвели страну к катастрофе, к пропасти»[6].

Этот горький вывод обращен ко всему российскому обществу. Россияне должны увидеть, что произошло со страной за последнее 20-летие. Великий мыслитель эпохи Возрождения Леонардо да Винчи писал, что «есть три разновидности людей: те, которые видят; те, которые видят, когда им показывают; те, которые не видят» [18, с. 377]. Если *не видящие* составляют большинство, то государство обречено. Задача ученых обществоведов *показывать* тем, которые не видят: историческая память сохраняется посредством передачи пережитого травматического опыта очевидцами последующим поколениям и формирования защитных механизмов от его повторения. Люди, пережившие травматический опыт, становятся особенно значимыми для российского общества [13, с. 62]. Их память поддерживает осознание актуальности того, что произошло и что еще может повториться. Вопрос состоит только в том,

6. Российская газета, 25.09.2011. – С. 2.

каким образом будет рационально оформлен этот опыт, и каким образом он будет интерпретирован.

Литература

1. Античная литература. Хрестоматия. – М., 1978. – 532 с.
2. Бартола К. Психология криминального поведения. – СПб., 2004. – 336 с.
3. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб., 2001.
4. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М., 1994. – 488 с.
5. Бурышкин П.А. Воспоминания о московском купечестве. – М., 1994. – 192 с.
6. Виноградов И.И. Христианская интеллигенция России перед лицом исторического вызова // Континент. – 2013. – № 1.
7. Волконский В.А., Корягина Т.И. Современная многоярусная экономика и экономическая теория. – М., 2006. – 256 с.
8. Гайдар Е. Государство и эволюция. – М., 1994. – 208 с.
9. Глазьев С. Геноцид. – М., 1998. – 240 с.
10. Глазьев С. Уроки очередной российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. – М., 2012. – 312 с.
11. Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: НЛО, 2004. – 284 с.
12. Дуткевич П., Попов В. Худшее, может быть, уже позади? // Современная Европа. – 2004. – № 4.
13. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. – 2002. – № 4.
14. Ерофеев В. Москва–Петушки. – М., 1994. – 136 с.
15. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – М., 2003. – 416 с.
16. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000. – 288 с.
17. Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. – М., 1988. – Т. 3. – 384 с.
18. Коэн С. И это называется реформой? // Независимая газета, 27.08.1998. – С. 3.
19. Леонардо да Винчи. Избранные произведения в 2 т.: Т. 2. – Москва–Ленинград, 1935. – 408 с.
20. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. – М., 1991. – 706 с.
21. Никонов В. Кто же такие русские? // Этнодиалоги. Альманах. – 2009. – № 1.
22. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – 918 с.
23. Петраков Н.Я. Инновационный путь развития для новой России / В кн.: Трансформация отношений собственности в России и модернизация подходов к инвестиционной политике. – М., 2005. – 536 с.
24. Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. – М., 2011. – 512 с.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М., 1992. – 528 с.
26. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Российские реформаторы 1990-х годов: Общественно-политический портрет // Россия и современный мир. – 2014. – № 2.
27. Стрижов Е.Ю. Психодиагностика нравственных детерминант мошенничества / В кн.: Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М., 2011. – 480 с.

28. Уроки социально-экономических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы / Под ред. академика О.Т. Богомолова. – М., 1996. – 256 с.

29. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб., 2003. – 422 с.

30. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 т. – М., 1991. Т. 1. – 456 с.

31. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. – М., 1998. – 292 с.

32. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. – 1997. – № 5.

33. Breslauer G.W. Personalism Versus Proceduralism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System / Russian in the New Century Stability or Disorder? – N.Y., 1997.

Г.Б. Орланов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Орланов Георгий Борисович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии и управления социальными процессами Академии труда и социальных отношений.

О «кризисе власти». Сегодня часто можно встретить утверждения о кризисе властно-управленческой вертикали в России. Есть ли кризис на самом деле? Спор о терминах обычно не очень конструктивен. Если «кризис» связать с какими-либо известными и системными недостатками российской власти, то конечно, можно назвать сегодняшнюю ситуацию «кризисом властной вертикали».

Если же под кризисом понимать потерю управляемости в обществе, а управляемость, пожалуй, решающий фактор, то никакого кризиса в России сейчас нет. И, как говорится, слава Богу! Потому что кризис – это уже неуправляемый хаос со всеми печальными последствиями. В настоящее же время управляемость даже укрепляется по отдельным позициям. Другой вопрос, совместимо ли такое укрепление с задачами обеспечения приемлемых темпов социально-экономического развития страны и увеличения ее конкурентоспособности, в том числе и с задачами, которые декларируются самой властной вертикалью. Мы движемся вперед как «черепахи» или как «зайцы», если воспользоваться принятыми уже четверть века символическими характеристиками скорости движения развивающихся рынков? Трудно вспомнить чье-либо экспертное мнение, ассоциирующее темпы развития России не с «черепахами».

Можно расширить угол обзора и детализировать оценку всего социального управления в России по его главным составляющим: *политическое управление, самоуправление, менеджмент* (управление в организациях). По большому счету в этих составляющих также не видно кризиса, хотя опасных тенденций сколько угодно.

Политическое управление, при всех своих минусах, все-таки не в том кризисе, который в любую минуту может нынешнюю власть обрушить. Классика жанра предполагает определенные индикаторы настоящего кризиса, главными из которых принято считать очевидную неспособность власти проводить *свою политику* и явное отсутствие *поддержки населения*. Однако сегодня властная вертикаль осуществляет свою политику и получает определенную поддержку населения не только на выборах.

Говорить о кризисе другой составляющей – *самоуправления* (и в этом плане – гражданского общества в целом) затруднительно. Отдельные элементы гражданского общества видны, но заметно и стремление власти поставить здесь все под свой контроль: создавать «сверху» различные структуры гражданского общества, а также накладывать ограничения на действия «слишком независимых» организаций. Остается вопрос, в какой степени вообще возможно формирование гражданского общества «сверху» с одновременной блокировкой естественных каналов «снизу».

Трудно говорить о кризисе, имея в виду и третью составляющую – *менеджмент* (прежде всего, в бизнесе). В силу своего подросткового возраста российский менеджмент без особых затей контролируется традиционными способами со стороны власти. Эти способы тяготеют к двум известным крайностям – «методу кнута» (включая «посадки» особо ретивых) и «методу пряника» (кредиты и особая поддержка госструктур). Слабо развитые рыночные механизмы в России вынуждают бизнес к специфическим маневрам на мировом рынке (например, к вывозу капиталов) и к созданию индивидуальных «плацдармов жизни» за рубежом[1]. Все это, однако, вряд ли является показателем близкого распада вертикали власти.

Таким образом, тезис «о кризисе властной вертикали» не имеет в целом достаточных оснований. В методологическом же плане этот тезис смещает фокусировку социологического зрения, оттесняя на периферию некоторые актуальные проблемы. Например, проблемы последствий той нерасчлененности власти и собственности в России, о которых с полным основанием говорят некоторые наши социологи[2].

---

1. Слабость рыночных механизмов определяются с помощью разнообразных и весьма четких показателей, хотя и не всегда бесспорных. Так, Doing Business – показывает положительный скачок со 112-го места в 2011 г. на 92-е – в 2012 г. При этом по конкурентоспособности (по версии Всемирного экономического форума) – скачок в обратном направлении – с 62-го на 67-е место за период с 2005 по 2012 г. Затем на 64-е место в 2013 г. Многие мировые рейтинги (признанные в официальных российских документах) отражают весьма длительное топтание России в районе шестого-седьмого десятка стран.

2. Тихонов А.В. Социология управления. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 2007. – 472 с.

Большая группа таких проблем связана с происходящими изменениями в социальной структуре российского общества, с особыми процессами дифференциации, с социальным неравенством – неравенством и «по факту», и «по возможностям». Закономерен, в частности, вопрос: если вертикаль власти долгое время на грани кризиса, почему она все же получает поддержку значительной части населения, каковы эти социальные «группы поддержки», каковы их интересы, продвигает или тормозит реализация подобных интересов социально-экономическое развитие страны и т.п.

Некоторые общие причины, конечно, понятны: менталитет значительной части населения носит патерналистский характер, центрированный на ожидании решений со стороны государства. Это показывают и социологические исследования. Но важно было бы постоянно отслеживать динамику социальной базы, на которую опирается власть. Важно также определить, на какую базу она могла бы опираться, чтобы реформы были успешными. Симметричный вопрос – на какую социальную базу опирается оппозиция (реальный ее вес!?) и протестные действия вообще, какие у них перспективы, какие из них нацелены на позитивную программу, а какие – только на захват «топ-позиций». Такой социологический анализ важен при любой политической конъюнктуре и нужен всем участникам, действующим как на политическом, так и на других социальных полях – экономическом, культурном, духовном.

Некоторые существенные причины слабой динамики. В экономике, в социологии и в ряде других наук хорошо известен термин «path dependence problem». Так обозначают зависимость исторической траектории движения страны от решений, принятых в прошлом. Эти решения задают ту историческую колею, из которой трудно выйти. Сможет ли Россия выскочить из той колеи, в которой она с трудом движется долгое время и – при всем огромном потенциале – никак не догонит даже те страны, которые сравнительно недавно стартовали с худших позиций (например, ряд азиатских государств)?

Любые перспективные российские проекты, попадая в эту историческую колею, не дают необходимого – «настигающего» – эффекта. Вместо этого возникают новые циклы догоняющей модернизации. Одним из интегральных показателей позиции разных стран можно считать индекс *глобальной конкурентоспособности,* ежегодно составляемый Всемирным экономическим форумом. Как уже упоминалось, место России за последние годы снижается. Например, другие страны БРИКС по этому показателю находятся впереди России. Впереди оказывается даже Южная Африка – Южноафриканский таможенный союз, в который, помимо Южно-Африканской Республики, по классификации ООН, входят также четыре других государства, явно не

лидеры в рыночной конкурентной среде (Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд)[3].

Помимо исторически давних решений, неэффективные решения первой половины 90-х годов непосредственно сказываются на текущем положении страны. В частности, промахи в распределении собственности и доходов задают непреодолимо тяжелую колею российским реформам в последние два десятилетия, опуская траекторию развития страны намного ниже желаемого уровня. В этом плане социологические аргументы важно было бы дополнить данными, полученными экономистами и касающимися происходящих изменений социальной структуры. В частности, речь может идти о границах изменений различных коэффициентов дифференциации доходов российского населения, что почти напрямую влияет на социальную дифференциацию, предопределяя либо оптимизацию процессов социально-экономического развития страны, либо разбалансировку всех элементов социальной структуры.

По данным бывшего директора ИСЭПН А.Ю. Шевякова и его сотрудников, существующая сегодня в России система распределительных отношений является тормозом развития производства. В ряде авторитетных международных исследований на базе обширного статистического анализа по странам мира показано, что чрезмерное экономическое неравенство препятствует экономическому росту. Всемирный банк делает однозначный вывод: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям… Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным, и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»[4].

В России неравенство доходов различных групп населения возрастает. Даже по официальным оценкам, коэффициент дифференциации[5] по крайним

3. Важно подчеркнуть, что индекс включает 12 слагаемых, нацеленных в конечном счете на эффективное решение социальных проблем: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал.

4. Доклад о мировом развитии 2006 г.: Справедливость и развитие / Всемирный банк. – С. 2.

5. Коэффициентом дифференциации экономисты называют отношение средних доходов 10% самой «богатой» группы населения к средним доходам 10% самой «бедной» группы.

децильным группам оказывается 16-кратным. Независимые эксперты говорят о 30-кратной разнице, что в несколько раз превышает показатели стран ЕС[6]. Особенно удручающее положение с неравенством в Москве, где значение данного показателя превышает 40. При сохранении существующих распределительных механизмов и контрольных показателей роста зарплат, пенсий и инфляции, определенных правительством, ситуацию невозможно изменить, а значит и вытащить из «исторической колеи» весь механизм социально-экономического развития страны. Экономисты предлагают свои решения. Эти решения связаны, в частности, и с изменением налоговой системы. НДС и «плоский» подоходный налог расценивается как содействие государства тем социальным группам, которые и так находятся на вершине пирамиды распределения материальных и финансовых благ (9-я и 10-я децильные группы). Налог в 13% не без оснований называют «скрытой эксплуатацией». Ссылки на «административные аргументы» в защиту такого налога заслуживают, конечно, внимания, но не могут быть решающими. НДС явно работает на пользу тем, кто получает доходы от акций, банковской деятельности, теневой экономики и т.п.

Следует принципиально изменить схему перераспределения всех ресурсов страны. Основная масса населения в этой схеме по определению обречена на жизнь «по остаточному принципу». Сейчас схема выстроена в пользу наиболее обеспеченных – богатых слоев населения (10–15%), которые нередко получают доходы за счет ренты, а не зарплаты.

Резервом являются налог на собственность (возможно, прогрессивный), система оплаты жилищно-коммунальных услуг, стимулирующее пенсионное обеспечение и мн. др. Предложения ИСЭПН нацелены на уничтожение эксплуатации труда, на использование доходов от импорта в интересах всего населения, на ограничение нерациональных трат, на борьбу с теневой экономикой и коррупцией.

В общем, возрастающее напряжение между полюсами бедности и богатства грозит непредсказуемыми социальными замыканиями с разрушительными последствиями. Такое напряжение отрицательно сказывается на том процессе накопления человеческого и социального капитала в России, который приобретает решающее значение в информационном обществе и от которого напрямую зависят возможности возрождения страны в экономической, научно-технической, культурной, военной и других областях. В плоскости проблем управления требуется принятие кардинальных мер. Одной из

6. Хорошо известные социологам исследования ИСЭПН дают множество сравнений, в том числе показывают, что уже сегодня значение этого коэффициента составляет в среднем по России 25–30 (Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики. – М.: М-Студио, 2011. – 76 с.).

проблем является определение наиболее уязвимых элементов в сети управленческих воздействий на социально-трудовые отношения.

«Слабое звено» управления социально-трудовыми отношениями. Социально-трудовые отношения находятся в центре всей системы жизнедеятельности общества и представляют собой многоуровневую и многосубъектную сеть взаимосвязей и взаимодействий. Какие конфигурации субъектов социально-трудовых отношений оказывают наиболее сильный тормозящий эффект в российских реформах и являются препятствием для инновационного развития? Определение наиболее слабых звеньев необходимо для принятия адекватных управленческих решений.

В этом контексте часто говорят о специфическом российском менталитете, выделяя в нем главную негативную составляющую – *российскую лень*. Начиная с указов Петра I, российская лень и вытекающая отсюда необходимость принуждения «сверху» часто оцениваются как суть российского управления социально-трудовыми отношениями. Все активное, лучшее и прогрессивное – от госструктур. Все инертное – от тех, кто населяет нижние этажи социальной иерархии. Таким духом проникнуты многие указы Петра I. Можно встретить даже экзотические утверждения типа того, что «полиция – душа народа». Именно тогда оформился известный алгоритм российского управления социально-трудовыми отношениями: движение вперед есть результат пинка в известное место сзади. Конечно, трудовые отношения невозможны без моментов вдохновения. Известный и во многом сконструированный «трудовой энтузиазм» (например, в период первых пятилеток в СССР) играл свою позитивную роль, но конкуренции с «доминантой принуждения» не выдерживал.

Ссылка на российскую лень как некий универсальный объясняющий принцип использовалась очень часто, в том числе и выдающимися деятелями российской культуры. Фигурирует этот принцип и сегодня. Возможно, в качестве художественного образа он и уместен в каких-то случаях, но в социологическом плане достаточного обоснования не получает. В частности, социологически установленная патриархальность менталитета у части населения совсем не равнозначна лени. Скорее находятся аргументы для обоснования не лени, а склонности к «рваному», авральному ритму работы в России.

Некорректна и встречающаяся иногда подгонка мифологических образов русской культуры под якобы дополнительные подтверждения тезиса о лени. Скажем, вопреки таким подгонкам, Илья Муромец 33 года валялся на печи совсем не из-за лени. Если судить по литературным источникам, у него был почти полный паралич (что, кстати, подтверждается медицинской экспертизой его мощей в Киево-Печерской лавре). Показательно к тому же, что в своих героических делах Илья Муромец, как выразитель народных чаяний, постоянно входил в конфликт с действующими властями («княжеской вертикалью»).

В рефлексии по поводу российской лени важнее другой полюс, связанный с *принуждением*. Как далеко мы отошли в понимании государства от петровской трактовки некоторых госструктур как «души народа»? Может быть, «душа» ближе к структурам гражданского общества?! Может быть, именно замаскированный «ген принуждения» в российском менталитете отвечает сегодня за «qwerty-эффекты» в социально-экономическом развитии? Конечно, принуждение в определенном смысле всегда останется в арсенале социальных воздействий, в первую очередь, со стороны государства, но может ли оно, как и прежде, быть доминантой регулирования социально-трудовых отношений? Тем более в информационном обществе?

В любом случае, социологический анализ показывает – то, что называют российской ленью, это не столько характеристика субъектов трудовых отношений на нижних этажах управленческой иерархии, сколько пассивное сопротивление этих субъектов принуждению «сверху».

Другую линию обоснования причин российского отставания иногда связывают с традиционным коллективизмом российских субъектов трудовых отношений. Явно или по умолчанию российский коллективизм (общинный дух) соотносят с индивидуализмом, характерным для более успешных западных социальных государств. Считают, что для ускоренного движения вперед в массовом порядке нужны неординарные индивиды, способные выходить за рамки традиций, принятых норм и коллективных требований. Коллективизм же гасит отклонения по всем направлениям и тем самым тормозит рыночные новации и социально-экономическое развитие вообще. Индивидуалисты креативны и нужны для прорыва. Коллективисты консервативны. Они если и двигаются вперед, то очень медленно, пока не подтянутся все отстающие члены сообщества.

За последние десятилетия в мире проведено много сравнительных исследований, оценивающих социально-трудовые отношения по оси «коллективизм – индивидуализм». Как известно, есть хорошо разработанные методики, например, Г. Хофстеде, Ш. Шварца и др. Однако так и не нашел своего подтверждения тезис о решающей роли индивидуализма для «прорывного» развития, хотя современные подвижки по оси «коллективизм – индивидуализм» заметны.

В одном из исследований приводятся индексы разных стран по этой шкале. И одновременно критикуются некоторые ограниченности методики Г. Хофстеде[7]. Самый высокий индекс индивидуализма – в США – 91 (из 100). Россия находится где-то в середине – 39. Но важно то, что ряд успешно раз-

7. Дубицкая В.П., Тарарухина М.И. Быть ли России Америкой? Российское исследование управленческой культуры по методике Герта Хофстеде // Социологический журнал. – 2006. – № 4. – С. 42–65.

вивающихся, не западных, стран имеют весьма низкий индекс индивидуализма (Тайвань – 17, Сингапур – 20, Гонконг – 25). Близко к России Япония – 46, Индия – 48, Израиль – 54. Из исследований такого рода правомерно сделать вывод, что сам по себе коллективизм в сфере социально-трудовых отношений нельзя рассматривать как препятствие.

Коллективизм – это, по преимуществу, горизонтальные социально-трудовые отношения. И здесь особых тормозящих эффектов возникает мало. Совсем иные выводы вытекают из анализа «вертикальных отношений» – замеров по оси, получившей название «дистанция власти». Вот здесь коренятся, пожалуй, главные проблемы и главные препятствия в развитии социально-трудовых отношений в России. Что показывают замеры «дистанции власти»?

Во-первых, относительно «свойские» (партнерские) отношения присутствуют на первичном уровне, что соответствует контактам, например работников, бригадиров и мастеров, начальников участков или цехов. Однако настрой на партнерство быстро исчезает по мере подъема в иерархии начальствующих должностей и становится вообще мало заметным, когда дело доходит до вершин властных пирамид.

Во-вторых, резко нарастают диспропорции в *формальных и неформальных* отношениях по мере возрастания иерархии управления и власти. В формальном плане все может быть вполне благополучно, как при голосовании в больших коллективах, когда голос «за» отдается просто потому, что люди не верят в возможность провести другое решение и к тому же остерегаются неприятных последствий для себя. Но неформальные отношения, которые далеко не всегда имеют явные и рационально выраженные регуляторы, могут незаметно, но все же решающим образом влиять на степень личного участия в реализации целей организации, на весь спектр трудовых отношений и в конечном счете на темпы преобразований как в отдельных организациях, так и в более широких масштабах – вплоть до реформ в стране.

В-третьих, специфика российской сети всех социально-трудовых отношений заключается в сравнительно высокой сплоченности субъектов по горизонтали и неформальном, часто скрытом, противостоянии по вертикали. Подобное противоречие вообще можно рассматривать как специфический признак российской культуры[8]. Конечно «атомизация», как усиление отчужденности во взаимоотношениях всех социальных субъектов, в российском обществе весьма заметна и по вертикали, и по горизонтали. Возрастает сплоченность, пожалуй, только у групп с девиантным поведением, включая преступные группировки в самой властной вертикали. Но разрывы по гори-

8. Дубицкая В.П., Тарарухина М.И. Быть ли России Америкой? Российское исследование управленческой культуры по методике Герта Хофстеде // Социологический журнал. – 2006. – № 4. – С. 63.

зонтали быстро преодолеваются в поле совместных действий, если формальные и неформальные связи замкнуты на общие интересы.

Непосредственные совместные действия выравнивают положение всех участников. В то же время разрывы по вертикали («дистанция власти») «сшиваются» гораздо сложнее, поскольку неформальные (доверительные) отношения с «вертикалью власти» могут быть только при хотя бы относительном выравнивании социально-экономического положения всех субъектов социально-трудовых отношений, включая лиц в самой власти. В некоторых странах – например, Скандинавских – относительное равенство особенно заметно. В России же мы сталкиваемся с парадоксом: властная вертикаль укрепляется, а доверие к власти снижается, поскольку увеличивается социальное неравенство. Доверие же – это главная составляющая *социального капитала*. То есть укрепление вертикали власти в России оборачивается потерей социального капитала. И никакой имитацией доверительных отношений со стороны субъектов властной вертикали такие потери не остановить, если продолжает нарастать социальное неравенство.

По некоторым оценкам, дистанция власти невелика в странах, сумевших сделать рывок в социально-экономическом развитии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг и др.). То есть граждане, как бы они не ругали верхние этажи иерархии, что бывает практически всегда, все же воспринимают власть как «свою». Граждане оценивают власть как то, в чем они *лично могут участвовать*. Конечно, участие рядовых граждан в принятии решений наверху – достаточно субъективный и трудно определяемый критерий, но оно может приобретать институциональное оформление, относительно убедительное для большинства населения. Это тот субъективизм, который фиксирует определенную степень доверия в обществе. А доверие по вертикали часто является главным фактором успеха не только в «боевых условиях», но и в решении мирных задач социально-экономического развития.

Проведенный автором данной статьи экспертный опрос, касающийся проблем управления в информационном обществе, также свидетельствует об опасности потерь социального капитала в России за последние полтора-два десятилетия. Высококвалифицированные эксперты, имеющие не только серьезную теоретическую подготовку, но и большой практический опыт личного участия в государственном управлении и в бизнесе, отмечают нарастание разрывов по вертикальной составляющей социального управления и увеличение «дистанции власти». Это решающим образом сказывается на всей ситуации в стране и сводит почти к минимальным значениям даже перспективные сами по себе проекты (электронное правительство, построение информационного общества, выход в первые ряды различных мировых рейтингов и т.п.).

Итог. Сегодня в России мы имеем дело не столько с кризисом властно-управленческой вертикали, сколько с политикой создания экономических и социальных преимуществ для сравнительно узких групп населения, близких к самой власти или сливающейся с ней на всех ее уровнях. Фактически, преимущества создаются за счет средних и беднейших социальных групп, потенциал которых используется слабо, не мотивируется экономически и социально. В этом смысле вертикаль действует прежде всего в собственных интересах. Ее политику нельзя назвать «политикой для миллионов», как в свое время называли, например, программу К. Аденауэра и Л. Эрхарда. Скорее это политика для избранных «золотых миллионов» с определенными реальными вставками заботы обо всем населении, но по остаточному принципу.

Укрепляясь (что само по себе есть естественный процесс для любой власти, прежде всего в плане противостояния хаосу), властная вертикаль в то же время теряет социальный капитал и не находит тех схем социально-экономического взаимодействия с основной массой населения, которые предопределили бы возрастающую конкурентоспособность страны в мировых процессах.

Выход, в принципе, связан с трансформацией властно-управленческой вертикали только в одном направлении: накапливание социального капитала по вертикальному вектору, нахождение оптимального баланса горизонтальных и вертикальных составляющих, прежде всего в сфере социально-трудовых отношений, а также существенное переформатирование того, что в последнее время многие социологи, экономисты, историки и политики стали обозначать понятием *социальный контракт*.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.М. Шевырин

К ОСМЫСЛЕНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Русская литература вышла из гоголевской «Шинели», а новейшая мировая история – из Первой мировой войны. Мир широко и тревожно отмечает 100-летие войны потому, что он родом из «1914 года». В современных международных отношениях слишком много «горючего материала» и того, что имеет пугающие параллели в истории «сиамских близнецов» – двух первых глобальных конфликтов. Некоторые аналитики даже считают, что в мире снова запахло большой войной. Однако прецеденты Первой и Второй мировых войн двусмысленно-амбивалентны: фатальной неизбежности их не было, но они стали свершившимся фактом. У. Черчилль, например, писал, что «по окончании мировой войны 1914 г., почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир». И он сам считал, что «сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие» [53 с. 19].

Но прежде чем здравый смысл и благоразумие проявили себя, все народы в начале мировой войны пережили «медовый месяц» патриотического воодушевления, горячо поддержав своих правителей, которым действительно не доставало ни того, ни другого, когда они решились на роковой шаг. Им не доставало и многих других положительных качеств. Зато с лихвой было политического легкомыслия, эгоизма, корысти, неоправданных иллюзий. Только в ходе войны к народам приходило «отрезвление», отвращение к ней, которое в конце концов стало одним из решающих факторов прекращения этой бойни.

* *Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00061.*

Тем не менее через два десятилетия произошел «исторический реверс», и разразилась еще более страшная мировая война, после которой человечество впервые в своей истории потеряло свой бессмертный «статус», став заложником атомного «прогресса» и «игры» политических сил.

Ныне многие исследователи, в сущности вслед за маршалом Фошем, отреагировавшим на подписание Версальского мирного договора провидческой фразой: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет», рассматривают Первую и Вторую мировые войны в одном историческом цикле. Они датируют его окончание 1945 годом. И с ними можно было бы согласиться, если бы против этого не восставал глубокий внутренний смысл Первой мировой войны, который не приемлет «ограничения» ее последствий такой датой. Он претендует на большее, расширяя пределы своего воздействия вплоть до современности и даже устремляя свой вектор в будущее мировое развитие.

Подобно уэллсовой невидимке, этот смысл реален, но «невидим», точнее, не приобретает в сознании людей своего истинного значения. Это вовсе не говорит о том, что вообще не предпринималось никаких попыток понять смысл войны. Напротив, такие попытки делались чуть ли не с августовских дней 1914 г. и словосочетание «смысл войны» было в большом ходу в публицистике и даже выносилось в заголовки статей и книг. Им часто пользовались корифеи, элита российской интеллигенции. Н.А. Бердяев писал, что «когда разразилась война, люди и народы не могут не ставить вопроса о смысле войны, они пытаются ее осмыслить...» [5, с. 226]. И он утверждал, что «можно увидеть глубокий смысл мировой войны, глубокие ее основания, несоизмеримые со злой волей правительств или господствующих классов». Но он лишь констатировал, что «в глубоком слое жизни совершается что-то значительное и знаменательное, осуществляется смысл, торжествует сложными, мучительными, часто незримыми путями разум истории» [6]. И П.Б. Струве сознавал новый, трагический отсчет времени, который начала война: «Произошла историческая катастрофа. Волны истории несут нас к новым берегам» [47]. Ему вторил С.Н. Булгаков: «Мы катастрофически вступаем в новый период истории» [31]. Стремились постичь смысл войны Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк [49; 50] и другие «властители дум».

Однако «докопаться» до внутреннего смысла войны в самом ее начале было делом практически невозможным. Трудность «фиксации» его была обусловлена прежде всего самой новизной явления войны как мирового, глобального феномена. Характерно, что в 1914–1918 гг. ее чаще всего называли «европейской», «великой», «Отечественной», т.е. давали определения войны «по старинке», – те, которые «бытовали» уже в XIX столетии. Этот смысл терялся и в «многосмыслии», – у каждой из воюющих сторон он был свой и определялся ими в зависимости от целей, которые они ставили. Н.А. Бердяев полагал, что война имеет свой смысл, но он не в том, в чем его

видели борющиеся стороны. Война означает конец целой исторической эпохи и начало новой. Глубокий смысл мирового конфликта мог видеться, как и всё большое, лишь на расстоянии, только тогда, когда отгремят пушки на полях сражений, будут подведены итоги войны и обозначатся ее последствия для судеб мира. Однако случались и прозорливые откровения в отношении грядущего. Бывший московский городской голова князь В.М. Голицын 12 августа 1914 г. занес в свой дневник: «Мы присутствуем при небывалом еще повороте истории. Надо сказать себе, что каков бы ни был исход войны, а воспоследует потом "переоценка ценностей", говоря современным языком, вся жизнь, частная и общественная, весь строй ее пойдет по другому руслу, не имеющему ничего общего с прежним». И позже он добавил, что «это событие "переиначит всю картину мира", и "всё переменится, всё преобразуется, всё получит новый вид и новые формы"»[1]. Через несколько лет эти пророчества стали реальностью. В мае 1919 г. известный общественный деятель Н.И. Астров говорил: «На нашей старой планете происходят небывалые потрясения и сдвиги. Нашему поколению, нам, приходится быть свидетелями и участниками великих превращений... Разрушаются царства, падают веками утвержденные троны. Народы пришли в движение и великое беспокойство. Старые уклады изменились, привычки и обычаи, которые слагали жизнь человечества в веках, порвались, как истлевшие нити ткани. Среди этих потрясений изменились и основы человеческого духа. Мы не узнаем людей, видя в них новые движущие начала, и не видя старых, дорогих черт. Мы трепещем и волнуемся, вглядываясь в окружающее нас бушующее море и нависшие над миром кровавые туманы... Мировая война произвела потрясения и сдвиги. Она разрушила старую жизнь, разрушила стены и преграды... Человечество вступает в новую эру»[2].

Из этих «кровавых туманов» в «новую эру» выплыла и Вторая мировая война, и ожидающая своего часа на «скамейке запасных» гипотетическая Третья. По крайней мере многие историки резонно считают, что человечество, вступив в годы Первой мировой войны в новое историческое измерение, не прошло до конца этот цикл. По мнению академика Ю.А. Полякова, и ныне «выстрел в одной стране может всколыхнуть регион и охватить весь мир» [28, с. 11].

В сущности, война 1914–1918 гг. стала первым звеном в короткой цепи мировых войн, отражающих общее турбулентное состояние современной цивилизации, ее стремительно глобализирующееся обличье.

1. ОР РГБ. Ф. 75. П. 31. Л. 107, 157.

2. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 26–27.

О неизбежности большой войны шумела вся европейская печать, особенно во время балканских кризисов и войн. В Западной Европе мало кто предвидел, какой будет эта война и к чему она приведет. Но один из таких провидцев, еще молодой тогда У. Черчилль, предрекал в Палате общин в 1901 г., что «войны народов будут ужаснее, чем войны королей». В начале августа 1914 г. народы европейских держав с патриотическим восторгом поддержали своих «королей», начавших мировую войну. А через несколько лет те же народы яростно выступили против войны и расправились со своими «королями». Такая «метаморфоза» произошла потому, что война народов 1914–1918 гг. была действительно ужаснее любой войны королей и по многомиллионным жертвам, и по беспрецедентным тяготам населения стран, участвовавших в ней, и по далеко идущим последствиям. Первая мировая война знаменовала собой новое состояние мира.

«Непостижимый» по своим масштабам размах этого вооруженного конфликта, втянувший в свою орбиту 38 государств, был в огромной степени обусловлен стремительным развитием в конце XIX – начале XX столетия промышленности, торговли, финансовой сферы, техники, транспорта, средств связи, науки и культуры, породившим диалектическое противоречие между растущей взаимосвязью различных государств друг с другом и обострением конфликтов между ними на почве противостоящих национальных интересов.

Этот процесс был глобальным. Потому и война стала мировой, т.е. глобальной. Термин «глобализация» в ту пору практически не использовался, хотя многие современные авторы усматривают элементы глобализации даже в истории древних и средневековых империй. Эти исследователи рассматривают глобализацию в широком смысле, как долгий и противоречивый путь человечества к единству, начатый еще в незапамятные времена. Это объективная, истинная глобализация, это сама поступь истории. «Изобретателем» термина «глобализация» в литературе называется К. Маркс, упомянувший это слово в письме к Ф. Энгельсу в 1851 г., применительно к торговле. Специалисты, рассматривающие глобализацию в «узком смысле», с 1960-х годов XX столетия творцом этого термина чаще всего считают американского экономиста Т. Левитта, в 1983 г. разразившегося статьей «Глобализация рынков».

Современность связана трагическими узами с Первой мировой войной – там истоки первобезумия человечества, возможности его самоуничтожения и там зародыш той планетарной борьбы за новый миропорядок, новейшая фаза которой разворачивается на наших глазах. Потому так вселенски и отмечается ныне вековая годовщина начала этого исторического обвала. В прошедшее столетие, в этот затянувшийся акт «дьяволова водевиля», «философия истории» из тиши кабинетов и прожектов политиков шагнула в практическую жизнь, апробируя различные схемы мироустройства в гран-

диозных, глобальных масштабах. И это практическое, хотя и крайне политизированное «осмысление» истории, решительные попытки осознанно влиять на мировой исторический процесс, так сказать, ухватить гегелевского «мирового духа» за «бороду» и принудить служить себе, явились из войны 1914–1918 гг. Самоубийственная внутренняя и внешняя политика элит, выпустивших на волю демона войны, привела к суициду империй, повлекшему за собой как бы «искусственное» и искаженное ускорение хода мировой истории, вторжение на ее арену радикально-насильственных «парадигм» мирового развития. «Образцы» нового миропорядка, густо настоянные на конфронтационных идеологиях, которые вызревали в годы войны и ее версальских последствий, начали активно «продвигаться» в жизнь. Исторический процесс пошел по «ускоренному», но очень «затратному», не эволюционному пути. «Смертный грех» государственных деятелей эпохи Первой мировой войны состоял в том, что они руководствовались старыми подходами к решению назревших проблем нового, преобразующегося мира. И этот мир «взорвал» империи, их политическая оболочка не выдержала его бурлящей новизны. Человечество «поскользнулось» тогда на отставании сознания элит европейских держав от стремительно преобразующейся реальности.

О. Бальзак после наполеоновских войн восклицал: «Довольно с нас великих войн, мне кажется наступило время великого мира». С тех пор пролито много крови в еще более великих войнах и развеяны в прах многие иллюзии. Но теперь его афоризм приобретает императивно-модальное звучание, ибо уже грозно встает перед мировым сообществом роковой вопрос: «Быть или не быть?»

Однако не случись войны 1914–1918 гг. такая дилемма могла бы и не возникнуть. И вся история XX столетия была бы иной. История, вопреки распространенному мнению, очень толерантна к сослагательному наклонению. Она только и жива тем, что тасует множество своих вариантов, и наконец, останавливается на том, который всем известен. Прелюдия войны, в которой явственно проступали мирная и немирная тенденции или «варианты», «вписывается» в общий глубокий внутренний смысл войны.

Факты показывают, что олицетворением мирной тенденции объективно была Россия, которая нередко брала на себя такую миссию, увлекаемая самим ходом событий. Это проявилось еще на начальной стадии образования Антанты.

Союз России и Франции, сдерживая размашисто-агрессивную Германию и ее сателлита Австро-Венгрию, обеспечивал равновесие сил в Европе и ее покой. Этот зародыш Антанты стал следствием изменения баланса сил в Европе. В 1864 г. Пруссия одолела Данию, отняв у нее Шлезвиг-Гольштейн, в 1866 г. нанесла поражение при Садовой Австро-Венгрии и «деликатно» склонила ее на свою сторону, в 1870 г. сокрушила Францию, навязав ей после

Седана тяжкий Франкфуртский договор. В 1871 г. в Версальском дворце прусский король был провозглашен императором только что созданного нового германского рейха. От отношений Германии и России повеяло холодом. Прусские победы и образование Германской империи вызывали у многих тревогу. Военный министр Д.А. Милютин писал: «Могло ли быть выгодно... для России образование новой могущественной державы среди европейского континента?.. в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем» [27, с. 46].

Такой ход событий вызвал необходимость введения в России всеобщей воинской повинности и проведения других военных реформ. Дипломатия Бисмарка на Берлинском (1878) конгрессе, пересмотревшего многие положения Сан-Стефанского мира (1878), который венчал русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и был выгоден для России, добавила неприязни в русско-германские отношения и поколебала Союз трех императоров (1872–1887). Канцлер А.М. Горчаков, вернувшись с конгресса, направил записку Александру II, начав ее с фразы: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Царь приписал на ее полях: «И в моей тоже». В 1879 г. Бисмарк и Андраши подписали договор о союзе. «Лоскутная империя» вызывала у российских монархов досаду тем, что она все активнее проявляла себя на Балканах, вторгаясь в сферу «славянских» интересов России. Все очевиднее проявлялись и экспансионистские устремления Второго рейха. «Железный канцлер» лелеял мечту окончательно сокрушить Францию. В 1887 г. он было занес свой меч над ней. Но был остановлен Россией, так как поражение Франции совершенно изменило бы «конфигурацию сил» в Европе, ослабило бы позиции России. Бисмарк был крайне раздражен таким поворотом дел. Любопытно замечание Ф. Энгельса, относящееся ко времени этого кризиса: «Тот, кто выступил бы первым, спровоцировал бы всеобщую мировую войну» [26, с. 261]. Если это так, то Россия своим миротворчеством предотвратила мировой пожар.

Несмотря на эпизодические осложнения отношений России и Франции, они все более сближались и в 1893 г. заключили военно-политический союз. Сознание слабости России, особенно перед растущей мощью Германии и возможностью оказаться в международной изоляции, во многом определяло курс царской дипломатии на союз с Францией. Он был необходимым и взаимовыгодным: Франция обрела в нем защиту от жгучего желания кайзера добить ее, устроив ей новый Седан, а Россия получила не только военный «контрфорс», но и финансовый, и дипломатический. Заключая уже при Николае II союз с Англией, Россия преследовала мирные цели: российский император был убежден, что Вильгельм II не рискнет напасть на могучее «сердечное согласие».

В самом конце XIX в. Россия заявила о себе как о главном поборнике мира на планете. Царь стал инициатором созыва I Гаагской мирной конференции (1899). Его предложение вызвало сочувствие иностранных держав, выразивших ему благодарность за «почин к упрочению всеобщего мира» [12, с. 161]. В конференции приняли участие 26 государств, представители которых рассматривали вопросы ограничения вооружений и обеспечения мира. Конференция стала как бы предтечей Лиги Наций и ООН. Миротворческая роль российского монарха увековечена в ООН: в одном из ее помещений стоит бюст Николая II. В определенной степени он выразил тревогу многих людей во всем мире невиданной гонкой вооружений, все большей смертоносностью орудий войны, превращением Европы в пороховой погреб. С.Ю. Витте при встрече с царем поздравил его с тем, что он принял на себя почин «великого и благородного дела». С.Ю. Витте видел «величайшую заслугу государя» в том, что он возбудил вопрос о мирном разрешении всех недоразумений между народами. Он считал «величайшим благом для Европы в частности и для всего мира вообще, если будет положен предел вооружению, если наконец люди и государства поймут, что от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны». Но сам Витте был полон скепсиса: «Потребуются столетия для того, чтобы идея о мирном разрешении всех недоразумений между народами вошла в практический обиход» [12, с. 160–162].

Но Николай II уже во время этой встречи с Витте знал о реакции на свою мирную инициативу кузена Вилли. Германский император «был так поражен и возбужден этим выступлением России», что послал царю телеграмму, в которой высмеял его предложение. Супруга кайзера говорила, что он «давно ничем не был так рассержен, как этим внезапным и глупым выступлением молодого царя». Князь Гогенлоэ и Бюлов «прилагали все усилия, чтобы... не сложилось представление, что тяжело ложившееся на все народы непрерывное усиление вооружений и несомненная напряженность международного положения вызваны немецким народом» [10, с. 126].

Николая II часто упрекали в том, что на деле он вовсе не руководствовался «мирными великими идеями». Так, например, считал и С.Ю. Витте, поставивший в вину царю Японскую войну [12, с. 162]. В историографии этот «тезис» с разной степенью экспрессии муссируется до сих пор. Но в действительности даже решение захватить Порт-Артур «никогда не было бы принято, если бы Германия вдруг не захватила Као-Чао. Столь же верно и то, что длительные и мучительные дебаты вокруг вывода войск из Маньчжурии начались только после того, как Боксерское восстание вынудило царя ввести войска в северо-восточные провинции Китая» [48, с. 345, 346, 347].

Царь войны не хотел и боялся ее [41, с. 273, 282]. В дневнике за 26 января 1904 г. он с возмущением отозвался на атаку японских миноносцев: «Это без

объявления войны». Монарха легко понять, ведь до этого на совещании у него было принято решение не начинать войну [15, с 192, 193]. Даже цели войны «определились в голове Николая в самом ходе войны, а не в ее начале» [41, с. 282]. Миф о «маленькой победоносной войне», чтобы предотвратить революцию и спасти самодержавие, своими корнями уходит в краткий диалог, состоявшийся между А.Н. Куропаткиным и В.К. Плеве уже после начала этой войны. Куропаткин сказал Плеве, «что он, Плеве, был только один из министров, который эту войну желал». И Плеве ему ответил: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» [12, с. 291]. Ни Россия, ни царь и его министры, не желали конфликта на Дальнем Востоке. Его жаждала и развязала Япония.

Война ее с Россией была той «прямо поставленной целью», которую министр иностранных дел В.Н. Ламздорф различил еще в 1901 г. И то, что подлинным агрессором в войне 1904–1905 гг. выступила именно Япония, признается и в новейших исследованиях. Так, Окамото Сюмпэй пишет, что Страна Восходящего солнца готовилась к войне с Россией с 1895 г., чтобы «создать основу для великого континентального объединения, включающего Маньчжурию, Монголию и Сибирь как один регион» [33, с. 87]. Японии помогали, прежде всего оказывая финансовую поддержку, Англия и США. Американский президент Теодор Рузвельт и душой болел за Японию. Характерна его реакция на Цусимское сражение: «Мои искренние поздравления японскому флоту с выдающейся победой. Это величайший феномен, который когда-либо видел мир. Даже Трафальгарская битва с этим не сравнится. Я сам не поверил, когда получил первый доклад об этом. Однако когда поступил второй и третий доклады, я разволновался так, будто сам был японцем, и никак не мог приступить к делам. Я провел весь день, общаясь с посетителями о битве в Японском море, потому что я считаю, что эта битва решила судьбу Японской империи» [33, с. 164–165]. Через 37 лет президент США, теперь уже Ф.Д. Рузвельт, скажет о Пёрл-Харборе: «День несмываемого позора». Цусимские радости вышли Америке боком.

Что касается России, то «маленькой победоносной войны» у нее не получилось и нельзя было ожидать от романовской империи этого «чуда». С.Ю. Витте был убежден: «Разбита не Россия, а порядки наши...» [12, с. 412]. Российский колосс во второй раз за полстолетия наступал на грабли отсталости. Первый раз – в Крымской кампании 1853–1856 гг. Быстро индустриализовавшаяся и по-европейски вооруженная Япония, одержимо рвалась к войне и навязала ее России, подбадривая себя «слоганом»: «Или теперь, или никогда!» Его потом повторили Вильгельм II в 1914 г. и Гитлер в 1941 г. Все они ошиблись: кайзер и фюрер – катастрофически для себя.

После поражения на Дальнем Востоке войны никто не хотел. Премьер-министр П.А. Столыпин находил, что Россия слишком слаба, чтобы война не привела ее к катастрофе. И правительство в 1905–1914 гг. волей-неволей проводило политику «самопринуждения к миру». Свою роль в Боснийском кризисе Столыпин, например, не без гордости комментировал (в семье): «Сегодня я спас Россию!» [44, с. 220]. Но он мечтал о Великой России, – сильной, могучей державе и считал, что стране нужны 10–20 лет покоя, внешнего и внутреннего. Тогда бы не страшны были ей никакие враги. И «не произойди в 1914 г. европейской войны», – как писал В.А. Маклаков, – «Россия могла бы продолжать выздоравливать без потрясений» [23, с. 411]. Это признавал и В.И. Ленин: «Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капитализма» [20, т. 32, с. 31].

И та, и другая констатация – постфактум, уже после войны. А Николай II задолго до нее сознавал, что большая война чревата революцией и грозит самому существованию династии. Он не раз говорил, что «монархические державы должны избегать всего, что может пойти на пользу революционным элементам Европы», и «страх перед революцией... сильно владел царем» [10, с. 257, 258].

Уже поэтому император не был воинственным монархом. Посол Англии в России Дж. Бьюкенен даже наделял Николая II чертами миротворца, пекущегося о сохранении мира «совместимого с честью и интересами России» [9, с. 10].

Царь не допускал «и мысли о войне. Мы к ней не готовы» [18, с. 103]. Россия была настроена миролюбиво. И у нее не было империалистических устремлений. Бывший московский городской голова Н.И. Астров возмущался в эмиграции по поводу утверждений марксистских историков, что «буржуазия была за войну, имея в виду захватно-империалистические цели, а крупные промышленники (Рябушинские, Гучковы, Коновалов) стремились захватить власть, чтобы извлечь максималистские выгоды... Так пишется история!»[3] С.В. Бахрушин, прекрасно знавший предпринимательскую элиту Москвы, как бы продолжал мысль Астрова: «Часто обвиняли буржуазные круги в том, что они хотели и подготовляли войну. Я не знаю, на чем основываются эти обвинения помимо априорных суждений, построенных по неверной догматической схеме. Я знаю, что московские буржуазные круги боялись войны и сознавали, в какую пучину вовлечет голодную и невежественную Россию необходимость участвовать в войне общеевропейского масштаба». Москвичи не желали «вовлечения в какую-либо международную авантюру». Бахрушин убежденно писал о «совершенно определенном миролюбии широких общест-

3. ГА РФ. Ф. 5913. Д. 16. Л. 77.

венных кругов» Москвы[4]. Даже те их представители, которые проповедовали идеи «Великой России», вовсе не помышляли об агрессии, а мечтали о могучем государстве, способном проводить самостоятельный, независимый внешнеполитический курс, без опасения за свою судьбу. Но, как писал Бахрушин, «вихрь налетел внезапно... Москву я застал в унынии и страхе. Войны боялись, вместе с тем сознавали, что сохранение нейтральности Россией невозможно без ущерба для ее национального достоинства. Через голову Сербии вызов был брошен России... На небольшом совещании из некоторых гласных [Московской городской думы. – *В. Ш.*], которые собрались у Н.И. Астрова в Кредитном обществе, это двойственное настроение обрисовалось вполне. Присутствовавшие в один голос говорили о полной неподготовленности России к войне, о недостатке способных и пользующихся доверием общества генералов, наконец о полной неспособности власти к предстоящей задаче, все ловили намеки на возможное мирное разрешение конфликта и вместе с тем считали своим долгом не только поддержать правительство, если бы оно стало на путь защиты Сербии, и даже побудить его к тому...»[5]. Впоследствии Бахрушин считал такое решение проявлением ошибочной «панславистской романтики»: «Несмотря на ряд разочарований, та в высшей степени неблагодарная роль, которую играла Россия в качестве благодетельницы балканских славян, несмотря, наконец, на антипатичные и низкие черты, которые по отношению к русским и друг другу успели проявить христианские народности Балкан за короткое время их свобод от турецкого владычества, в русском обществе еще далеко не погасло слащаво-романтическое отношение к судьбам “угнетенного” славянства, и далеко не изжита была в сущности искусственно созданная идея о панславистских задачах России на Ближнем Востоке и в связи с этим мечта о кресте на соборе Св. Софии в Константинополе»[6].

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов мечтал, что Россия обоснуется на берегах Черноморских проливов, если Англия даст согласие на это. А если не даст, «то вообще воевать России не из-за чего». Но многие старшие чины в МИДе недоумевали и посмеивались над наивностью Сазонова, «думавшего в эту войну получить то, что России не удалось в течение ее тысячелетней истории» [29, с. 87]. Царский контр-адмирал А.Д. Бубнов, уже в эмиграции касаясь вопроса о проливах, отмечал, что высшие военные руководители «не включили этого вопроса в план войны, вследствие чего перед Первой мировой войной не велось для его решения никакой подготовки» [8, с. 98].

4. ЦИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.–2.
5. ЦИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 3. Л. 4об.
6. Там же. – Л. 1.

В июльские дни 1914 г. и общественность, и «верхи» пытались погасить «бикфордов шнур», подожженный в Сараеве. П.Н. Милюков в газете «Речь» призывал «локализовать конфликт» [30, с. 42]. Царь никогда не чувствовал особенной симпатии к балканским народам: «Они стоили России много крови и денег, но Россия не встретила в ответ за это действительной благодарности и подлинной верности. Балканские народы думают только о себе, они настроены крайне эгоистично». Николай II считал, что «эти маленькие народы должны вести себя благоразумно, но, конечно, мы не можем допустить их уничтожения» [10, с. 78]. Но стремясь избежать большой войны, он предпринял интенсивные попытки направить резко обострившиеся сербско-австрийские отношения в мирное русло. Именно этим были продиктованы его обращения к Вильгельму II. Последовал обмен посланиями между монархами в период перед самым началом войны. По словам царя, «немецкий император отлично знал, что Россия хочет мира» [17, с. 258]. Незадолго до этого, в мае 1914 г. В.Н. Коковцов на вопрос Бюлова, «допускает ли он возможность войны», спокойно и твердо сказал: «Войны – нет. Если вы только нас не заставите, мы воевать не будем» [10, с. 328].

Все было именно так: Россия войны не хотела, – ни царь, ни народ, но ее заставили воевать [54, с. 337, 339]. Вильгельм II и его генералы решили, что пока Россия не окрепла, далеко не закончила модернизацию армии и флота, «Германия выйдет победителем». Кайзер заявил: «Теперь или никогда» [46, с. 44, 45]. И объявил войну. У матери Вильгельма не зря однажды сорвалось с языка: «Мой сын будет причиной гибели Германии» [10, с. 59]. А Гаврило Принцип, перед смертью в 1918 г., на вопрос тюремного психиатра о том, «сожалеет ли он, что его поступок вызвал войну и гибель миллионов людей, ответил: если бы я не сделал этого, немцы нашли бы другой повод» [46, с. 43]. Скорее всего, так и было бы, если они решили, что необходимо незамедлительно воспользоваться тем перевесом сил, который был на их стороне. И победа над Россией казалась им тем более гарантированной, что они ожидали революционного взрыва в России, как только там будет объявлена мобилизация. Германский посол в России Пурталес был уверен, что такой взрыв неминуем [9, с. 139].

Но царя и его правительство пугал набирающий силу пангерманизм, о приверженности которому открыто заявляли кайзер, канцлер Бетман-Гольвег и многие другие сановники Второго рейха, воинственно противопоставлявшие пангерманизм славянству [18, с. 188–189; 43, с. 196]. Перед войной и в ходе нее он стал основой агрессивной политики Германии. Планы территориальных захватов на Востоке были безбрежны. Захваченные земли предполагалось очистить от местного населения [32, с. 8, 11]. Поэтому в разговоре с послом Франции М. Палеологом главной целью войны царь назвал «уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором

Германия нас держит вот уже больше сорока лет». Визит Пуанкаре в Петербург в июле 1914 г. имел целью укрепить прежде всего военные договоренности с Россией. И вступая в войну, царь был уверен в скорой победе, как и новоиспеченный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, который своей задачей ставил «поход на Берлин» [36, с. 127, 132]. Мираж быстрой победы рассеял их страх, что война может привести к революции.

А Германия давно шла к войне. После Садовой и Седана, объединенная Бисмарком, она уже в 1880-х годах, развиваясь вполне «по лекалу» Ф. Листа, встревожила даже «туманный Альбион» своим бурным «спуртом» промышленности и торговли. И уже в конце XIX – начале XX в. готовилась силой добыть себе мировое лидерство, если не мировое господство. Вильгельм II писал, что Германия стремилась «получить нужное ей», когда «Англии уже принадлежит почти весь мир» и самое укрепление и усиление Германии было необходимо, по его словам, «для состязания на мировом рынке» [11, с. 50, 126]. И главным препятствием на пути к лидерству виделась именно Англия с ее могучим флотом и колониальными владениями в четверть земной суши. Началась гонка вооружений, состязательная лихорадка в строительстве дредноутов. Кайзер и его адмиралы, прежде всего Тирпиц и Зенден, строили гигантский флот и ждали момента: когда он будет готов, «мы с Англией поговорим серьезно» [10, с. 67].

Под аккомпанемент заявлений «об обороне», «допустимом риске» перевооружалась армия, строились стратегические пути сообщения, укреплялся союз с Австро-Венгрией, шла проба сил – «бронированного кулака», активизировалась дипломатическая деятельность, в том числе и на российском направлении, настойчиво продвигались имперские интересы, которые сталкивались с интересами Англии и Франции, о чем свидетельствовал ряд острых кризисов в международных отношениях, чреватых большой войной.

Назревавшая война отнюдь не была «творением» только «новейшего капитализма». В этом «модернистском полотне» был и явственный след уходящей имперской эпохи, и революционные, смешанные «краски» будущего. Порой за «империалистическими» чертами войны угадывался «стиль» имперских традиций. Вильгельм II, например, писал, что он «следовал традициям» своего дома: «Прусские короли не гнались за космополитическими фантазиями, а считали, что страна может благополучно преуспеть лишь тогда, когда реальная сила защищает ее промышленность и торговлю». Поэтому во многих своих приказах призывал держать «меч наготове». А в конце концов первым и бросил его на весы истории. Он сделал это не только из-за столкновения «империалистических интересов». Его больше вдохновляла «идея германизма во всем ее величии», «подлинно немецкий дух» [11, с. 128, 129, 152]. По словам кайзера, его «особым доверием пользовался профессор Шиман – прямолинейный балтиец и передовой борец за германизм в противовес

панславизму, проницательный политик и блестящий историк и писатель». Император «постоянно привлекал его в качестве советника», и профессор часто бывал у него в доме, сопровождал монарха в поездках. Вильгельм II часто делился с ним «важными секретными материалами о неизвестных еще никому политических событиях» и признавал совпадение их политических взглядов», в частности и на Россию [11, с. 136, 137]. Характерно в этой связи, что первой страной, которой Германия объявила войну в 1914 г., была Россия, – уже 1 августа этого года, в то время как Австро-Венгрия, «пострадавшая сторона» в сараевском инциденте, – сделала это только 6 августа.

В «пангерманизме» Вильгельма II, как и в восхвалении им «немецкого духа», проявлялся и старый дух тевтонов, перешедший через кайзеровскую Германию в Третий рейх вместе с политикой «Дранг нах Остен». Старым захватническим целям была подчинена развитая промышленность, достижения науки и техники. Вильгельм II с пафосом отмечал в мемуарах: «Где только мог, я работал над совершенствованием нашего вооружения и заставил машины служить армии». И с гордостью добавлял: «Можно сказать без преувеличения, что германская армия, выступившая в поход в 1914 году, представляла собой инструмент, не имевший себе равного». Вот почему кайзер не убоялся войны на два фронта. Германия, кичливо говорил он, «справится с обоими противниками» [11, с. 45, 154, 155]. И он боготворил «гениальных» Шлиффена и Мольтке, полностью одобрил план молниеносной войны. Кайзер давно видел себя в роли «адмирала Атлантики» и чуть ли не повелителя мира [10, с. 234]. Во всяком случае, в стане противников Германии утверждалось, что она стремится «реализовать свою мечту о мировом господстве» [16, с. 58]. Антанта воевала и за то, чтобы «Гогенцоллерны никогда больше не могли претендовать на всемирную монархию» [36, с. 86].

«Злейший враг» Германии – Британская империя, приобретшая большинство своих колоний задолго до «периода империализма», стремилась сохранить свое могущество под скипетром одной из старейших монархий Европы. Но ее короли только царствовали, а не правили. Викторианская старая добрая Англия представляла вожделенный образец демократии для многих либералов. В отличие от Германии, где Вильгельм II «правил».

Но в «оболочке» его империи, при автократическом режиме развивались капитализм, рабочее движение, социал-демократия. Ярко выраженный «тренд» – личное управление Вильгельма II, опиравшегося при проведении внутренней и внешней политики на «консерваторов», вызывал недовольство в стране, особенно социал-демократов. Этот перманентный ропот беспокоил уже Бисмарка, опасавшегося, что в случае войны между империями монархам будет угрожать серьезная опасность. О том же в 1904 г. говорил канцлеру Б. Бюлову и С.Ю. Витте: «Война между Россией и Германией поведет к возможному падению Гогенцоллернов и к несомненному падению Романовых

и послужит только на пользу революции». В корень смотрел сам Б. Бюлов: «При тех условиях, которые постепенно складываются во всем мире, во внешней и внутренней политике, война является рискованным делом для всякой монархии» [10, с. 274, 74].

Вильгельм II, Николай II, Франц Иосиф отчетливо сознавали связь войны и революции, и призрак последней страшил их. Готовясь к войне, кайзер намеревался «зачистить» страну от социалистов. Еще за десять лет до нее, он доверительно писал своему канцлеру: «Сначала перестрелять, обезглавить и обезвредить социалистов, если нужно, путем кровопролития, и тогда внешняя война, но не раньше, и не a tempo!» Касаясь законодательства против революции, император полагал, что можно «тяжелыми наказаниями» отпугнуть рабочих от забастовок, бойкотов и т.п., чтобы проступки социалистов карались бы тюремным сроком не меньше, чем десять лет». Он находил, что это «скоро даст результат» [10, с. 87, 315].

«Зачистка» не удалась, но Вильгельм II решился начать войну: он надеялся избежать революции, достигнув быстрой и решительной победы Германии и Австро-Венгрии над Антантой. Но четыре года войны, «козни внутренних и внешних врагов» сломили Германию и ее союзников. «Только война, и особенно несчастная для нас война, могла вызвать у нас революцию и таким образом помочь социал-демократии вскочить в седло», – расстроенно вспоминали Вильгельм II и его сановники [10, с. 89; 11, с. 153, 186–195].

Удивительно, но ни кайзер, ни другие низвергнутые венценосцы того времени не сознавали, что causa in sui – дело в них самих, в авторитарной системе управления, давно не отвечавшей вызовам времени и порождавшей «внутреннего врага» (массовые движения и деятельность либералов и революционеров). Однако монархи в деле реформ проявили себя большими кунктаторами, которые мало что уступали обществу из своих прерогатив. Такое отношение к реформам высоко вздымало волны общественного негодования. В Германии люди требовали ограничения «автократических, самодержавных вожделений» Вильгельма II [10, с. 82–84]. Ни для кого не было секретом, что уже при Бисмарке «императорская власть расширялась и крепла с каждым годом» [22, с. 69]. Не так уж был далек от истины К. Маркс, когда характеризовал новогерманский рейх как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм.

Даже бюрократы из ближайшего окружения кайзера признавались, что Бисмарк, создавая империю, предусмотрел слишком много власти для германского императора и слишком мало влияния предоставил парламенту. Монарх не желал перестраивать политику в либеральном и парламентском духе, «не дал перейти к более парламентской системе управления, возлить

побольше демократического елея на голову нашей матери Германии», не допустил «вполне целесообразной эволюции» [10, с. 530–534].

Вильгельм II и не скрывал, что он был близок по своим традициям к консерваторам и почти так же как они, был несговорчив [11, с. 83, 84]. Свой идеал он видел в системе управления «через посредство личных кабинетов в чистом виде». Император предпочитал решать все военные дела через свой военный кабинет, хотя бы даже наперекор военному министру и генеральному штабу. Флот он хотел строить при содействии своего морского кабинета и потом распоряжаться им всецело по своему усмотрению, внутреннее же управление осуществлять гражданским кабинетом. Бюлов не сомневался: «Во время войны это хозяйничанье при помощи кабинетов, несомненно способствовало нашему поражению». Неудивительно, что при Вильгельме II обнаружилась слабость монархического образа правления. Мировую войну «можно вести лишь при полной поддержке широких масс» и создав коалиционное правительство как во Франции, Англии, Бельгии, Италии, которое бы провело Германию через всю войну [10, с. 67, 534, 517].

В экстремальных условиях небывалой еще в истории войны, в которой участвовали десятки миллионов людей, анахронизм «старого режима», автократических империй стал особенно очевиден. На почве недостатков государственного управления, поражений на фронтах и все увеличивавшихся тягот войны росло массовое недовольство, которое «докипело» до революционного взрыва. И тут сказал свое слово «человек с ружьем»: «фирменная» примета мировой войны, – миллионные армии. В них проник вирус революции. И рухнули троны, и пали империи. Двойного удара – извне и изнутри – они не выдержали.

Лаконичный и точный вывод в отношении Австро-Венгрии делает современный исследователь И.И. Черников: «Империя пришла к своему логическому концу. Она не выдержала борьбы на два фронта – со своими подданными и окружающим миром. Не умея и не желая изменить свое государственное устройство, империя рухнула» [52, с. 556]. Предвестником подобного финала была и массовая сдача в плен, иногда целыми полками, в которых преобладали славяне. Национальное движение в этой империи набрало такую силу, что ее «лоскутное одеяло» разлетелось «по швам».

Война обманула и ожидания стран «Сердечного согласия». Она оказалась вовсе не «молниеносной», а пришла всерьез и надолго, завязла в окопах, в которых сидели многомиллионные армии, требовавшие гекатомбы вооружений, амуниции, продовольствия, напряженной работы всего тыла. Впервые в истории фронт и тыл стали по сути единым гигантским организмом. Много чего в войне 1914–1918 гг. было впервые, и чего не предвидели все правительства и генеральные штабы: роль военной техники (авиации, танков, тяжелой артиллерии, пулеметов и т.д.), появление оружия массового пораже-

ния, мясорубки многомесячных позиционных сражений на фронтах, протяженностью в тысячи километров и т.д. И конечно, они не предполагали «цепной реакции» распространения войны на весь мир и беспрецедентных в истории войн потерь – не только солдат и офицеров, но и гражданского населения, а также ошеломляющих последствий войны для всего человечества. Многие генералы вступили в войну с багажом старых представлений о характере предстоящего «европейского» конфликта. Но это уже была обескураживающая всех, новая, глобальная война. Россия, как и союзные с ней государства, «начала мировую войну, не предвидя ее колоссального масштаба» [24, с. 619].

Мировая война породила и великую революцию в России. А началось все почти идиллически: с патриотических манифестаций и «единения царя с народом». Но это «поветрие» быстро прошло, почти не оставив следа. Неготовность страны к войне, неэффективность военного и гражданского управления оборачивались катастрофической нехваткой вооружения и боеприпасов, тяжелыми поражениями и огромными людскими потерями. «Особенно больным местом» боевого снабжения было обеспечение артиллерии боевыми припасами. Опыт войны показал, что потери пехоты от артиллерийского огня доходили до 75% и в среднем почти в 3 раза превышали потери от ружейного и пулеметного огня [4, с. 398, 405]. Даже Николай II был потрясен «нашими страшными потерями», «массой могил наших солдат». И Александру Фёдоровну сильно тревожили «эти постоянные огромные потери» [37, с. 135, 163, 192]. За время войны они составили (с учетом всех видов потерь) более 9,3 млн человек (60,3% от численности армии), что превышало потери всех союзников России вместе взятых [42, с. 90–95]. Такая убыль личного состава проистекала и из-за недостаточной выучки высших военачальников. Отсутствие полководческого профессионализма явилось «одним из главных факторов стратегических неудач императорской армии» [39, с. 369]. По словам начальника штаба Ставки генерала В.И. Гурко, «назначения на наиболее ответственные и важные посты производились по самым различным причинам, самой последней из которых по значимости являлась пригодность назначаемого лица» [14, с. 24]. А такие назначения были прерогативой царя.

Гражданские распоряжения военных властей (выселение жителей, эвакуация предприятий и др.) сыграли «значительную роль в развале общего строя государства», имели «серьезное значение для успеха революции» [19, с. 183]. Нашли козла отпущения – военного министра В.А. Сухомлинова. Сфабриковали «дело Мясоедова». Шпиономания и «борьба с немецким засильем» бумерангом ударила по высшим сферам [21; 51]. Сама царица признавала это, говоря, что «у нас теперь мания на шпионов» [37, с. 177]. Жандармский генерал В.Г. Курлов считал, что сухомлиновское дело принесло «неизгладимый вред» не только «престижу власти, но и авторитету самого

государя императора». Оно было даже более опасно для династии, «чем легенда о Распутине» [19, с. 200]. Имя Распутина сделалось в стране одиозным и роняло авторитет царской семьи. Но он и без того стремительно падал. Неудачи на фронте, где солдаты не понимали за что воюют и во имя чего приносят неисчислимые жертвы, нарастающая разруха в тылу (коллапс на железных дорогах, топливный голод, сбои в работе промышленности, дефицит товаров первой необходимости, вакханалия спекуляции, дороговизна и т.д.), произвол бюрократии и полная неспособность власти справиться с трудностями военного времени, «министерская чехарда», препоны в деятельности общественных организаций, вызывали недовольство в стране, «мишенью» для которого все чаще становились олицетворяющие власть правящий монарх и «немка» – Александра Фёдоровна.

Поползли слухи об измене, о «темных силах», свивших гнездо чуть ли не в царских чертогах. Разногласия власти и общества приобретали все более острый характер. Уже в 1915 г. некоторые либералы считали, что «главная беда в Николае II... Страна в таком положении победить не может...» [40, с. 153–154].

Антидинастические настроения широко разлились во всех слоях населения. Ореол царского имени поблек, потускнел и исчезал. Разочарование сменилось недоумением, недоумение убийственным равнодушием. От верховной власти уже ничего не ожидали, никаких надежд с ней не связывали. В конце 1916 г. положение в стране стало критическим. В это время будущий глава Временного правительства Г.Е. Львов говорил в узком кругу единомышленников: «На фронте – ужас... Многие части требуют удаления царя… При дворе – недовольство… Требуют удаления Распутина... В Думе требуют удаления министров. Все чувствуют необходимость смены правления, – корня всех дел...»[7]. Налицо был «кризис власти, которую все ищут и которая не умеет быть тем, чем она должна быть... власть не умеет отказаться от пустяков, ничтожных причуд и прихотей прошлого. Эти суетные мелочи губительны для будущности России, для самой власти и тем не менее выхода нет. В этом весь ужас нашего положения; с одной стороны, огромная задача ведения мировой войны и еще более трудная задача заключения мира, а с другой – беспомощный капрал, расстроенное и больное воображение»[8]. Но, как отмечал бывший офицер русской гвардии, будущий президент Финляндии К.А. Маннергейм, «царь хотел править лично, без помощи нации» [25, с. 63]. Многие уже предвидели возможность низвержения царя. Любимец Николая II Н.А. Маклаков говорил о нем: «Погибнуть с этим человеком можно, а спасти

7. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 24об.

8. Там же. – Ф. 670. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2.

его нельзя» [1, с. 121]. Теперь и в российской историографии высказывается мнение, что романовская империя потерпела крушение прежде всего «из-за личностного фактора», – неспособности Николая II «адекватно среагировать на вызовы времени и вывести страну из кризисной ситуации» [55, с. 372, 374]. И союзники России понимали, что она «созрела для революции» [7, с. 228].

Политическая деятельность либералов имела целью предупредить и предотвратить катастрофу. Они были между властью и группами, готовившими революцию и участвовали в создании сил, противоборствующих революции. Но, как считали многие из них, это предполагало и оппозицию власти уже потому, что «анархия начиналась в стране сверху»[9]. Порой некоторые их лидеры пускались в исторические аналогии: «После севастопольского грома пало русское рабство. После японской кампании появились первые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, она освободится от старых форм и органов власти» [34, с. 9]. Они «дозрели» до требования «ответственного министерства» и даже готовы были участвовать в дворцовом перевороте, хотя умеренные либералы шиповского склада, «признавая вместе со всеми, что главная вина всего ужаса, нами переживаемого, на стороне государственной власти», тем не менее считали, что общество «вступает на путь, который грозит страшными бедствиями нашей стране и торжеству нашему над врагом»[10].

Для власти «внутренний враг», революционеры и либералы, становился опаснее внешнего, и ей приходилось вести борьбу на два фронта. Но было уже поздно. Февраль 1917 г. низверг царскую власть. По признанию самих либералов, они «сыграли видную роль в деле освобождения от самодержавия» [3, с. 1]. В либеральных кругах возобладала тенденция к захвату политической власти без учета всех возможных последствий. И никто не встал на защиту последнего царя, даже ближний круг генералов во главе с М.В. Алексеевым. Монарх отрекся от трона, записав в дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман!» [35, с. 34]. А в солдатской массе, уставшей от войны, доминировало настроение: «Время царей прошло, а наше время настало» [45, с. 325].

Временное правительство оказалось калифом на час. Война его породила, и война его убила. Квинтэссенция политики львовско-керенских кабинетов: «Война до победного конца!» стала фатальной для него. По словам Гинденбурга, «началась агония российской военной мощи». В стране «бурлит геенна огненная. Возможно, она выгорит дотла» [13, с. 245, 246]. В этой стихии триумфаторами стали большевики с их лозунгом «Долой войну!»

9. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.
10. ОР РГБ. Ф. 440. К. 8. Ед. хр. 7. Л. 23об.–24об.

и социальными обещаниями. Конкурировать с большевизмом по линии его упрощенного представления о будущем Временному правительству было невозможно, бороться же с большевиками, не опираясь на те круги, которым, несмотря на сознательное приятие революции, было все же жаль старой России, было ему непосильно [45, с. 321–322]. Война вытолкнула к власти большевиков с их коммунистической идеологией.

Война определила и уродливое развитие Германии: ее поражение и версальские обиды наряду с трансформированным пангерманизмом и социальной демагогией стали тем коконом, в котором вызрел нацистский режим, в 1933 г. оказавшийся у власти и взявший курс на установление мирового господства.

Единственной страной, которой война была во благо, оказались США: на них пролился золотой дождь военных заказов, в том числе и царской России, поистине новое Эльдорадо. Штаты беспрецедентно быстро развили свою экономику и из страны-заемщика превратились в мирового банкира. Создали мощную армию и флот. И по сути, заявили претензию на мировое лидерство. Политика «открытых дверей» и насаждение «демократии» стали инструментами их экспансии.

Не дремал и СССР, он мечтал о торжестве коммунизма во всем мире. У всех этих держав был свой «идеал» устройства миропорядка. И они боролись за него. И самой острой фазой этой идеолого-геополитической борьбы стала Вторая мировая война, открывшая глаза государствам и народам на реальную опасность их самоуничтожения.

Смысл Первой мировой войны состоит, таким образом, в предостережении человечеству, что в условиях глобализации война исчерпала свой исторический ресурс, ибо угрожает самому существованию современной цивилизации, и попытки строить новый миропорядок на гегемонизме держав и блоков могут иметь гибельные последствия для народов.

Но этот смысл, внешне понятный и никем не оспариваемый, еще требует глубокого внедрения в сознание и мышление людей на всех уровнях. Общественное сознание не поспевает за быстрым ходом истории. Необходима метанойя, сдвиг в умах. Об этом в последний, кламарнский, период своего творчества предупреждал Н.А. Бердяев: «Победа над злом войны, как и вообще над злом, предполагает радикальное изменение человеческого сознания, преодоления объективации как ложного направления сознания» [5, с. 12]. И это был радикальный отход от того, что он исповедовал в дореволюционные времена: человек осознает зло войны, но понимает ее неизбежность в истории [5, с. 8]. Такая эволюция вселяет оптимизм: ее может претерпеть и сознание наших современников.

Литература

1. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. – Париж, 1959. – 260 с.
2. Ананьич Б.В. Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994. – С. 5–20.
3. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации Союза. – М., 1917. – 7 с.
4. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. IV. – М., 1948. – 420 с.
5. Бердяев Н.А. Грех войны. – М., 1993. – 272 с.
6. Бердяев Н.А. Злая воля и разум истории // «Биржевые ведомости» № 15278, 16 декабря 1915 г.
7. Берти Ф. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1914–1919. – М., 2014. – 400 с.
8. Бубнов А.Д. В царской Ставке. – М., 2008. – 272 с.
9. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. – М., 1991. – 344 с.
10. Бюлов Б. Воспоминания. – М., Л., 1935. – 564 с.
11. Вильгельм II. События и люди 1878–1918: Воспоминания. Мемуары. – Мн., 2003. – 464 с.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – 640 с.
13. Гинденбург П. Из моей жизни. – М., 2013. – 336 с.
14. Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. – М., 2007. – 399 с.
15. Дневники императора Николая II. – М., 1991. – 640 с.
16. Извольский А.П. Воспоминания. – М., 1989. – 192 с.
17. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. – М., 2009. – 320 с.
18. Коковцов В.Н. Воспоминания. Из моего прошлого. Т. 2. – М., 1992. – 456 с.
19. Курлов В.Г. Гибель императорской России. – М., 1991. – 255 с.
20. Ленин В.И. ПСС. – М., 1958–1964.
21. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных в годы Первой мировой войны». – М., 2012. – 304 с.
22. Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн: Вильгельм II. – М., 1991. – 238 с.
23. Маклаков В.А. Из воспоминаний. – Нью-Йорк, 1954. – 411 с.
24. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 1937. – 720 с.
25. Маннергейм К.Г. Мемуары. – М., 1990. – 576 с.
26. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. – М., 1975. – 376 с.
27. Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. – М., 1947. – 255 с.
28. Мировые войны XX века. – М., 2002. – Кн. I: Первая мировая война. – 686 с.
29. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. – Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – М., 1993. – 520 с.
30. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. – М., 2012. – 1111 с.
31. Носков В.В. «Война, в которую мы верим»: Начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война: Материалы Международного коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 326–339.
32. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке. – М., 1947. – 240 с.
33. Окамото Сюмпэй. Японская олигархия в Русско-японской войне. – М., 2003. – 319 с.

34. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. – 644 с.
35. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. – М., 1990. – 253 с.
36. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. – М., 1991. – 239 с.
37. Переписка Николая и Александры. – М., 2013. – 928 с.
38. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. – СПб., 1906. – 177 с.
39. Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. – М., 2014. – 443 с.
40. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. – М., 1997. – 590 с.
41. Романов Б.А.Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. – М., 1955. – 695 с.
42. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М., 2010. – 624 с.
43. Сазонов С.Д. Воспоминания. – М., 1991. – 400 с.
44. Солженицын А.И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. – М., 1993. – 544 с.
45. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 1994. – 651 с.
46. Стоун Н. Первая мировая война: Краткая история. – М., 2010. – 219 с.
47. Струве П.Б. Суд истории // «Русская мысль». – М., 1914. – Кн. VIII–IX. – С. 168–179.
48. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М., 2009. – 421 с.
49. Трубецкой Е.Н. Смысл войны. Вып. I. – М., 1914. – 48 с.
50. Франк С. О поисках смысла войны // «Русская мысль». – М.: 1914. – Кн. XII. – С. 125–132.
51. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. – М., 2009. – 376 с.
52. Черников И.И. Гибель империи. – М., СПб., 2002. – 640 с.
53. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. – М., 1991. – 592 с.
54. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. – М., 2000. – 399 с.
55. Шелохаев В.В. Основной фактор крушения Российской и советской империй // Тысячелетняя история России: Проблемы, противоречия и перспективы развития. – М., 2004. – С. 371–376.

Л.П. Муромцева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент МГУ.

В 2014 г. в России на государственном уровне с невиданным размахом отмечается 100-летие со дня начала Первой мировой войны. В Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде и других российских городах установлены памятники и памятные знаки, организованы выставки, проводятся научные конференции. В церемонии открытия памятника героям войны на Поклонной горе приняли участие президент России В.В. Путин и Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл.

Необходимость увековечивания памяти о событиях той войны понимали еще ее участники и современники. Тогда в официальных документах и прессе России эту войну называли даже Великой Отечественной, либо Второй Отечественной войной. А Императорское общество ревнителей истории организовало в Петрограде выставку трофеев, захваченных русскими армиями на полях сражений в Восточной Пруссии и Галиции. Выставка вызвала огромный интерес у жителей российской столицы: число ее посетителей перевалило за полмиллиона. Многие делали пожертвования в пользу раненых воинов и семей погибших. И после завершения работы выставки энтузиасты из числа военных историков в сотрудничестве с Военным министерством продолжили свою подвижническую деятельность по сбережению реликвий войны, они не хотели ждать будущих юбилейных дат, когда из жизни уйдет большинство участников военных действий. 22 июня 1916 г. приказом по Военному министерству было утверждено «Положение о Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства». Этим патриотическим делом занималось Императорское общество ревнителей истории.

Война послужила толчком для создания новых военных музеев. В Военно-морской музей в Петрограде уже в 1914–1915 гг. стали поступать военные трофеи и прочие реликвии Первой мировой войны. В столице России еще до Февральской революции 1917 г. планировалось создать Центральный военно-исторический музей и Музей Великой войны, однако при советской власти эта идея в 1920-е годы постепенно заглохла.

После 1918 г. в Великобритании, Германии, Польше, Румынии, Франции и других странах Европы (за исключением СССР) появилось немало памятных знаков в честь погибших во время Первой мировой войны. Вот текст мемориальной плиты в поселке Кубановка Калининградской области (территория бывшей Восточной Пруссии): «Кладбище героев Бракуненен. Здесь покоятся 115 немецких и 199 русских солдат времен мировой войны 1914–1918 гг. Они умерли за свое Отечество».

В 1916 г. на братских и индивидуальных могилах, где покоятся останки 326 русских воинов, погибших в августе 1915 г. в боях с войсками кайзеровской Германии возле деревень Полятичи и Тевли под Кобрином (Польша), появились надгробия. В 1919 г. на средства Международного Красного Креста в деревне Томашовка, недалеко от Бреста, благоустроили кладбище 1346 германских и русских солдат [7, с. 144, 262–263]. В межвоенный период несколько памятников были воздвигнуты польскими властями в районе Барановичей, где с 1915 г. проходила линия фронта и где сохранились остатки немецких блиндажей и окопов, на которые шли в атаку русские солдаты и офицеры. У входа на военное кладбище у деревни Невель под Пинском (Польша) в 1936 г. установили стелу с надписью на русском и немецком языках: «Друзья и враги, смертью объединенные» [7, с. 341].

Большевики же, захватившие власть и способствовавшие заключению сепаратного Брестского мира, поражению России в войне, которую они именовали империалистической, ничего не предпринимали, чтобы обеспечить уход за памятниками, связанными с ее историей. И это в стране, понесшей больше всего людских потерь, составивших по разным источникам от 700 тыс. до 2,25–2,8 млн человек, включая мирное население. Не говорю уже об огромном материальном ущербе, утрате части территории, крушении империи, двух революциях и Гражданской войне. В советское время из плакатов можно было узнать лишь о летчике Нестерове, который геройски погиб в Галиции, совершив первый в истории авиации таран, а из учебников – о Брусиловском прорыве.

Нам не рассказывали о заслугах талантливых военачальников Первой мировой: генералах Алексееве, Корнилове, Юдениче, адмиралах Колчаке и Эссене. Их воспринимали лишь как противников большевистской власти. У нас не воспитывали патриотических чувств на примере подвигов: Георгиевского кавалера казака К.Ф. Крючкова; героя Моонзундского сражения матроса

с эсминца «Гром» – Ф.Е. Самончука, потопившего торпедой германский миноносец и взорвавшего собственный корабль, чтобы он не достался врагу; летчика Ю.В. Гильшера, участвовавшего после ампутации ноги в воздушных боях и погибшего в 1917 г.; поручика М.Л. Бочкаревой, добровольно вступившей в армию и ставшей полным Георгиевским кавалером; сестры милосердия Р.М. Ивановой, смертельно раненой по время атаки, в которую она повела солдат, оставшихся без офицеров.

До распада СССР экспозиции Центрального музея Вооруженных сил, в отличие от Центрального военно-морского музея в Ленинграде, даже не было раздела, посвященного Первой мировой войне. Не будем забывать, что Музей Вооруженных сил возник в 1919 г. как Музей РККА, в рядах которой, правда, находилось немало солдат, унтер-офицеров и офицеров старой армии. В экспозициях историко-краеведческих музеев Первая мировая война рассматривалась лишь как канун Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Но могилы ее участников, места ожесточенных боев долгие годы находились вне поля зрения государственных органов охраны памятников истории и культуры СССР, хотя тяжело раненные воины умирали в госпиталях Москвы, Петрограда, других российских городов, где и были захоронены. Госпиталь для тяжелораненых располагался в Зимнем дворце. В Московском военном госпитале императора Петра I в Лефортове (ныне Главный военный госпиталь имени Н.Н. Бурденко) за три года Первой мировой войны на лечении находились свыше 370 тыс. раненых и больных. А в Хамовнических казармах был расквартирован 193-й пехотный запасной полк.

Лишь согласно постановлению Совета Министров БССР от 19 декабря 1950 г., в Список исторических памятников республиканского значения были включены три братские могилы в Мядельском районе Минской области (у деревень Брусы и Узла, хутора Гущар). В них покоятся останки 1700 русских воинов, погибших в результате применения германскими войсками отравляющих газов [8, с. 158].

Мемориализация началась в 1976 г. с руин Белого дворца (бывшего Инженерного управления) Брестской крепости, где была открыта мемориальная доска. В 1982 г. в городе Ляховичи (Брестская область), находившемся с 1915 г. в прифронтовой полосе, установили обелиск в целях увековечения памяти русских солдат, павших во время Первой мировой войны. Два года спустя мемориальная плита появилась и на братской могиле у деревни Скробово в районе Барановичей [7, с. 51, 108, 281].

И только к 90-летию Первой мировой войны в 2004 г. в Москве на месте Всехсвятского братского кладбища был открыт мемориально-парковый комплекс с памятным знаком в виде стилизованного надгробия и часовни. На мемориальной доске, укрепленной на гранитной глыбе, можно прочесть: «Памятник истории культуры. Московское городское братское кладбище для

воинов, умерших в войну 1914 года, и для сестер милосердия московских общин. Охраняется государством». В мае 2007 г. возле белорусского города Сморгони (Гродненская область), где проходили в 1915 г. ожесточенные бои, состоялась закладка мемориала (из нескольких памятных знаков и скульптур), посвященного Первой мировой войне. Он создавался на средства союзного государства Беларуси и России. А где же мы были раньше, почему не обращали должного внимания на эти памятники российской военной истории, не ухаживали за ними?!

Сохранение военно-исторических традиций дореволюционной России, уважение к могилам павших воинов, военной символике Русской армии – это огромная заслуга российского зарубежья. В эмиграции российские ученые опубликовали многочисленные труды по военным вопросам, и в первую очередь по истории Первой мировой войны. В их числе – «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.» Ю.Н. Данилова, «Военные усилия России в мировой войне» Н.Н. Головина, фундаментальные статьи М.А. Иностранцева[1], А.К. Байкова, А.В. Геруа и др. Важную роль в деле обобщения опыта войны играли зарубежные военные журналы «Часовой» (Франция, Бельгия), «Вестник военных знаний» (Сараево), «Война и мир» (Берлин), а также военно-научная газета «Русский инвалид» (Париж).

Потребность в осмыслении опыта и уроков Первой мировой войны определила и научную проблематику исследований, проводившихся в военно-учебных и военно-научных учреждениях, возникших в эмиграции. Первым таким учреждением следует назвать Общество ревнителей военных знаний, организованное группой офицеров генерального штаба – В.М. Прониным, Р.К. Дрейлингом и др. Одной из его задач стало «изучение и обработка военно-исторических материалов минувшей Европейской войны» [1, с. 42].

Еще в годы Гражданской войны военный историк, профессор Николаевской военной академии Генерального штаба, генерал-лейтенант Н.Н. Головин возглавил военно-историческую комиссию, занимавшуюся сбором военных архивов по истории Первой мировой войны. А уже в 1922 г. он приступил к организации добровольных кружков, где можно было получить высшее военное образование. Затем на их базе стали работать «Курсы высшего военного образования». К 1925 г. насчитывалось 52 кружка с общим числом участников более 550 человек. В 1927 г. после длительной подготовительной работы генерал Н.Н. Головин основал Военно-научные курсы, где преподавалось современное военное дело. Они были зарегистрированы при правительстве Франции как Общество русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий.

1. ГАРФ Ф.Р. – 5960. Оп. 1.

Особенно активная работа велась эмигрантами во Франции и Югославии. Различные документы о Первой мировой войне (доклады, донесения, инструкции, приказы, карта Персии с данными о расположении частей Кавказского кавалерийского корпуса и др.) хранились в русской Военной библиотеке и архиве Белграда [9, с. 240–241]. При Русском народном университете в Праге был создан кружок по истории мировой войны 1914–1918 гг., которым руководили ее участники, профессора Николаевской военной академии Генерального штаба: генерал-майор М.А. Иностранцев (1872–1938); генерал-майор П.Ф. Рябиков (1875–1932) [9, с. 305, 358; 6, с. 198–199, 393].Сохранились схемы военных операций на фронтах Первой мировой войны, составленные Иностранцевым [5].

Примеров деятельности эмигрантов, сумевших в тяжелых условиях сохранить также целый ряд музейных собраний военно-исторического характера, – масса, всех не перечислить.

Значительная часть эмигрантских музейных коллекций во Франции отражала историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн. Таковыми, например, были коллекции Музея лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа под Парижем, Донского исторического музея, Кадетского музея, Музея Александрийского гусарского полка в Париже. В Париже также находился музей Союза конногвардейцев имени Великого князя Дмитрия Павловича. В его стенах экспонировались материалы по истории лейб-гвардии Конного полка, собранные флигель-адъютантом, полковником В.Ф. Козлянинoвым.

Музей лейб-гвардии Атаманского его Императорского Высочества Государя-наследника цесаревича полка первоначально размещался в здании полкового собрания в Сен-Клу, а с апреля 1932 г. – в Аньере. Хранителем музея в 1930-е годы был Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), на личности которого стоит остановиться подробнее. Уроженец станицы Старочеркасской на Дону после окончания реального училища поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Атаманский полк, в котором дослужился до звания подъесаула, участвуя в Первой мировой и Гражданской войнах. В эмиграции он жил сначала в Сербии, а затем в Париже, где, работая грузчиком, учился в Сорбонне. В течение 37 лет он служил в одном из банков, но известность получил как поэт. В свет вышли пять книг с его поэмами и стихами. Будучи председателем Казачьего союза, Туроверов много сил отдавал музею, собирал всю жизнь книги, рукописи, гравюры по истории казачества, устраивал интересные тематические выставки.

Музей Александрийского гусарского полка существовал в 1920–1930-е годы в Ментоне (на юго-востоке Франции). Его возглавлял председатель полкового объединения полковник С.А. Топорков. Музей был тесно связан с деятельностью Общества ревнителей истории русской конницы,

основанного в Париже в 1934 г. Это Общество поддерживало контакты с Музеем русской конницы в Белграде и другими аналогичными эмигрантскими объединениями. Его члены занимались сбором документов, книг, рукописей, фотографий, гравюр, рисунков, портретов, предметов вооружения и обмундирования, иллюстрировавших действия кавалерийских частей в войнах начала XX в.

Члены группы Военно-морского союза собрали в своей кают-компании в Марселе живописные полотна с изображениями морских сражений времен Первой мировой войны, портреты русских адмиралов, предметы корабельной обстановки.

Эмигранты много внимания уделяли уходу за могилами русских воинов, сражавшихся в годы войны в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции и захороненных в Мурмелоне вблизи города Реймса. 19 апреля 1936 г. там в торжественной обстановке состоялась закладка Храма-памятника русским солдатам и офицерам, павшим на французском фронте. С.В. Рахманинов пожертвовал 12 тыс. франков (весьма значительную по тем временам сумму) на строительство храма-памятника Воскресение Христово, возведенного в 1937 г. архитектором А.А. Бенуа в стиле новгородско-псковского зодчества XV–XVI вв. В церемонии открытия участвовали А.И. Деникин, многие другие генералы и офицеры, председатель комиссии по сооружению памятника М.М. Федоров, автор его проекта Альберт Бенуа. По обычаю отслужили панихиду и возложили венки на могилы от «Союза Георгиевских кавалеров» и «Союза офицеров – участников войны на французском фронте» [10, № 167–168, с. 35]. Вот какие проникновенные строки посвятил этому православному храму-памятнику современный историк и поэт-песенник Виктор Леонидов: Здесь все буднично и просто, – / гул войны давно умолк. / Лишь часовня над погостом, / где пехотный славный полк. / Отгремели все снаряды, / приняла солдат земля. / Дрались русские бригады / за французские поля...

В том же 1936 г., 12 января, на русском кладбище в Белграде торжественно открыли памятник императору Николаю II и русским воинам, защитникам Белграда, павшим в годы Первой мировой войны. Добровольные пожертвования на строительство монумента собирал Общественный русско-сербский комитет. Памятник был сооружен по проекту скульптора Р.Н. Верховского из серого камня, в форме огромного артиллерийского снаряда, под которым находится часовенка-склеп с надписью над железной дверью: «Спите, орлы боевые». Несколько мемориальных надписей выгравированы и на самом памятнике: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны»; тут же перечислены имена вождей Белого движения и жертвователей на строительство монумента, названия воинских союзов и объединений (на русском языке). Есть запись на сербском языке –

«Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914–1918 гг.». В склепе лежат останки русских солдат и офицеров. Туда перевезли с другой братской могилы русских воинов большой крест, изготовленный благодарными сербами из железнодорожных рельсов, с надписью: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии» [10, № 164, с. 27]. Могилы русских воинов, погибших в 1914–1918 гг., имеются и на территории ряда других европейских стран (Греции, Польши, Румынии). В 1936 г. Российский общественный комитет в Польше, проявляя озабоченность судьбой русского военного кладбища во Львове, изыскивал возможности оказать помощь возникшему в городе общественному комитету по охране могил русских воинов [10, № 164, с. 25].

Как и во Франции, военные стали наиболее организованной частью эмиграции в Югославии, куда в 1921 г. эвакуировались из Турции остатки армии П.Н. Врангеля. И здесь эмигранты-подвижники занимались сохранением реликвий военной истории России. Самым представительным и богатым было собрание Музея Первого русского кадетского корпуса имени Великого князя Константина Константиновича, созданного в сентябре 1925 г. в г. Бела-Црква (Сербия) по инициативе его директора, видного военного педагога – генерал-лейтенанта Бориса Викторовича Адамовича (1870–1936). В литературе он иногда именуется как Русский зарубежный музей военно-учебных заведений. Часть его коллекции имела отношение к истории Первой мировой войны. С высоких стен склонялись 46 полковых знамен Русской армии, экспонировались различные знаки отличия, части обмундирования, печати, фотографии, фанфары, погоны, документы, книги, картины.

В 1928 г. в Белграде по решению общего собрания офицеров-кавалеристов был основан Музей русской конницы. В нем экспонировались и хранились в фондах полковые знамена, значки, эмблемы, трубы; портреты августейших шефов конных полков и известных кавалерийских военачальников; образцы военного снаряжения и обмундирования; картины, гравюры, фотографии, карты, схемы сражений, книги; списки личного состава, раненых, убитых, Георгиевских кавалеров; другие материалы по истории полков русской кавалерии и конных артиллерийских батарей.

Существовали в Югославии и частные коллекции российских военных раритетов. Фотографии боев времен Первой мировой войны были представлены на выставке, организованной энтузиастами из числа эмигрантов в сентябре 1931 г. к 10-летию Сараевского отдела Общества русских офицеров в Югославии.

В 116 и 117 номерах журнала «Часовой» за 1934 г. появилась информация о продолжении работы по созданию Морского музея в Альтенбурге, небольшом немецком городе к югу от Лейпцига. Она началась годом ранее по инициативе почетного члена эмигрантского Военно-морского союза княжны

Веры Константиновны Романовой (1906–2001). Она решила помочь российским морякам сохранить реликвии с целью передачи их в Морской музей императора Петра Великого, основанный в Петербурге при Адмиралтействе еще в 1805 г. и переименованный в советский период в Центральный военно-морской музей.

В числе музейных экспонатов, собранных Верой Константиновной в Германии, в прессе упоминались: кормовой флаг с подводной лодки «Святой Георгий»; вещи с канонерской лодки «Бобр»; ленты со многих кораблей Балтийского и Черноморского флотов; части морского обмундирования; ценные гравюры, открытки и фотографии с изображениями русских кораблей и другие материалы, в том числе относящиеся к истории Первой мировой войны.

По характеру Морской музей В.К. Романовой в Альтенбурге был похож на частное собрание реликвий в Бизерте (Тунис) бывшего подводника, капитана Нестора Александровича Монастырева, автора ряда книг и воспоминаний о российском военно-морском флоте, редактора «Морского сборника». Его личное собрание включало модели кораблей, участвовавших в Первой мировой войне (главным образом, подлодок «Кашалот», «Краб», «Скат», «Утка» и др.), в дальних географических экспедициях, в том числе в Арктике; русские ордена и погоны; холодное оружие, книги, фотографии, военно-морские флаги и другие экспонаты.

Общество по изучению минувшей мировой войны (так она стала именоваться в эмигрантских публикациях еще до начала Второй мировой войны) устраивало в Париже публичные лекции. Генерал Н.Н. Головин, например, в 1936 г. прочел лекцию о Галицийской битве 1916 г.

Аналогичная работа велась русскими эмигрантами и в Китае. Полковник Генерального штаба Николай Владимирович Колесников учредил 27 ноября 1924 г. при газете «Россия», издававшейся в Шанхае, Военно-научное общество и в мае 1930 г. был избран пожизненным его председателем. С 1926 г. это общественное объединение стало издавать журнал «Армия и Флот», а спустя три года открыло клуб с лекционным залом, читальней, комнатой для военных игр и музеем. В него входили около 30 человек. Но в апреле 1930 г. из-за внутренних конфликтов оно сменило название на «Первое Русское военно-научное общество в Китае» и превратилось в закрытую полувоенную организацию, членами которой могли стать только приглашенные высшие штабные офицеры, в том числе из других стран (США, Германии, Италии, Франции, Японии), желавшие ознакомиться с боевым опытом офицеров бывшей Российской армии. Общество продолжало функционировать до 1945 г., когда было закрыто [4, с. 11].

26 мая 1924 г. в США, в Сан-Франциско, русскими эмигрантами-офицерами было учреждено «Общество ветеранов Великой войны», первым председателем которого стал бывший военный министр правительства адми-

рала А.В. Колчака генерал-лейтенант Генерального штаба – барон А.П. Будберг (по 15 декабря 1945 г.). За 1926–1966 гг. было выпущено 234 номера «Вестника Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско». В нем публиковались материалы по истории Первой мировой войны, Белого движения, документы РОВС. В 1944 г. при Обществе стала формироваться небольшая музейная коллекция оружия, моделей пушек, орденов, значков военных училищ, мундиров, портретов, фотографий. А в 1955 г. полковник Б.А. Долгово-Сабуров основал музей, разместившийся в здании, которое было приобретено на средства членов «Общества ветеранов Великой войны». В нем хранятся также документы по истории кадетских корпусов в эмиграции, военных обществ и союзов, личные фонды, в частности документы русского военного летчика Г.Л. Шереметевского [5, с. 209–213].

Кроме того, своеобразный Музей русской воинской славы был создан там же, в Сан-Франциско, в Доме Святого Владимира – городском центре российских монархистов, кадетов и их потомков.

Приказом от 8 апреля 1929 г. была сформирована Русская батарея 244-го артиллерийского полка береговой обороны Национальной гвардии штата Нью-Йорк. 52 бойцам-добровольцам этой части, обмундированным в уставную форму Национальной гвардии США, разрешалось носить ордена и другие знаки отличия, полученные ими в годы Великой войны в рядах Российской армии [4, с. 169].

В 1948 г. Петр Филаретович Константинов основал в Сан-Франциско Музей русской культуры. Он ставил своей задачей собирать мемуары, книги, газеты, журналы, а также общественные и частные архивы русской эмиграции. Архивное собрание музея включает материалы о Русско-японской и Первой мировой войнах.

Самый крупный в США русский зарубежный музей и архив разместились в здании общества «Родина» в местечке Хоуэлле, у города Лейквуда, в штате Нью-Джерси. Это общество сразу же после своего создания в 1954 г. превратилось в крупный культурно-просветительный центр российской эмиграции. Самым важным направлением в его деятельности было спасение ценнейших материалов по русской истории и создание по инициативе В.П. Стеллецкого в 1958 г. музея. Его собрания пополнялись за счет поступления коллекций различных организаций и отдельных лиц из числа эмигрантов, материалов целого ряда эмигрантских музеев – Николаевского кавалерийского училища из Парижа, лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Павловского полков, Русской конницы, Константиновского артиллерийского училища, Морского объединения. В фондах музея оказались коллекции орденов и медалей, оружия, русской военной формы, знамена.

Кое-какие реликвии, относящиеся к истории Первой мировой войны и хранившиеся эмигрантами, оказались после 1945 г. в Центральном государст-

венном архиве Октябрьской революции. И сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) можно увидеть, например, походную икону генерала Алексея Алексеевича Брусилова. На ее обороте рукой Надежды Владимировны Брусиловой (Желиховской), супруги генерала, сделана надпись: «Св. Алексей Человек Божий. Иконка, бывшая всю жизнь у А.А. Брусилова, бывшая с ним на войне турецкой и германской». Среди других материалов, поступивших в 1946 г. в числе прочих коллекций Русского зарубежного исторического архива – РЗИА (часть из них была передана в 1948 г. в Центральный государственный военно-исторический архив), можно упомянуть грамоты о награждениях Брусилова, фотографии с эпизодами Первой мировой войны (семейный фонд А.А. и Н.В. Брусиловых).

Русские офицеры трепетно относились к полковым знаменам и заботливо их хранили. Причины уважения к главному, пожалуй, символу воинского соединения хорошо пояснил генерал П.Н. Краснов: «Значение знамени громадно… Знамя поддерживает людей в исполнении их долга. Роль знамени – связать настоящее с прошлым и сделать будущее достойным нашей славной истории…» [3, с. 129–131].

Сберегая знамена и другие воинские реликвии, эмигранты полнее ощущали свою причастность к событиям Великой войны. Они верили, что со временем все это будет востребовано и в самой России. Трепетное отношение послереволюционной эмиграции к событиям Первой мировой войны наиболее ярко выразил русский философ И.А. Ильин. Вот его пророческие слова: «...Мысленно склоним наши головы перед всеми героями-патриотами России, павшими в Первой мировой войне... Им – вечная память. От них и через них – наша традиция. Их дух жив во всех честных и самоотверженных русских людях, образованных и необразованных, военных и штатских, во всех терпеливых и верных строителях нашей истории. Их духу принадлежит и будущее России» [2, с. 13].

Литература

1. Авдеев В.А. Первая мировая война глазами русского зарубежья // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М., 2006. – 393 с.

2. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 2. – М., 2008. – 507 с.

3. Краснов П.Н. Душа армии. Очерки военной психологии // Российский военный сборник. Вып. 13. – М., 1999. – 624 с.

4. Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. – М., 2003. – 336 с.

5. Петров П.П. Наш музей // Вестник Общества Русских ветеранов Великой войны. 1955. № 202; Долгополов А.В. Музей Общества Русских ветеранов в Сан-Франциско // Вестник

Общества Русских ветеранов Великой войны. – Сан-Франциско, 1970. – № 242; Попов А.В. Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. – М., 2003. – № 2 (74).

6. Путеводитель. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000): В 5 т. – М., 2001. – Т. 5. – 672 с.

7. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. – Минск, 1990. – 424 с.

8. Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск, 1972. – 363 с.

9. Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М., 1999. – 688 с.

10. «Часовой» – ежемесячный журнал – орган связи русского воинства за рубежом. – Париж, Брюссель, 1929–1988.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Е.Е. Шестакова

ДОЛГОСРОЧНЫЙ УХОД ЗА ПЕНСИОНЕРАМИ: ОПЫТ СТРАН ОЭСР

Шестакова Елена Евгеньевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Безусловным и широко признаваемым достижением пенсионного обеспечения большинства наиболее развитых государств является снижение уровня бедности и повышение качества жизни граждан старшего поколения. Бедность среди лиц в возрасте 65 лет и старше в среднем в странах ОЭСР составляет 12,8%, в том числе во Франции, Нидерландах, Чехии, Венгрии, по данным экспертов ОЭСР, – менее 5% [1, p. 72]. В 16 из 34 государств этой группы уровень бедности среди пожилых ниже данного показателя среди всего населения. При этом в качестве показателей бедности используется не абсолютная (на основе определенного прожиточного минимума), а относительная бедность (располагаемые среднедушевые доходы ниже 50% от средних национальных). Денежные доходы возрастной группы граждан 65 лет и старше составляют 86% от средних располагаемых доходов всего населения ОЭСР.

Современное государство благосостояния направляет на цели социального обеспечения своих ветеранов большой объем финансовых ресурсов. Средние размеры государственных расходов на поддержку лиц старших возрастных групп (прежде всего, пенсионное обеспечение) составляют 8,3% ВВП. Выше средних они во Франции – 14,1%, Японии – 11,8, Германии – 11,3%; ниже средних показатели в США, Великобритании, государствах Восточной Европы, входящих в группу наиболее развитых государств [1, p. 170].

Однако современные тенденции демографического и социально-экономического развития ставят страны перед новыми серьезными вызовами, необходимостью формирования современных институтов, которые смогли бы обеспечить высокую эффективность общественных затрат на цели материальной и социальной поддержки ветеранов. В 2010–2015 гг. ожидаемая

продолжительность жизни при рождении в странах ОЭСР фиксируется на уровне 77,2 лет для мужчин и 82,7 лет для женщин (в странах-лидерах 85–86 лет у женщин и более 80 лет у мужчин), так называемая остаточная продолжительность жизни лиц в возрасте 65 лет в настоящее время составляет 20,6 лет, и по прогнозам к 2060–2065 гг. она увеличится до почти 26 лет [1, p. 181]. Высокие темпы старения населения и увеличение продолжительности жизни лиц старших возрастов закономерно стимулируют рост потребностей в дорогостоящем медицинском обслуживании и долгосрочном уходе. В составе совокупных доходов лиц пенсионного возраста услуги, предоставляемые в натуральной форме, составляют 45%, (для трудоспособного населения этот показатель не превышает 24%). Существует большое многообразие форм предоставления услуг. В отношении услуг по долгосрочному уходу выделяют различные комплексы обслуживания на дому, в медицинских гериатрических клиниках и в специализированных домах для пожилых. Количество госпитализаций и длительность пребывания в медицинских учреждениях существенно сокращается, если пожилой человек может получать широкий комплекс поддержки в домашних условиях. Инфраструктура стационарной поддержки весьма разнообразна, она включает не только традиционные дома престарелых, где за пожилым человеком постоянно ухаживают, но и дома квартирного типа, в которых лица старших возрастных групп поддерживают независимый образ жизни, но при необходимости имеют возможность обратиться за медицинскими и бытовыми услугами. В Германии таких частных домов для проживания порядка 10 тыс., во Франции – около 6 тыс.

Недостаточное финансирование долгосрочного медицинского и бытового обслуживания лиц старших возрастных групп может оказывать разрушительное влияние на материальное положение пенсионеров, особенно женщин, которые значительно чаще сталкиваются с риском бедности в силу более низкого уровня пенсий (в том числе из-за перерывов в занятости) и большей продолжительности жизни. Согласно материалам специальных исследований, стоимость ограниченного пакета услуг (10 часов в неделю) в среднем составит 60% располагаемых доходов пенсионеров, для лиц с наиболее низкими доходами, входящих во вторую децильную группу[1], – 85–90%, в четвертую группу – 45–65% (в зависимости от страны). При большем объеме необходимой помощи (25 часов в неделю) эти расходы могут потребовать уже более 60% располагаемых доходов категории обеспеченных граждан (восьмая децильная группа), для пенсионеров со средними доходами (четвертая группа) эти расходы составят уже 140–170% от их доходов [2, p. 265].

1. Структурная переменная, делящая всех пенсионеров по уровню доходов на десять частей (децилей); первая группа с самыми низкими доходами, десятая – с самыми высокими доходами.

В США стоимость обслуживания в домах сестринского ухода составляет в среднем 75 тыс. долл. в год, что почти в 3 раза превышает средние располагаемые доходы американцев в возрасте 65 лет и старше, услуги помощи на дому – 20 долл. в час [2, p. 214].

Чтобы оценить возможности лиц старших возрастных групп самостоятельно решать проблемы долгосрочного ухода, следует проанализировать величину и источники их материального благосостояния. Главным источником доходов пожилых являются пенсии (60% общих денежных доходов, в ряде стран поднимаясь до 80%), 20–22% доходов лиц пенсионного возраста обеспечивает занятость и 18% – разного рода финансовые активы. Уровень замещения пенсией заработной платы для работников со средними заработками в странах ОЭСР составляет 60%, в США, Великобритании, Японии этот показатель ниже – 40–42% [1, p. 67].

Особую и во многих случаях далеко не малочисленную группу среди пенсионеров составляют лица, получающие минимальную или социальную пенсии[2]. Размеры социальной пенсии составляют 18–20% средней заработной платы, минимальной страховой пенсии – 25% [1, p. 120].

Финансовые активы в структуре доходов лиц в возрасте 65 лет и старше существенно превышают средние показатели у всего населения, но достигают 30–45% от общей величины доходов только в странах, где комбинируется государственное и частное пенсионное страхование (Австралия, США, Канада, Великобритания, Нидерланды и Дания). Средний абсолютный размер финансовых активов в исследуемой группе стран для всего населения составляет около 43 тыс. долл. (медианный, т.е. приходящийся на середину ранжированного ряда – 8,2 тыс. долл.), у лиц в возрасте старше 50 лет соответственно 63 тыс. долл. (медианный – более скромные 14 тыс. долл.). В структуре усредненного портфеля финансовых активов лиц в возрасте 65 лет и старше (по имеющимся данным по 13 странам ОЭСР) 50% составляют банковские счета, 12 – акции, 11 – доли в совместных инвестиционных фондах, 10 – облигации, 9% – частные пенсии или страховки по добровольному страхованию жизни [1, p. 93]. Данная структура свидетельствует о высоком уровне ликвидности финансовых накоплений и возможности привлечения их для покрытия экстренных нужд. Но можно отметить и существенные отклонения от средних показателей в некоторых странах и большую дифференциацию накоплений у разных групп пенсионеров. Например, в Германии и Испании накопления в виде акций и долей в накопительных и инвестиционных фондах

2. Доля лиц, получающих минимальную пенсию в Австралии и Дании, составляет более 80%, во Франции, Швеции, Испании – 40–42, Великобритании – 28%.

достигают 40%, а во Франции 48% всех активов пенсионеров составляют накопления по страхованию жизни.

В качестве возможного источника денежных средств традиционно рассматривается и владение жильем. В среднем 77% глав семей в возрасте старше 55 лет в развитых государствах являются владельцами жилья. С финансовой точки зрения владение жильем несет в себе, кроме определенных выигрышей (прежде всего отсутствие арендных платежей), и существенные риски. Один из пяти пожилых владельцев жилья полностью не выплачивает ипотеку. Использование жилья в качестве залога или обратная ипотека применяются лицами старших возрастных групп в очень ограниченных масштабах, в основном в США, Австралии, Великобритании. Но даже в США из 24 млн домовладельцев в возрасте старше 62 лет только 2–3% входят в программы обратной ипотеки [1, p. 80].

Исключительно важным источником благосостояния современных пенсионеров являются бесплатные или льготные услуги здравоохранения, коммунального обслуживания, транспортные и др. В государствах Северной Европы доля услуг в общих доходах лиц старших возрастных групп достигает от 60% (Дания, Исландия) до 70% (Швеция, Норвегия). Общие расходы государства на услуги для всего населения составляют в среднем в наиболее развитых государствах 14,6% ВВП, превышая расходы на денежные пособия 12,6% ВВП [3, p. 21].

Государственная поддержка системы долгосрочного ухода в группе экономически наиболее развитых стран составляет относительно небольшую величину, особенно по сравнению с расходами на пенсионные программы и здравоохранение, но данная группа расходов, по прогнозам, будет расти быстрее, чем медицинские и пенсионные расходы. Рост потребностей в долгосрочных социально-медицинских услугах связан и с набирающим темпы старением населения, и с изменением модели семейных отношений, и с повышением требований к системе социального обслуживания.

Доля лиц, нуждающихся в постоянном уходе среди граждан в возрасте 70 лет и старше, составляет в Германии, Швеции и Нидерландах около 70%, во Франции – 60, в Австрии – 77%. Правда, в основном уход осуществляется родственниками и друзьями, так называемые неформальные услуги в рамках межпоколенной солидарности вдвое превышают объем услуг, предоставляемых на государственной основе. В ряде стран (Канада, США, Нидерланды) соотношение неформальной и формальной поддержки пожилых составляет 10:1 [2, p. 40].

Средний уровень государственных расходов на оказание услуг по долгосрочному уходу колеблется в настоящее время в группе развитых государств в пределах 1,5% ВВП. Ниже средних показателей расходы в США, странах Южной и Восточной Европы. Во Франции эта доля составляет 1,7% ВВП,

в Бельгии, Дании, Швейцарии – 2, в Нидерландах и Швеции – 3,6% ВВП [2, p. 220].

В абсолютных показателях расходы на долгосрочное обслуживание варьируют от скромных 42 долл. на душу в год (Словакия) до более чем 1300 долл. на душу (Норвегия, Швеция). Предоставление помощи по долгосрочному уходу может носить характер оказания бесплатных или льготных услуг или выделения пособий на формальный или семейный уход (денежные пособия могут выплачиваться как самому потребителю, так и ухаживающему за ним родственнику). Большинство стран предлагают и денежные пособия, и услуги по длительному уходу, но есть страны, где действует в основном система предоставления услуг нуждающимся пожилым гражданам и инвалидам (Швеция, Япония, Венгрия), и государства, в которых главную роль играют денежные пособия, которые могут использоваться для получения соответствующих услуг (Австрия, Франция, Чехия).

Опыт организации финансирования обслуживания по уходу в европейских государствах очень разнообразный. В Скандинавских странах успешно действует система ваучеров, позволяющая потребителям выбирать организации и спектр получаемых услуг. Форма социального ваучера представляется достаточно эффективной для повышения уровня доступности и обеспечения свободы выбора для потребителей. В Нидерландах используется схема предоставления денежных пособий для оплаты необходимых услуг (в среднем сумма такого пособия составляет 14 500 евро в год, но его величина варьируется в зависимости от потребностей получателя услуг), при этом предусмотрены минимальные ограничения на использование данного пособия. Во Франции размер пособия варьируется в пределах 530–1200 евро в месяц, но предусмотрена детальная система контроля за использованием данных средств (можно пользоваться услугами только поставщиков, имеющих лицензию, проверяется и целевое использование полученных средств). В Германии действует либеральный режим предоставления и контроля за расходами пособий на уход, но размер денежных пособий (225–685 евро в месяц) во многих случаях не покрывает расходов на оказание необходимых услуг [2, p. 50–52].

Как правило, при назначении денежных пособий для оплаты ухода учитываются не только потребности получателя, но и среднедушевые доходы в семье, где он проживает (есть исключения из данной практики, без учета доходов, только на основании нуждаемости в услугах, назначаются пособия в Австрии и Чехии). Выплата пособий нуждающимся в долгосрочном уходе рассматривается как важный вклад в повышение уровня их независимости. В ряде стран получатель может выбирать между денежным пособием на услуги или получением их в натуральной форме.

Частично вопросы организации домашнего ухода за больными родственниками могут решаться с использованием специальных не оплачиваемых отпусков по уходу. Такого рода длительные отпуска действуют, например, в Бельгии, Франции, Испании, Дании (до 12 месяцев и более), но во многих случаях данный отпуск не является по закону обязательным и работодатель может отказать в его предоставлении. Кроме того, длительные отпуска не оплачиваются. В Германии и Австрии длительность отпуска по уходу может составлять не более шести месяцев, в Великобритании и Нидерландах до трех месяцев. Случаи оплаты продолжительных отпусков по уходу работодателем достаточно редки. В Японии отпуск по уходу продолжительностью до 98 дней оплачивается из расчета 40% от заработной платы работника. В Дании, в случае отказа работодателя выплачивать работнику пособие по уходу за родственником, местные органы власти могут покрывать до 82% расчетной величины этого пособия [2, p. 122–123].

В Скандинавских странах (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция) пособия ухаживающим членам семьи рассматриваются как оплата их труда. Муниципальные структуры, отвечающие за организацию долгосрочного обслуживания нуждающихся граждан, нанимают для этих целей родственников. В Финляндии эта выплата колеблется по разным регионам, но составляет не менее официальной минимальной заработной платы. В других странах Северной Европы соответствующие выплаты эквивалентны почасовой оплате труда обычных помощников по домашнему хозяйству (количество часов работы определяется потребителем), но в основном также колеблются в районе минимальной заработной платы. В англо-саксонских странах (Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия) пособия ухаживающим лицам назначаются после оценки нуждаемости и рассматриваются как компенсация утраченного заработка, при этом получателю услуг также может назначаться пособие или пенсия по инвалидности. Пособие по уходу для помогающего члена семьи, назначаемое после оценки нуждаемости, предоставляется, как правило, только тем, кто занят исключительно уходом, и критерии его выплаты достаточно строгие (поэтому, например, в Великобритании из числа ухаживающих за больными взрослые родственники его получают не более 10%, а сама выплата сопровождается разработкой плана поддержки, включая план по профессиональной подготовке и переподготовке получателя, разрабатываемый местными социальными службами).

Во Франции и Нидерландах действуют программы формального найма родственников для ухода за нуждающимися членами семьи (во Франции кроме супругов). В этих случаях специалисты определяют необходимый объем услуг, а их финансирование осуществляется за счет предоставляемых нуждающемуся в уходе денежных пособий.

Источниками покрытия высокой стоимости услуг по уходу служат специальные или общие налоги, страховые взносы, соплатежи и прямые платежи потребителей.

Условно можно выделить несколько моделей организации и финансирования долгосрочного ухода. *Первая модель* представлена странами, предоставляющими услуги как медицинской, так и бытовой помощи в специализированных учреждениях и на дому в рамках единой универсальной программы. Доля лиц, использующих домашний уход из общего числа, получающих формальную помощь по долгосрочному уходу, колеблется от 55–60% (Бельгия, Швейцария) до 70–80% (Швеция, Япония, Норвегия).

Универсальные программы обеспечивают сестринский и бытовой уход для всех нуждающихся в соответствии с потребностями (статусом зависимости). Они могут предоставляться только для пожилых (Япония, Южная Корея) или для всех возрастных групп, нуждающихся в такой помощи (Нидерланды, Германия). В универсальных программах могут предусматриваться соплатежи самих получателей услуг, но при этом действуют скидки или полное освобождение от оплаты в зависимости от размеров их доходов.

В рамках общей универсальной модели выделяются три модификации. В Скандинавских странах весь комплекс услуг по уходу финансируется из общих и местных налогов. Особенностью данной модификации является значительная автономия местных органов власти в сфере организации и финансирования услуг (вплоть до права устанавливать местные налоги). Государство в свою очередь субсидирует местные органы власти, учитывая структуру населения и величину потребностей в услугах. За счет общественных расходов покрываются и медицинские и бытовые услуги, доля соплатежей незначительна (в общих расходах, например, в Швеции – 4%), а общие расходы на программы по долгосрочному обслуживанию самые большие среди развитых стран (от 2 до 6% ВВП).

Вторая модификация универсальной модели основана на системе обязательного страхования на случай необходимости применения долгосрочного ухода (ее используют Германия, Япония, Республика Корея, Нидерланды, Люксембург). Особенностями организации и финансирования услуг по уходу в данной подгруппе являются разные каналы финансирования медицинских услуг и долгосрочного бытового ухода. Участие в страховании по уходу является обязательным, взносы в основном отчисляются с фонда оплаты труда, но в отдельных странах используется и привлечение к страхованию лиц старших возрастных групп (в Японии данное страхование обязательно для лиц старше 40 лет, в Германии взносы на страхование по уходу делают как все работающие, так и пенсионеры). Часть расходов по организации и оказанию услуг покрывает государство за счет общих налогов.

Третья модификация универсальной модели использует предоставление долгосрочных услуг в рамках общей организации и финансирования здравоохранения. Длительный уход (и медицинский, и бытовой) рассматривается в данном случае как предотвращение рисков, связанных с состоянием здоровья. Примером здесь служит Бельгия. Услуги по уходу предоставляются в стране за счет системы медицинского страхования и осуществляются персоналом центров социального обслуживания как в специализированных учреждениях, так и на дому. Клиенты частично оплачивают получаемые услуги, но до определенного лимита и с учетом их доходов. Кроме этого, на региональном уровне (во Фландрии) введена система специальных страховых взносов на долгосрочный уход (в 2010 г. 40 евро в год с каждого гражданина в возрасте 25 лет и старше).

Доля получателей организованной помощи по долгосрочному уходу среди лиц в возрасте 65 лет и старше составляет в Швеции 5% в стационарных учреждениях и 11 на дому, в Норвегии показатели, соответственно, 5 и 12, в Японии 2 и 10, в Германии 2,5 в стационарах и 7,5% на дому [2, p. 40–41].

Вторую модель организации услуг по уходу можно определить как смешанную: часть услуг (как правило, медицинская помощь) предоставляется всем на основе универсального подхода, другая – (бытовая помощь) с использованием селективных программ в основном на основе оценки нуждаемости (по материальному статусу). Как правило, отсутствуют и какие-либо специальные комплексные программы по обеспечению долгосрочного ухода. В рамках данной модели также можно выделить несколько модификаций или подпрограмм. В ряде государств Южной и Восточной Европы финансирование ухода в сестринских домах входит в компетенцию системы здравоохранения, а ухода на дому с получением необходимых медицинских и бытовых услуг – системы местного социального обеспечения, финансируемого за счет местных бюджетов.

В Италии, например, действуют специальные дома сестринского ухода для пожилых и инвалидов, которые входят в систему учреждений медицинского обслуживания. Ответственность за предоставление услуг на дому разделена между системами здравоохранения и социального обеспечения. Около половины всех расходов по долгосрочному уходу идет на выплату пособий для ухаживающих (как нанятых профессионалов, так и членов семьи). В Чехии ответственность за обеспечение услугами по уходу распределяется между социальными службами, системой здравоохранения и учреждениями различных уровней государственного управления. По закону о социальном обслуживании, действующему в стране, нуждающимся в уходе выплачивается пособие, величина которого зависит от степени потребности в уходе и дохода семьи нуждающегося.

Другую модификацию смешанной системы представляют французский и австрийский варианты, делающие еще больший акцент на систему специальных пособий. Во Франции программа медицинского страхования включает и медицинское обслуживание в специализированных медицинских учреждениях (домах сестринского ухода). Для оплаты дополнительных услуг в стационарах и услуг по домашнему уходу предусмотрены денежные пособия по уходу для лиц в возрасте старше 60 лет, зависящие, в том числе, и от уровня доходов получателя помощи (по данным на 2010 г., размер пособия колебался в пределах 530–1235 евро в месяц). В Австрии размер назначаемого денежного пособия по уходу также определяется степенью нуждаемости и величиной доходов пользователя и колеблется в пределах 154–1650 евро в месяц. Среди лиц в возрасте 60–80 лет данное пособие получают 9%, а в возрасте 80 лет и старше уже 60%. С 2007 г. в Австрии было введено новое дополнительное пособие для лиц, нуждающихся в круглосуточной помощи и уходе. Целью данного нововведения было снизить количество пациентов стационаров, расширив им возможности ухода в домашних условиях.

Система назначения пособий по уходу нуждающимся широко используется и в других странах (Австралия, Испания, Польша, Швейцария). Неотъемлемым элементом системы пособий являются соплатежи пользователей, размер которых колеблется в пределах от 15% до трети расходов на обслуживание. Во Франции в среднем пользователи покрывают самостоятельно 35% расходов на услуги в стационарах и 20% на дому.

В отличие от универсальной модели смешанная модель предоставления услуг по долгосрочному уходу предполагает существенно более значительное финансовое участие пользователей, поэтому доля получающих пособия и услуги более скромная (от 1% в Польше до 10% в Швейцарии). Государственные расходы на оказание услуг составляют около 1,5% ВВП.

Третья модель основана прежде всего на оценке нуждаемости. В странах, использующих эту модель, применяются тесты по оценке нуждаемости для того, чтобы определить тех, кто может рассчитывать на государственную медицинскую помощь и пособия по уходу. Помощь предоставляется только тем нуждающимся, которые не могут самостоятельно оплачивать услуги. К этой группе относится, прежде всего, США. Программа «Медикейд», предназначенная для покрытия медицинских расходов лиц, имеющих доходы ниже установленных в каждом штате минимальных значений, одновременно включает и некоторые затраты на долгосрочный уход: 40% всех расходов по долгосрочному уходу в 2010 г. в стране обеспечивалось за счет средств «Медикейд».

Для большинства стран характерна многоканальная структура финансирования долгосрочного ухода, но в разных моделях делаются разные акценты. В странах Северной Европы (Норвегия, Дания, Швеция) основным

источником средств выступают налоговые поступления (80–90% расходов покрывается из этого источника). В государствах со смешанной моделью доля государственных расходов колеблется в пределах 40–60% (Испания, Польша, Чехия). Доля социального страхования наиболее высока в Нидерландах (90%); во Франции, Германии, Бельгии она составляет около 50%. Собственные расходы получателей помощи в большинстве стран не превышают 30% от общих расходов[3].

Частное страхование услуг по уходу в отличие от пенсионного и даже медицинского страхования на современном этапе не получило широкого развития. Максимальная доля этого вида финансирования в общих расходах на услуги по уходу составляет 5–7% (США и Япония), а в основном не превышает 2% от общих расходов.

Данный вид страхования помогает добиться улучшения качества услуг, обеспечивает возможность выбора и тем самым улучшает качество жизни. Но частное страхование исключает социально наиболее уязвимые категории населения, охватывая самые обеспеченные и пока достаточно узкие слои населения.

Из всех моделей организации и финансирования долгосрочного ухода наиболее привлекательной с социальной точки зрения представляется универсальная, действующая в десяти странах ОЭСР. Главной ее проблемой является сохранение финансовой устойчивости и поиск путей достижения финансовой сбалансированности с учетом прогнозируемого роста потребностей в услугах для все более значительной части населения. Использование универсального подхода к обеспечению услугами долгосрочной помощи не исключает возможность применения и элементов адресности для повышения финансовой эффективности системы. Среди элементов такой адресности могут фигурировать правила определения и отбора нуждающихся в помощи, структура пакета предоставляемых услуг и степень использования соплатежей.

Понятие потребности в уходе само по себе является сложным для определения, в него включается большое число факторов, в том числе физическое, психическое состояние потребителя (пациента), возможности организации семейного ухода, проживание на селе или в городе и др. В Южной Корее, например, действует универсальная система предоставления услуг лицам в возрасте старше 65 лет, но с жесткими критериями отбора с точки зрения потребностей в постороннем уходе [4]. Степень нуждаемости в такого рода услугах в большинстве случаев в странах определяется местными органами

3. В структуре общих расходов на долгосрочный уход соплатежи составляют в Германии и Испании – 30%, в США – 22, в Швейцарии – 60, но с учетом выплачиваемых пособий по уходу эта доля составляет уже 35%.

власти. Подробная методика определения степени нуждаемости разработана в Германии.

При универсальном всеобщем охвате потребителей может использоваться более или менее широкий пакет услуг. Решение о том, какие услуги включать в пакет, должно учитывать и потребности клиентов, и финансово-экономические возможности системы. Например, в Швеции и Дании бытовая помощь (в том числе уборка помещения и приготовление пищи) включается в общий пакет услуг по долгосрочному уходу, но в большинстве других стран они исключены. В то же время все большее число стран считает экономически оправданным предоставлять нуждающимся в бытовом уходе специальные пособия, что может отложить решение ветерана переехать в стационарное учреждение. В специальный пакет социально-медицинской помощи может входить предоставление технических средств и специального оборудования для нуждающихся.

Снижению государственных и общественных расходов на предоставление услуг способствует и система соплатежей. Схема разделения расходов на услуги между государством (на разных уровнях) и потребителем может основываться на определении фиксированного процента от стоимости услуг, который должен оплатить потребитель (до определенного лимита). Эта достаточно простая в плане управления схема соплатежей применяется в странах с универсальными моделями организации услуг (Бельгия, Япония, Корея) [5]. Для нивелирования негативного перераспределительного эффекта в данной схеме (менее обеспеченные вынуждены вносить бóльшую долю своих доходов) используется система социальной помощи.

Другая схема соплатежей предусматривает определение доли доходов, которую пользователь должен внести при получении услуг в качестве платежа (до определенного верхнего лимита). Такого рода практика используется в Финляндии и Швеции. Такую схему сложнее использовать, так как необходимо располагать информацией о доходах и имуществе лиц старших возрастных групп.

Одной из наиболее затратных частей системы долгосрочного ухода являются расходы по размещению в стационарных учреждениях (домах для престарелых, домах сестринского ухода). Данные услуги, как правило, предусматривают соплатежи при всех моделях организации обслуживания (до 80% от доходов пользователя, в том числе и с учетом специальных пособий на уход). Но в моделях, основанных на оценке нуждаемости, получатель должен сначала использовать свои личные ресурсы и накопления и только потом может претендовать на государственную помощь. Поэтому, если число лиц, получающих услуги на дому, растет во всех странах, то в стационарном обслуживании ветеранов действуют разные тенденции.

В заключение следует отметить, что в общей структуре расходов на поддержку лиц старших возрастных групп доля расходов на долгосрочное медицинское и бытовое обслуживание пока невелика, но это лишь результат того, что основная часть этих расходов остается скрытой и осуществляется в рамках межпоколенной семейной солидарности. В будущем финансовая стоимость долгосрочного обслуживания будет нарастать. Развитые в экономическом отношении страны разработали и применяют исключительно разнообразные модели организации и финансирования такого обслуживания. В десяти странах данной группы действуют универсальные программы, в пакет услуг входят и медицинская помощь, и бытовые услуги. На другом конце спектра государственная помощь оказывается только тем, кто не имеет собственных источников для финансирования оплаты услуг или полностью их исчерпал. Кроме этого, действуют различные смешанные программы. Сложным и не имеющим пока однозначного решения остается вопрос, что является более эффективным: объединение медицинского обслуживания и долгосрочного ухода или их организационное и финансовое разделение.

Литература

1. Pensions at a glance. OECD and G. 20 indicators. – Paris, 2013. – 365 s.
2. Long-term care: Growing sector multifaceted systems. OECD. – Paris, 2011. – 324 s.
3. Verbist G., Matsaganis M. «The redistributive capacity of services in the EU» Gini discussion paper N 53, Amsterdam Institute for advanced labor studies. – Amsterdam, 2012. – 37 s.
4. Campbele J., Ikegami N. «Long-term care insurance comes to Japan» Health affairs. Vol 19, N 3, 2010.
5. Pensions at a glance Asia, Pacific 2013.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Борко

ПЯТИДЕСЯТНИКИ

Борко Юрий Антонович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН.

Меня с давних пор занимал вопрос: почему, вспоминая о том, как изменилась жизнь в нашей стране в первое десятилетие после смерти Сталина, и как изменились тогда взгляды и поведение многих и очень разных людей, в основном из среды интеллигенции, но не только, всегда говорят о «шестидесятниках»? Ведь многие из тех, кого поименно относят к «шестидесятникам», громко заявили о себе 1950-е годы, одни – сразу же после смерти Сталина, другие – после XX съезда КПСС и доклада Н.С. Хрущёва о «культе личности». А с этим вопросом соседствует и другой: кого мы имеем в виду, когда говорим – «шестидесятники»? Только тех, кто в силу их таланта, статуса или благоприятных обстоятельств вещал со страниц печатных изданий, главным образом литературных и общественно-политических («толстых») журналов? Или, кроме них, еще множество людей, которые, под их влиянием или самостоятельно, пришли к признанию тех же нравственных ценностей и к критической оценке положения дел в стране, что и авторы нашумевших текстов?

Не так давно появился повод вернуться к этим вопросам. В марте 2011 г. в Горбачёв-фонде состоялась конференция, посвященная «шестидесятникам» и их роли в жизни страны. Известные и уважаемые люди из того и из следующих поколений, очень интересные выступления. Но удивительно: выступает мой ровесник, рассказывает о том, как изменились его взгляды после доклада Хрущёва, упоминает произведения Эренбурга, Дудинцева, Овечкина и т.д., опубликованные в 50-е годы, и называет авторов, а заодно и себя, «шестидесятниками». Поистине магия устоявшегося понятия.

Немного о словах-символах (брендах)

В одной из статей о российском писателе и журналисте Станиславе Рассадине, появившейся, как и другие, сразу же после его кончины, ему приписывалось авторство двух понятий, вошедших в историю послевоенной общественной жизни Советского Союза – «оттепель» и «шестидесятники». Первое мне кажется весьма сомнительным, и я скажу об этом позже. А вот второму понятию дал путевку в жизнь именно Рассадин, опубликовавший в декабре 1960 г., в журнале «Юность» статью «Шестидесятники». Она не прошла тогда незамеченной, и в хронике важнейших событий времен Оттепели, составленной через три десятилетия, отмечен факт ее выхода с лаконичным пояснением – «о писателях нового литературного поколения, их героях и их читателях»[1]. Никакого особого смысла заголовку автор не придавал. Много лет спустя, вспомнив о нем в одной из статей, он заметил вскользь, что «понятие “шестидесятник” заболтано, обессмыслено, да и с самого начала не имело поколенческого смысла, являясь приблизительным псевдонимом времени», и потому он употребляет «сомнительный термин в неизбежных кавычках»[2]. Однако слово вылетело и обрело собственную судьбу.

Читая спустя полвека эту статью, я сделал для себя три открытия. Во-первых, это статья не столько о литераторах, сколько о новом явлении, родившемся в самой гуще жизни. О феномене нового поколения молодежи, не похожего на молодежь 1930-х годов. На него-то и обратили внимание молодые писатели (замечу в скобках – и не только молодые), попытавшиеся понять, в чем же заключается его новизна.

Во-вторых, автор пишет не о шестидесятых, а о пятидесятых годах. Это равным образом относится и к живым лицам или литературным героям, о которых он упоминает, и к датам литературных произведений, посвященных новому поколению молодежи. Тракториста-целинника Егора студент Станислав Рассадин встретил летом 1956 г., отправившись вместе с сокурсниками трудиться на целинных землях Казахстана. Три медика 1932 г. рождения, герои повести Василия Аксёнова «Коллеги», окончили институт и начали трудовую жизнь в 1955 г., а написал он ее в конце 50-х и опубликовал в 1960 г. Повесть М. Бременера «Передача ведется из класса», посвященная школьной жизни, отношениям учеников и их учителей, появилась в «Юности» в 1956 г. Молодежи 50-х годов посвящены и другие упомянутые Рассадиным произведения – пьеса Александра Володина «Фабричная дев-

1. Оттепель 1953–1956. Страницы русской советской литературы. – М., 1989. – С. 471.

2. Рассадин С. Время стихов и время поэтов // Арион. – 1996. – № 4.

чонка» (1956), повести А. Михайлова «День и вечер» (1959) и Николая Дубова «Жесткая проба» («Новый мир», 1960, № 9–10).

В-третьих, и это самое поразительное, в статье не упомянуты ни XX съезд КПСС, ни доклад Н.С. Хрущёва о «культе личности». Вины автора в этом нет. Просто она появилась в самое неудачное время. Вскоре после потрясшего всю страну (да и многие другие страны) рассказа Хрущёва о сталинских преступлениях была дана негласная команда «закрыть» эту тему. В ноябре 1957 г., выступая с докладом на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Октября, он заявил: «Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и отдавать ему должное». Весной 1960 г., чтобы опубликовать дополнительную главу «Так это было» к опубликованной ранее поэме «За далью – даль» (а глава была посвящена встрече с другом, вернувшимся после 17-летнего пребывания в лагерях) Александру Твардовскому пришлось обратиться с письмом к Хрущёву. Тот, прочитав главу, дал ей зеленый свет, после чего ее опубликовали в «Правде» и «Новом мире». Но кто еще из писателей мог пробиться с такой темой к «Первому»? А команда не раскручивать ее продолжала действовать.

Рассадину же пришлось говорить Эзоповым языком. Он лишь однажды намекает на какие-то произошедшие события, да и то словами героев аксёновской повести. Лёша Максимов в споре с Сашей Зелениным о ценности «высоких слов» в сердцах бросает: «Сейчас, когда нам многое стало известно, они стали мишурой». Зеленин возражает: «Нам открыли глаза на то, что мешало идти вперед, – так надо радоваться этому, а не нудить, как ты. Теперь мы смотрим ясно на вещи и никому не позволим спекулировать тем, что для нас свято». Разумеющий – да разумеет. Очевидно, что оба имели в виду XX съезд партии. Но от чьего имени говорил Саша Зеленин – Аксёнова или того поколения, к которому принадлежали автор и его герой? Об Аксёнове могу лишь предположить, что он вложил в уста своего героя слова, которые не вызывали возражений цензуры. Что же до поколения, к которому принадлежу и я, то о нем – отдельный разговор.

Но прежде вспомним еще об одном феномене 50-х годов, который также не назван в статье, а в нем-то вся соль. Речь идет об Оттепели как общественном явлении, которое возникло вскоре после смерти Сталина.

В мае 1954 г. журнал «Знамя» опубликовал повесть Ильи Эренбурга «Оттепель». Произведение маститого писателя и публициста вызвало у читающей публики огромный резонанс и разноречивые отклики. Да и как могло быть иначе, если ее смысл состоял в том, что после смерти Сталина в жизни людей начались некоторые перемены к лучшему и у них появились новые надежды. Название повести стало названием недолгого, но памятного периода

истории нашей страны, закончившегося, по одним оценкам, в 1964 г., а по другим – в августе 1968 г. Но Эренбург не был автором этого понятия.

Небольшое стихотворение, опубликованное в октябре 1953 г. в журнале «Новый мир», вряд ли запомнилось читателям. И тем более вряд ли кто-либо обратил внимание на то, что оно было написано пять лет назад, в 1948 г. Его автором был поэт Николай Заболоцкий, арестованный в 1938 г. и освобожденный после шестилетнего пребывания в тюрьмах и лагерях НКВД. А главным редактором журнала был Александр Твардовский, который дал путевку в жизнь не одному произведению пятидесятников. Стихотворение было посвящено началу весны, а в октябре, когда его опубликовал журнал, леса и парки уже полыхали осенней красно-желтой листвой. Называлось оно – «Оттепель». И как не предположить, что публикация стихотворения не была случайной. В ней был скрытый смысл, который был понят и принят Эренбургом, давшим своей повести это название.

Оттепель и пятидесятники

Зная о том, как скончалась Советская власть, мы вправе назвать Оттепель временем несбывшихся ожиданий. Костер надежд то разгорался (лето 1953 – осень 1956-го), то едва тлел (осень 1956 – октябрь 1961-го), то вновь принимался (октябрь 1961 – октябрь 1964-го), а затем стал быстро затухать, пока не был окончательно раздавлен 21 августа 1968 г. армадой советских танков, закатавших в землю первые ростки «Пражской весны». И все-таки Оттепель не прошла бесследно. Она породила новые веяния в литературе, искусстве и общественной мысли, напомнила об извечных нравственных ценностях и дала новое направление умам. И так как начало всему этому было положено в 50-е годы минувшего века, тех немногих творческих людей, которые стояли у истоков этих веяний, правильнее было бы именовать не шестидесятниками, а пятидесятниками. Это не покушение на устоявшееся понятие. Я полностью согласен с некоторыми участниками конференции в «Горбачёв-фонде», в частности с Виктором Кувалдиным и Мариэттой Чудаковой, в том, что шестидесятников надо рассматривать как конкретный исторический феномен. На мой взгляд, это феномен 60-х годов, не раньше и не позже.

Между шестидесятниками и их предшественниками была не только глубокая общность. Между ними были и различия. Если говорить о пятидесятниках как глашатаях Оттепели, то их отличали три признака: почти все они вступили во взрослую жизнь в предвоенное десятилетие или в Отечественную войну; все они исключительно литераторы – писатели, журналисты, драматурги и поэты; в их произведениях не было и намека на оппозицию советской власти и правящей партии.

В упомянутой хронике важных событий Оттепели перечислены 25 авторов опубликованных в 50-е годы произведений, вызвавших, по мнению ее составителя Сергея Ивановича Чупринина, наибольший литературный и общественный резонанс. Почти все они – участники Отечественной войны, за исключением троих, родившихся в 30-е годы, – Аксёнова, Гладилина и Евтушенко. Большей частью, солдаты или командиры рот и взводов, пехотинцы, саперы, связисты, артиллеристы, один танкист. Да и те, кто работали военкорами в дивизионных и армейских газетах, нередко, особенно в первые, самые тяжелые годы войны, непосредственно участвовали в боях. Не воевали в буквальном смысле этого слова ленинградская поэтесса, блокадница Ольга Берггольц, Твардовский и Эренбург. Но кто возьмется утверждать, что они не были активными участниками той войны?

Все они (исключая Илью Эренбурга) родились в промежутке между началом XX в. и серединой 1920-х годов. Самые старшие помнили времена Гражданской войны и Новой экономической политики (НЭПа). Все прошли через 30-е годы с их вопиющими контрастами. Воспринимали они все происходившее по-разному: у одних были репрессированы родители или близкие родственники, других эта судьба миновала. Они переосмыслят это время позже, когда задумаются над трагической связью между репрессиями, в том числе уничтожением большей части высшего и старшего комсостава Красной армии накануне войны и ее катастрофическим началом. Это поколение вынесло на себе основную тяжесть войны и стало ее главной жертвой. «Немногие вернулись с поля». Вернулись с чувством исполненного долга и самоуважения, горькой памятью о погибших фронтовых друзьях и надеждами на лучшее. Но уже вскоре они стали свидетелями возрождения казарменно-лагерных порядков, напоминавших 30-е годы, и, как знать, возможно, и дошло бы до их повторения в таких же масштабах, если бы не смерть Сталина, прощание с которым сопровождалось кровавой трагедией на Трубной площади.

Оттепель и пятидесятники (продолжение)

Им было, что сказать. Вопрос заключался в том, появится ли у них возможность, и если да, то решатся ли они сказать больше, чем было принято говорить в только что минувшем прошлом, когда ценой неосторожного слова была лагерная зона и сама жизнь. Уход диктатора породил надежды, но стране, находившейся в оцепенении, нужен был сигнал. Ни на конференции в «Горбачёв-фонде», ни на предыдущей, тоже посвященной «шестидесятникам» (она состоялась в мае 2006 г. в театре на Таганке), никто не вспомнил, что сигнал пришел оттуда, откуда только и мог прийти в ту пору, – ***сверху***. Была целая серия сигналов, один другого ошеломительнее. В апреле, после

трехмесячной истерии по поводу изобличенных «врачей-убийц», страну потрясло сообщение о том, что всё это сфабриковали сотрудники Министерства государственной безопасности СССР во главе с заместителем министра Рюминым; группа выдающихся советских медиков, проходивших по этому «делу», была реабилитирована и освобождена, а виновные лица осуждены и большей частью расстреляны. Это был первый случай публичного разоблачения преступных действий сотрудников карательных органов, если не за всю их историю с 1918 г., то уж точно со второй половины 1920-х годов. А 10 июля последовало еще более ошеломляющее сообщение: на Пленуме ЦК КПСС был «разоблачен» член Политбюро Л.П. Берия, обвиненный в действиях, «направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала» и «вероломных попытках» поставить Министерство внутренних дел над правительством и правящей партией. Низвергнув всесильного шефа карательных «органов», высший партийный синклит вернул себе полный контроль над ними и всей страной. Вскоре втихую начался пересмотр других сфабрикованных дел о подпольных «антисоветских» организациях. В столице появились люди, вернувшиеся из лагерей, иные в стеганых ватниках, с котомками за плечами, наподобие одного из героев пронзительного фильма «Холодное лето 1953 года». Об этом ничего не сообщалось, но страна уже давно привыкла жить «слухами», как именовалась тогда передававшаяся из уст в уста неизвестно откуда и как просочившаяся закрытая информация.

Были сигналы и другого рода. 19 марта «Литературная газета» («ЛГ»), орган Союза советских писателей (ССП), выдала передовую статью «Священный долг писателя», согласно которой самая важная задача советской литературы состояла теперь в том, чтобы запечатлеть для современников и грядущих поколений «образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина». Через неделю, в «Литературке» появилась еще одна передовица, объявлявшая важнейшей задачей советской литературы достойное отображение «великих дел нашего народа, его борьбы за коммунизм». Имя Сталина в статье не было упомянуто ни разу. Людям, родившимся после 1991 г., возможно, уже непонятен сакральный смысл передовых статей. Это официоз – статья, выражающая точку зрения руководства страны или, как минимум, той организации, в чьем ведении находится данная газета или журнал. Действительно, появлению второй статьи предшествовал звонок в редакцию и Секретариат ССП секретаря Центрального комитета КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва, потребовавшего отстранить от руководства газетой ее главного редактора Константина Симонова. Весть об этом быстро распространилась и произвела большое впечатление в столичных литературных кругах. С середины апреля имя Сталина фактически исчезло со страниц центральных газет.

В июле 1953 г. газета «Правда» опубликовала очерк журналиста Валентина Овечкина «На переднем крае», открывший цикл его очерков «Районные будни». Автор повествовал о трудных буднях и наболевших проблемах сельской жизни. Рассказывал со знанием дела, спокойно и беспафосно, вопреки набившей оскомину приторной патетике произведений об успехах колхозно-совхозной системы и счастливой жизни сельских тружеников. Секрет появления этого очерка в главной партийной газете открылся скоро: в сентябре состоялся пленум ЦК КПСС, посвященный сельскому хозяйству. На нем же был восстановлен пост первого секретаря, который занял Хрущёв. Публикация «Районных будней», с ведома и при поддержке «сверху», была единственным случаем такого рода, и решающую роль в этом сыграл «Первый», считавший тогда приоритетной сферой своей деятельности сельское хозяйство.

Вряд ли кому-нибудь «в верхах» могло прийти в голову, что очерк Овечкина положит начало негустому, но не прерывавшемуся в 50-е годы потоку «оттепельной» литературы. Тем не менее ячейки цензорского сита несколько расширились. В декабре 1953 г. «Новый мир» опубликовал статью Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Искренности – вот чего, на взгляд автора, «не хватало иным книгам и пьесам». Неискренность – не обязательно ложь; это и «деланность вещи», «лакировка действительности». Автор не затронул впрямую тему нравственного выбора литераторов и не называл имен, но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы вызвать переполох в литературном мире и у партийных идеологов. В феврале 1954 г. в журнале «Театр» была опубликована пьеса Леонида Зорина «Гости» – о жизни трех поколений семьи, где дед – старый большевик, его сын – переродившийся партийный чиновник, а внук – студент, дружащий с дедом и ненавидящий отца. В апреле Фёдор Абрамов публикует статью «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» («Новый мир», № 4), поименно называя авторов-лакировщиков, изображающих колхозную жизнь, как «праздничный фейерверк». Появляются новые очерки В. Овечкина в серии «Районных буден», первая часть повести И. Эренбурга «Оттепель». В сентябре 1955 г. Сергей Смирнов публикует книгу «Крепость над Бугом» – первый открытый призыв вспомнить и отдать дань уважения забытым, опороченным и даже репрессированным героям первых дней и недель войны.

Уже в этих произведениях выплыла ключевая тема «пятидесятников» – взаимосвязь нравственного и гражданского начал в жизни человека, в его поведении и деятельности. И, естественно, в литературном творчестве. Но в полную силу она прозвучала в 1956 г., под непосредственным воздействием ключевого события 50-х годов – состоявшегося в феврале XX съезда КПСС. В марте–декабре 1956 г. было опубликовано полтора десятка произведений, вошедших в литературный фонд пятидесятников. Их появление стало возможным потому, что после доклада Хрущёва и принятого в июне постанов-

ления ЦК КПСС «О культе личности и преодолении его последствий» главный форпост цензуры Главлит на некоторое время утратил четкие критерии – что «дозволено» и что «не дозволено» пропускать в печать. Некоторые из этих произведений оказались в центре внимания широкого круга читателей, вызвали острую дискуссию в литературных кругах, переполох в руководстве ССП и негативную реакцию в партийных инстанциях, особенно тех, которые ведали вопросами идеологии, культуры, пропаганды и агитации.

Реакция эта была неадекватной. На конференции в «Горбачёв-фонде» не раз повторялось, что шестидесятники придерживались разных убеждений, были среди них и антикоммунисты, противники существующего строя. Это вполне возможно, хотя имен никто не назвал, а в 50-е годы истинные убеждения советских граждан были тайной за семью печатями. Но для анализа того, что сделали и чего не сделали пятидесятники, это не имеет значения. Общественную значимость имели их тексты, которые, прежде чем они были опубликованы, прошли тройную цензуру – авторскую, редакционную и Главлита. Но дело было не только в цензуре. Значительное большинство авторов были членами правящей партии, вступившими в нее большей частью – и это очень важно – в годы войны, как правило на фронте. Они не покушались на основы и символы. А помышляли они, самое большее, о некоторых переменах, которые сделали бы советский социализм более справедливым и гуманным, согласующимся с изначальными нравственными ценностями. По сути, они желали того, что в Чехословакии десятью годами позже будет названо «социализмом с человеческим лицом».

Тексты и неконтролируемые ассоциации

Надо сказать, что думающему читателю и тогда было видно, что авторы отнюдь не всегда были искренними, к чему призывал их В. Померанцев, и что их тексты содержат лишь толику правды, вперемежку с полуправдой и неправдой. Это не в упрек им. Они сделали то, что могли сделать в то время: рассказали читателям несколько историй – о конкретном человеке, действующем и размышляющем в конкретных обстоятельствах; о конкретных событиях или ситуациях, открывающих новые стороны в отношениях между людьми и заставляющих их думать и поступать иначе, чем они привыкли. Что же вызвало поток «крутых» оценок и зловещих обвинений, которые обрушились на пятидесятников?

Мы вернемся к этому вопросу позже. А самое простое объяснение, на мой взгляд, звучит так: некоторые истории были рассказаны с такой художественной достоверностью и убедительностью, что, независимо от того, задумано было это автором или нет, читатель, приближаясь к концу повествования, начинал улавливать глубинный, скрытый смысл произведения, его подтекст.

Возникал тот самый эффект «неконтролируемых ассоциаций», который пыталась, но так и не смогла обуздать советская цензура.

Деревня оказалась одной из главных тем пятидесятников. Помимо серии очерков Овечкина, это рассказ Александра Яшина «Рычаги» и «Деревенский дневник» Ефима Дороша, рассказ Николая Жданова «Поездка на родину» и повести Владимира Тендрякова «Не ко двору» и «Ухабы». Это роман Фёдора Абрамова «Братья и сёстры», законченный в 1956 г., дважды отвергнутый редакциями столичных журналов и все же опубликованный в 1958 г. в ленинградском журнале «Нева». Это не было случайностью. Здесь сошлось многое. И то, что едва ли не половина авторов-пятидесятников либо родились в деревне, либо их родители, перебравшись когда-то в город, сохранили связи с деревенскими родственниками или друзьями детства и воспринимали всё, что там происходило как что-то непосредственно их затрагивающее. И то, что первые два очерка Овечкина, нежданно опубликованные в «Правде», так сказать, пробили дорогу в печать другим произведениям на эту тему. А за всем этим стояло бедственное состояние колхозов и всей деревенской жизни в первые послевоенные годы, особенно в европейской части страны, исключая разве что черноземный Юг.

Авторы деревенских текстов не понаслышке знали о самых трагичных и самых фальсифицированных страницах истории коллективизации сельского хозяйства. Как и о том, что на войне деревня потеряла почти все мужское население и все военные годы жила впроголодь, только за счет небольших приусадебных хозяйств, так как почти все собранное зерно колхозы вывозили в государственные закрома, получая за него гроши. В названных произведениях нет ни слова о том, как проходила коллективизация (расстрелы, арестантские эшелоны, лагерные зоны, голод в 1932–1933 гг.). На эти темы было наложено табу. Но авторы нарисовали такое безрадостное полотно жизни послевоенной советской деревни, что живописать ее так, как раньше, было уже невозможно, и сам собой возникал вопрос об истоках и корнях.

Задумался об этом и главный персонаж рассказа Н. Жданова «Поездка на родину». Павел Алексеевич Варыгин, ответственный чиновник столичного учреждения (кабинет, секретарша, стопка служебных бумаг, ждущих его подписи), возвращается в Москву после похорон матери в деревне, расположенной к северу от Москвы. В ожидании поезда он коротает время в разговорах с местными жителями. С соседом-стариком, зашедшим с четвертинкой помянуть усопшую; с соседкой, солдатской вдовой Деревлёвой, выложившей ему все, что она думает о колхозной жизни и местной власти; с молодой акушеркой, арендовавшей у матери пол-избы, где она устроила акушерский пункт; с ее женихом, инженером с машинно-тракторной станции, который рассказал о тяжелом состоянии большинства колхозов в их районе и пожаловался на «казенных бодрячков», которым нет дела «до настоящего дела». Сев в поезд,

Варыгин никак не мог отделаться от чувства какой-то вины. «Сон не шел, и сквозь тягучую дрёму воображение рисовало ему бревенчатые кресты на фоне серого неба, длинную тесовую скамью вдоль стены, старый самовар в углу, накренившийся набок. За струганым столом сидит мать, лицо у нее маленькое и темное, как было в церкви; *она подвигается к нему и спрашивает с надеждой и ожиданием, как спрашивала солдатка Деревлёва: Верно ли, нет ли с нами сделали?»*[3]. Поиск ответа на этот вопрос автор оставляет на усмотрение читателя.

И неизбежно возникала обжигающая тема – крестьянин и власть. Та местная власть, с которой он имел дело изо дня в день. Их отношения складывались в двух измерениях – личностном и производственном. И в обоих случаях власть выглядела неприглядно, равнодушная к жизни крестьянских семей, их быту и заботам, однако неукоснительно взимавшая двойную дань – хлебопоставки и налоги – с сельских тружеников и старательно обустраивавшая собственную жизнь.

Один из шедевров литературы пятидесятников – рассказ Александра Яшина «Рычаги»[4]. В сельском клубе мужчины в ожидании начала партийного собрания ведут невеселый разговор о посевной кампании – о том, что райком требует пустить лучшие поля под зерновые, вопреки утвержденному колхозниками плану оставить эти земли для льна – традиционной для их климатической зоны и выгодной для колхоза культуры, а приступить к пахоте требует немедленно, хотя земля еще не подсохла, и т.д. На собрании председатель колхоза сообщает, что райком настоял на своем и им надо принять «правильную» резолюцию. Идет обсуждение. «Расхождений во мнениях, – комментирует автор, – не обнаружилось, как не было их и во время той дружеской беседы до начала партийного собрания; правда, *сейчас согласованность и единодушие проявлялись несколько в ином, можно сказать, обратном значении».* Приняв резолюцию, собрание заканчивается. Участники расходятся, и по пути к дому «возобновился разговор о жизни, о быте, о работе – *тот самый, который шел до собрания*».

Вряд ли автору было известно, и уж точно он не читал вышедший в 1949 г. роман-антиутопию «1884», в котором Джордж Оруэлл, подобно хирургу, препарировал организм тоталитарного государства, показав, что одной из его базовых характеристик является «двоемыслие». Но именно этот феномен Яшин запечатлел с фотографической четкостью, и не удивительно, что его рассказ стал одной из главных мишеней критиков-ортодоксов, ополчившихся на литераторов-пятидесятников.

3. Оттепель 1953–1956. – С. 414.
4. Литературная Москва. Сб. второй. – М., 1956. – С. 502–513.

Тема власти и управления, уже не на сельском, а городском материале, громко прозвучала в небольшом рассказе Даниила Гранина «Собственное мнение» и в романе Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Сюжетный стержень рассказа[5] – конфликт между директором крупного проектного института, расположенного в энском городе, от которого сутки езды до Москвы, и молодым сотрудником этого института. Директор, Владимир Пахомович Минаев, знакомится со статьей инженера Ольховского, который убедительно доказывает неэкономичность новых двигателей конструкции академика Строева. Минаев полностью согласен с инженером. Ольховский даже симпатичен ему; он сам был таким в молодости, когда пришел работать на Сельмаш и вскоре вступил в спор с главным конструктором, предложив свой вариант решения одного технического вопроса. Но Строев является ведущим и самым авторитетным специалистом в этой области технологии, а ему, Минаеву, предстоит в ближайшее время утверждение в должности директора на коллегии министерства, которому подчинен институт, и академик с его-то связями может повлиять на решение коллегии в любую сторону. Конечно, молодому инженеру надо будет помочь опубликовать статью, но пока надо придержать ее и к тому же смягчить, убрав имя Строева и смягчив кое-где критику.

Это и предлагает Минаев в разговоре с Ольховским, но тот категорически отказывается. Более того, он пишет письма в горком партии и в министерство, критикуя «трусливую политику Минаева». Его возмущает уже не столько судьба собственной работы, сколько *«природа той вязкой, непробиваемой преграды, на которую он наткнулся впервые в жизни».* Не встретив понимания со стороны инструктора горкома партии Локтева, Ольховский критикует его на партийном собрании за «тупое равнодушие к живой мысли».

Накануне отъезда на коллегию министерства Минаева вызывают в горком. Заходит разговор и об Ольховском. Локтев предложил уволить его из института как склочника и отправить на опытную станцию в другой город. Истинные мотивы предложения были Минаеву понятны, но возражать он не стал, пообещав закончить разговор по возвращении из Москвы. И на обратном пути, когда Минаев сидит и курит один в купе полупустого спального вагона, происходит эпизод, имеющий ключевое значение для понимания поведения советской номенклатуры. На фоне ночной черноты в двойном зеркальном стекле вдруг возникли сразу два Минаева: тот, молодой, в потертом пиджачке студенческих времен, и этот – изрядно располневший, в полосатой пижаме и с папиросой во рту. Тогда их, выступивших наперекор, было трое – он и двое друзей. Сначала уволили одного друга, потом второго. Очередь была

5. Гранин Д. Собственное мнение // «Новый мир». – 1956. – № 8. – С. 129–136.

за Минаевым, и он сделал вид, что смирился. Надо пойти в обход, сначала добиться независимости, а потом отстаивать собственное мнение и громить бюрократов. И он терпел, он поддакивал и голосовал «за» вопреки собственной совести. А когда становилось нестерпимо – молчал. Минаев поднимался по ступеням, но каждый раз возникали какие-то обстоятельства, мешавшие высказать собственное мнение. «Еще рано. Всякий раз было еще рано!» Список его долгов рос, и *«чем выше он забирался, тем меньше он становился самим собой. Тем труднее ему было рискнуть».* И теперь тот, молодой, спорил с этим, постаревшим, который успокаивал молодого, что так-де сложились обстоятельства, и обещал помочь Ольховскому, как только они изменятся к лучшему. «И был еще третий Минаев», комментирует их спор автор, «который знал, что никогда этого не будет. *Он всегда будет хитрить с самим собой, ...не имея сил вырваться из плена собственного двоедушия. У него всегда будут оправдания. Он всегда будет стремиться стать честным завтра»*[6]. Писатель не утверждает, что Минаевым несть числа, и, повествуя об эволюции своего героя, не называет ее перерождением. Однако именно эти ассоциации возникают у мыслящего читателя.

Среди всех произведений пятидесятников наибольший, можно сказать, небывалый по тем временам резонанс вызвал роман «Не хлебом единым»[7]. В первую очередь, своей масштабностью. В. Дудинцев рассказал читателю поистине эпопею борьбы талантливого и бескомпромиссного изобретателя-одиночки Дмитрия Лопаткина за то, чтобы добиться признания и запуска в производство придуманной им машины. Борьбы, длившейся не один год и втянувшей в себя десятки людей. Борьбы, в которой Лопаткину противостояла вся советская система управления, начиная с Николая Ивановича Дроздова, директора комбината, на котором работал изобретатель, и включая министерство, поддержавшее директора, а также областные партийные органы и просто «органы», продолжавшие и после памятных событий 1953–1954 гг. играть роль опричнины уже под партийным контролем. Борьбы, не оставлявшей никаких шансов Лопаткину, но тем не менее выигранной им, несмотря ни на что и вопреки всему. Роман не мог завершиться иначе, потому что автор не мог себе позволить этого то ли по идейным, то ли по цензурным соображениям. Но ценой такого сюжета был диссонанс между первой половиной романа, повествующей о злоключениях героя, и второй – о чудодейственном перевоплощении Лопаткина из жертвы в победителя. Первая часть была жизненной и сочной, вторая – бледной и неубедительной. Для думающего читателя это несоответствие было очевидным.

6. Гранин Д. Собственное мнение // «Новый мир». – 1956. – № 8. – С. 135, 136.
7. «Новый мир». – 1956. – № 8–10.

Выступая 22 октября 1956 г. на обсуждении романа, организованном секцией прозы Московского отделения СП, Константин Паустовский сказал, что он не собирается говорить о литературных достоинствах или недостатках романа, дело сейчас не в этом: «Роман Дудинцева – это первое сражение с дроздовыми, на которых наша литература должна накинуться, пока они не будут уничтожены в нашей стране»; «Книга Дудинцева – это беспощадная правда, которая единственно нужна народу на его трудном пути к новому общественному строю. Книга Дудинцева – это очень серьезное предупреждение: Дроздовы не уменьшились, они существуют» и даже «процветают»; «Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашей страной, ни с социализмом»[8]. Такие слова в советских аудиториях давно не звучали.

Была еще одна общественно-значимая тема, более локальная, но чрезвычайно важная для интеллигенции, занятой в сфере литературы и искусства, культуры и науки в целом – тема свободы творчества. Тема крайне острая, потому что вопрос о партийном руководстве культурой, в том числе процессом литературного творчества, обсуждению не подлежал. Тем не менее после XX съезда и он был поднят. В «Заметках писателя»[9] ленинградский драматург Александр Крон выступил против «административного стиля руководства искусством». Главное внимание он уделил театральному искусству, которое, по его мнению, переживало серьезный застой. Причины – «игнорирование объективно существующих законов художественного творчества, гипертрофия редактуры, создание бюрократической иерархии в искусстве». Автор подверг жесткой критике навязанную чиновниками теорию бесконфликтности, вынуждающую драматурга к лакировке действительности. Он резко высказался против бесправия драматурга, полностью зависящего и от редакций журнала, и от администрации театров, не говоря уже о «многочисленных инструкторах и инспекторах», присутствующих при сдаче готовых спектаклей и зачастую решающих их судьбу. А. Крон говорил – «театр», а подразумевал – всю сферу культуры. Это подтвердил заключительный тезис автора: «Необходимо решительно покончить с рецидивами политики кнута и пряника в искусстве»[10]. Да-да, в искусстве, а не только в театре.

Статья прозвучала как манифест в защиту свободы литературного творчества, хотя такая формула в тексте отсутствовала. Она была первой публикацией такого рода. Но еще до нее тема свободы творчества писателя прозву-

8. Краткая запись речи Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым» // http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/bio/ne-hlebom-edinym.htm

9. Крон А. Заметки писателя // Литературная Москва. Сборник второй. – М., 1956. – С. 781–790.

10. Там же. – С. 789.

чала в ряде устных выступлений. В июне того же года на состоявшемся в Доме литераторов семинаре, посвященном литературной жизни в странах народной демократии, Ольга Берггольц заявила, что пора освободиться от такого наследия периода культа личности как «всем известное догматическое постановление 46 года»[11]. А в ноябре К. Симонов, выступая на межвузовском совещании по вопросам изучения советской литературы, к изумлению присутствующих подверг резкой критике это же постановление ЦК КПСС, назвав его устаревшим и предложив принять другой документ, который открыл бы дорогу новым силам советской литературы[12].

К. Паустовский был прав, назвав роман В. Дудинцева крупным общественным явлением. Это определение относилось не только к названному роману, но и к ряду других произведений пятидесятников. Но в этом и крылась для них опасность.

Крестовый поход против пятидесятников

В потоке обвинений, которые вскоре обрушились на пятидесятников, – тех, кто наступил на больные мозоли системы, иногда проскакивали неожиданные откровения. Выступая в марте 1957 г. на пленуме Московской организации писателей с докладом о некоторых проблемах развития прозы, один из забойщиков разоблачительной кампании Дмитрий Ерёмин выразил сожаление по поводу того, что «в прошлом году появились и такие произведения, в которых авторы… не учли обобщающей силы искусства»[13]. Признание, как говорится, не в бровь, а в глаз!

Но то что мимоходом и сквозь зубы процедил Ерёмин, моментально и гораздо раньше оценили читатели первых же произведений пятидесятников. «Первые ласточки оттепели, – вспоминала о них Лилианна Лунгина, – неслыханной смелости статьи в “Новом мире”, ставившие под вопрос священные понятия: соцреализм и партийность литературы. В первую очередь – статья Померанцева “Об искренности в литературе”. Номер с этой статьей исчез из киосков в мгновенье ока – шел нарасхват»; мы, пишет она, получали журнал по подписке, «и у нас собралось человек пятнадцать друзей, чтобы почитать вслух»[14]. Это происходило в тысячах, может быть, десятках тысяч квартир, где в небольших компаниях доверяющих друг другу людей обсуждались статья Померанцева, очерки Овечкина, эренбурговская «Оттепель». Обсуж-

11. Оттепель. 1953–1956. – С. 470.

12. Там же. – С. 476.

13. Оттепель.1957–1959. – С. 370.

14. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дорфмана. – М., 2010. – С. 233.

дали их и мы, друзья-однокурсники, недавно получившие дипломы об окончании исторического факультета МГУ.

И точно так же, но с противоположным отношением, восприняли эти произведения люди, которые в силу своего служебного положения, взглядов и / или избранной роли в литературном мире, были призваны или сами вызвались охранять идеологическую чистоту советской культуры. Декабрьский номер «Нового мира» со статьей Померанцева дошел до массового читателя в первой половине января 1954 г., а уже 30 января в «ЛГ» появилась статья «С неверных позиций», в которой автору было высказано несколько критических замечаний, пока еще в спокойной манере, без хлестких фраз и обвинений. Они последовали в феврале, после того как вышел второй номер журнала «Театр» с пьесой Л. Зорина «Гости». Через 40 лет автор в беседе с журналистом, бравшем у него интервью, сказал, что это была пьеса «о перерождении нашей власти, нашего высшего круга, о неприкрытой буржуазности нашего высшего эшелона»[15]. Сюжет и текст были настолько очевидными, что реакция последовала немедленно. Пьеса была обсуждена на специально созванной коллегии Министерства культуры СССР и признана «враждебной» и «клеветнической».

А дальше все пошло по накатанному пути. В последующие месяцы и вплоть до конца года не прерывался поток критических статей в центральных газетах и некоторых журналах. За привычное дело – бичевать «оступившихся» – взялись критики-тяжеловесы, мастера литературного мордобоя Владимир Ермилов и Борис Рюриков, а заодно с ними писатели Всеволод Кочетов и Михаил Шолохов. Если не считать двух новых очерков Овечкина из серии «Районных будней», опубликованных, как и первый, в «Правде» (28.02-01.03. 1954. и 30.08-01.09.1954), вне критики не осталось ни одного произведения, в котором присутствовал, в той или иной степени, дух Оттепели. Помимо Померанцева и Зорина, постоянными мишенями стали статьи Ф. Абрамова, М. Лифшица и М. Щеглова в «Новом мире», в которых были названы и получили нелицеприятную оценку некоторые писатели-«лакировщики». Вновь пошли в ход знакомые по сталинским временам формулировки: «искаженные образы советских людей», «клевета на советскую действительность», «идейная незрелость» и т.п. Не миновали критики, хотя и более осторожной, «мэтры». Как оказалось, «Оттепели» Эренбурга и роману Веры Пановой «Времена года» недостает «идейной ясности», подмененной «абстрактным душеустроительством». В том же ключе проходили заседания отделений ССП в Москве и Ленинграде, партийные собрания московских и ленинградских писателей.

15. http://www.ourbaku.com/index.php

Главные действия предпринимались за кулисами. 19 мая к секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову были приглашены Твардовский и Симонов, в беседе с которыми он дал резко критическую оценку статье Померанцева и деятельности редколлегии «Нового мира». «Скорее всего, придется уходить из журнала», – записал в дневнике Твардовский общее впечатление от визита[16]. Так оно и случилось. 4 августа Секретариат ЦК КПСС принял постановление, осуждающее ошибочную линию редакции журнала и рекомендовавшее освободить Твардовского от обязанностей главного редактора. 9 августа состоялось заседание редколлегии журнала, которое открыл секретарь ССП А.А. Сурков. Ознакомив присутствующих с постановлением ЦК, он сказал: «Некоторые товарищи, печатавшие статьи, и авторы этих статей подумали, что у нас происходят какие-то существенные перемены, …что после смерти товарища Сталина будет не так, как было при Сталине, …что решения Центрального Комитета, принятые после 1946 года, устарели»[17]. 11 августа президиум ССП осудил «неправильную линию» журнала «в вопросах литературы» и вместо А.Т. Твардовского назначил главным редактором «Нового мира» К.М. Симонова.

Это была кульминация кампании, призванной навести порядок в советском литературном хозяйстве. Очевидно, «наверху» решили, что дело сделано. На встрече руководителей КПСС и Советского государства с писателями, состоявшейся 13 декабря в связи с предстоящим Вторым Всесоюзным съездом советских писателей, сидевшие за столом президиума «люди большого государства», как засвидетельствовал в своем дневнике Твардовский, были «внимательны, осторожны и сдержанны в репликах»[18]. Соответственно был срежиссирован и сам съезд, открывшийся через два дня в Большом Кремлевском дворце. В содокладе секретаря ССП К. Симонова, посвященном проблемам развития прозы, были осуждены и «повышенный интерес к одним теневым сторонам жизни», и «ложное приукрашивание». И имена прозвучали как «критиканствующих», так и «лакировщиков». На трибуну выходили литераторы не просто разные, но антиподы – Эренбург и Кочетов, Яшин и Рюриков, Ольга Берггольц и Грибачёв. Говорили «свое», однако от стрельбы по мишеням воздерживались. В этой усыпляющей тональности съезд и завершился. Если вспомнить, что он состоялся ровно через 20 лет после Первого съезда советских писателей, то его можно назвать пустопорожним. Спасибо и на том, что дело обошлось без кровопролития. А эффект его выразился в том, что на следующий год не появилось ни одного произведения, вызвав-

16. Твардовский А. Из рабочих тетрадей // «Знамя». – 1989. – № 7. – С. 137.

17. Заседание редколлегии журнала «Новый мир», 9 августа 1954 г. // Н. Бианки. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». – М., 1999. – С. 121–122.

18. «Оттепель. 1953–1956. – С. 444.

шего такой же общественный резонанс, как статья Померанцева или очерк Овечкина.

Длившееся больше года затишье на литературном фронте взорвал XX съезд КПСС. Именно после него были опубликованы произведения пятидесятников, в которых с наибольшей силой проявилась «обобщающая сила искусства», на которую так посетовал Д. Ерёмин. О некоторых из них было сказано выше. Роль авангарда, как и в 1953–1954 гг., играл «Новый мир». Журнал, воспоминала Людмила Алексеева, «способствовал не только распространению идей либерализма, но и сплочению его приверженцев: опознавательным знаком единомышленников стал "торчащий из кармана" очередной [его. – *Ю.Б.*] выпуск»[19]. Только руководил журналом уже не А. Твардовский, а К. Симонов – один из секретарей ССП и член Ревизионной комиссии ЦК КПСС, шестикратный лауреат Сталинской премии за период с 1942 по 1950 г. То, что Симонов открыл дорогу произведениям, которые, а он это понимал, не понравятся партийным и литературным консерваторам, оказалось для них, да и не только для них, большой неожиданностью. Но, если вдуматься, Симонов действовал согласно своим убеждениям. Он был человеком Веры; глубоко верил в правоту коммунистической идеи и партии, которая решила эту идею воплотить в жизнь; поверил в очистительную силу XX съезда партии – и именно поэтому дал дорогу пятидесятникам: Дудинцеву, Гранину, Тендрякову, Кирсанову, Кардину…

В 1956 г. тираж «Нового мира» составлял 140 тыс. экземпляров. Произведения пятидесятников публиковали и другие журналы: из «старых» – «Октябрь», «Знамя», «Театр», «Звезда», к которым прибавились новые – «Нева» (с апреля 1955 г.), «Юность» (июнь 1955 г.), «Наш современник» (март 1956 г.), «Молодая гвардия» (июль 1956 г.). Их суммарный тираж превышал 800 тыс. экземпляров, их аудитория насчитывала несколько миллионов думающих читателей, которым были понятны ассоциативные смыслы текстов. Власть имущие и вправду испугались «обобщающей силы» литературы, особенно ее воздействия на чувства и умы молодого поколения. Партийные «верхи» тревожились не напрасно.

Первой мишенью нового «крестового похода» против пятидесятников стал роман Дудинцева. Вряд ли можно ошибиться в том, что в ЦК КПСС и КГБ на следующий же день стало известно о состоявшемся в конце октября обсуждении романа на заседании секции прозы Московского отделения ССП: о положительных оценках, которые дали ему Всеволод Иванов, Симонов, Тендряков, Овечкин и другие известные писатели, о призыве Паустовского изгонять из нашей жизни «дроздовых». Его речь, вспоминал Лев Копелев,

19. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. – М., 1992. – С. 195.

перепечатывали и распространяли первые самиздатчики, а позже ее стали изымать при обысках как «антисоветский документ»[20]. Наэлектризованность атмосферы, возникшей вокруг романа, к концу октября многократно возросла из-за начавшегося в Венгрии восстания против репрессивного режима, установленного коммунистической партией во главе с Матьяшем Ракоши. Москва квалифицировала восстание как «попытку контрреволюционного переворота» и в начале ноября ввела в Будапешт советские войска, сломившие в результате жестоких боев сопротивление восставших. Самые рьяные противники Оттепели и всего, что с нею связано, заговорили об идейной связи между вдохновителями «венгерской контрреволюции» и «критиканствующими» столичными литераторами. 22 ноября в «ЛГ» было опубликовано открытое письмо 35 советских писателей, которые, полемизируя с французскими писателями, осудившими советское вторжение в Венгрию, назвали действия Советского Союза правомерными. Через два дня к ним публично присоединилась еще одна группа писателей (31 подпись). Среди тех, кто подписал эти письма, были К. Паустовский, И. Эренбург, А. Твардовский и некоторые другие авторы-пятидесятники.

Готовившуюся кампанию против нездоровых идейных тенденций в литературе эти подписи остановить не могли. 15 декабря в «ЛГ» появилась передовая статья «Литература служит народу», в которой говорилось, что, несмотря на «некоторые достоинства» романа «Не хлебом единым», «писателю не хватило верного, широкого взгляда на жизнь, чтобы всесторонне показать процессы, которые происходят в обществе»[21]. Еще раньше на высоком уровне было принято решение остановить подготовку к изданию романа двумя издательствами – Гослитиздатом и «Молодой гвардией» – тиражом в два с половиной миллиона экземпляров. В начале декабря два секретаря ЦК КПСС Е.А. Фурцева и П.Н. Поспелов подписали документ, в котором Гослитиздату было рекомендовано отказаться от издания романа «в связи с идейными недостатками этого произведения». Вместе с тем издательству «Молодая гвардия» было разрешено выпустить роман тиражом 30–50 тыс. экземпляров, чтобы «лишить демагогических элементов» поводов для утверждений, будто бы он «запрещен». Однако руководство ЦК ВЛКСМ во главе с А. Шелепиным («железным Шуриком», как его негласно называли), в подчинении которого находилась «Молодая гвардия», воспротивилось этому, и «Не хлебом единым» выпустило в свет издательство «Советский писатель». Было это уже в марте 1957 г.; тираж был срезан до 30 тыс. экземпляров[22].

20. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. Анн Арбор, 1988. – С. 47.
21. Оттепель. 1953–1956. – С. 479.
22. «Архив. В. Горбунов. 25.03.1957». Ф. 5. Оп. 36. Д. 37. Л. 1.

Между тем 26 ноября был подписан к печати и в декабре отпечатан альманах «Литературная Москва. Сборник второй». Выпущенный тиражом в 75 тыс. экземпляров, восьмисотстраничный сборник исчез с прилавков в считанные дни. И не удивительно: его без преувеличения можно назвать квинтэссенцией оттепельного, пятидесятнического духа. Вошли в него и самые «неудобные» для власти произведения – рассказы А. Яшина и Н. Жданова, писательские заметки А. Крона. А были в нем еще и «Деревенский дневник» Ефима Дороша, и статьи Ильи Эренбурга – о поэзии Марины Цветаевой, и Марка Щеглова – о реализме современной драмы. Предвидела это или не предвидела редакционная коллегия, в которую входили, в частности, М. Алигер, К. Паустовский, В. Каверин, А. Бек, Э. Казакевич и В. Тендряков, но выход сборника был расценен в партийных кругах и в правлении ССП как вызов, чуть ли не как формирование центра идейной оппозиции. Их реакция не заставила себя ждать.

Новый крестовый поход против «отступников» отличался от кампании двухлетней давности. На этот раз высокие партийные инстанции выступили сразу и открыто. Список опальных литераторов намного увеличился; в нем значилось более трех десятков имен. Критика стала более жесткой и политизированной. Наибольшей интенсивности она достигла в 1957 г., но продолжалась, почти без пауз, до конца десятилетия.

Началом ее можно считать состоявшиеся в конце января 1957 г. партийные собрания писательских организаций Москвы и Ленинграда. Помимо названных выше произведений Дудинцева и Гранина, Яшина и Крона, критике подверглись поэма Семена Кирсанова «Семь дней недели» и стихи только что заявившего о себе Евгения Евтушенко, речь Паустовского в защиту «Не хлебом единым» и предложения Берггольц и Симонова пересмотреть принятые после войны партийные постановления по идеологическим вопросам. В феврале журнал «Коммунист» (№ 3), главный теоретический орган партии, опубликовал редакционную статью «Партия и вопросы развития советской литературы и искусства». Ее смысл состоял не столько даже в перечислении и критике авторов «идейно порочных» произведений, сколько в том, чтобы подчеркнуть «немеркнущее значение» упомянутых постановлений ЦК ВКП(б). С января и все последующие месяцы шел поток статей, в которых назывались всё новые произведения, занесенные в список «идейно незрелых» и «несостоятельных» в трактовке «сложных вопросов жизни». В него попали писатели Ю. Нагибин, В. Тендряков и М. Бременер, драматурги А. Володин и А. Штейн, некоторые стихотворения Маргариты Алигер и Бориса Слуцкого, литературные критики В. Кардин, Л. Жуховицкий и М. Лифшиц.

13 мая на встрече руководителей партии и государства с участниками назначенного на следующий день правления ССП выступил Н.С. Хрущёв. Распалив себя, как с ним нередко бывало, разносом романа В. Дудинцева

и сборника «Литературная Москва», он оглоушил замерший зал зловещей репликой: «Мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов»[23]. Это выступление предопределило содержание и атмосферу правления ССП, осудившего «отдельных литераторов», которые поставили под сомнение линию партии в области литературы. До конца 1957 г. трижды были проведены партийные собрания московских писателей, в том числе дважды вместе с партийной организацией правления ССП, где продолжалась «проработка» провинившихся литераторов. Им были адресованы такие формулировки, как отступление от «генеральной линии литературы социалистического реализма» и «ревизия основ нашей советской действительности».

Каких-то пять-шесть лет назад такие обвинения могли стоить «разоблаченным» писателям головы. Но времена были уже иные. В декабре 1954 г. был реабилитирован первый из расстрелянных в 1930-е годы советских писателей Исаак Бабель. Вскоре такие же решения были приняты в отношении Бруно Ясенского, Михаила Кольцова, Бориса Пильняка, Ивана Катаева. После XX съезда партии при секретариате ССП была создана комиссия по литературному наследству репрессированных писателей. Состоявшийся в конце июня 1957 г. Пленум ЦК КПСС вывел из состава руководящих органов «антипартийную группу Г.М. Маленкова, В.М. Молотова и Л.М. Кагановича», которой, среди прочего, было поставлено в вину намерение обелить имя Сталина и упрятать в архив всё, что связано с судебными процессами и репрессиями 1930-х годов. Так что подобная участь «оступившимся» литераторам не грозила. Тем не менее политические обвинения могли очень серьезно сказаться на их дальнейшей творческой деятельности, да и на их жизненных судьбах.

В первоянварской статье 1958 г., опубликованной в «ЛГ», писатель Михаил Алексеев назвал одним из главных итогов минувшего литературного года то, что он показал «сколь мала группка нигилиствующих очернителей, окопавшихся» вокруг журнала «Новый мир» и альманаха «Литературная Москва»[24]. Эта оценка ситуации в литературном мире стала стержневой в последующих документах, отразивших позицию руководства ССП. 18 мая 1959 г. в Большом Кремлевском дворце открылся Третий съезд писателей СССР. Выступивший с докладом секретарь ССП А. Сурков, осудив ревизионистские, правооппортунистические и очернительские тенденции, которые проявились в произведениях некоторых литераторов, отрапортовал, что «большинство тех, кто допустил ошибочные высказывания или искаженно изображал …явления действительности, осознали свои недавние заблужде-

23. Оттепель. 1957–1959. – М., 1960. – С. 376.
24. Там же. – С. 397.

ния и проявили стремление освободиться от них в дальнейшей своей литературной деятельности»[25]. На состоявшемся месяцем позже московском собрании писателей один из руководителей Союза писателей Российской Федерации С. Сартаков заявил, что «это было принципиальное столкновение двух политических точек зрения, в котором все нападки ревизионистов на линию партии потерпели закономерное и полное поражение»[26].

Если отвлечься от стилистики, то фактический итог борьбы с «ревизионистами» и «очернителями» зафиксирован достаточно точно. Кучка литераторов, осмелившихся приоткрыть занавес и показать некоторые сцены из реальной советской жизни, образно говоря, обнаружила себя стоящей посреди площади, а по ее периметру рассредоточились кольцом их собратья по перу, при вражде и агрессии одних, испуге других, равнодушии третьих и молчаливой симпатии четвертых. И большинство, как уведомил всех А. Сурков, признало свои ошибки. Однако в этих фактах – не вся правда и не только правда. В них не все было сказано о большинстве и ничего – о меньшинстве. А ведь Померанцев, Дудинцев и тем более Эренбург, как и выступившие в их защиту Паустовский и Каверин, речей покаянных не произносили. Не каялись и молодые поэты, Евтушенко и Рождественский, чьи стихи тоже попали под критику. Все они были беспартийными, а признавались в своих ошибках литераторы-коммунисты – А. Твардовский, С.С. Смирнов, Н. Дементьев, К. Симонов, О. Берггольц, М. Алигер, А. Бек, Э. Казакевич[27]. Признавались на партийных собраниях, которым, по замыслу организаторов разоблачительной кампании, надлежало стать главной ареной промывания мозгов. Партсобрания – не литературные форумы. У большевиков они давно стали ристалищем для идейных и политических баталий, а в 1930–1940-е годы превратились в некое подобие аутодафе, где изобличались и клеймились «враги народа». Отмолчаться было невозможно, а отстаивать свою правоту никто из писателей-коммунистов не был готов: можно предположить, что кто-то из них считал в принципе неприемлемым для себя вставать в оппозицию партии и власти, а кто-то находил это бессмысленным и самоубийственным. Так что для каждого из них это было вынужденное признание и компромисс с самим собой.

25. Оттепель. 1957–1959. – М., 1960. – С. 420.

26. Там же. – С. 423.

27. Оттепель. 1953–1956. – С. 436, 440–441; Оттепель. 1957–1959. – С. 381–382, 392. О том, как реагировали на критику коммунисты Д. Гранин, В. Тендряков и А. Яшин, сведений не сохранилось. Можно предположить, что у них также не оставалось выбора, кроме как признать свои ошибки, но точный ответ могли бы дать стенограммы партийных собраний, если они сохранились в архивах ССП и других писательских организаций.

Это был не худший компромисс. В связи с выходом в Италии романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (ноябрь 1957 г.) и присуждением ему Нобелевской премии по литературе (октябрь 1958 г.) в СССР была развернута небывалая по масштабам и хамству кампания против автора. Среди тех, кто подписался под письмами, осуждающими Пастернака, или выступил с осуждающими его речами, были Твардовский, Дудинцев, Симонов, Овечкин, Яшин, С.С. Смирнов, В. Панова и другие литераторы-пятидесятники, а также близкие к ним поэты Слуцкий и Мартынов. О некоторых из них, например о Вере Пановой и Борисе Слуцком, известно, что они до конца жизни не могли простить себе этого поступка. А Твардовский уже через два месяца после этой истерии, закончившейся так же быстро, как она возникла, записал в своих рабочих тетрадях: «Из Пастернака мы сделали "мученика" …сами сделали, своей высокомудрой глупостью»[28].

Полностью перекрыть клапан литературе, пахнущей воздухом Оттепели, духом пятидесятничества, партийным консерваторам и ретроградам не удалось. На верхнем этаже партийного руководства такая задача и не ставилась. Там считали необходимым наглухо закрыть путь произведениям, которые ставят под сомнение «основы». Более того, возможно, посчитав, что принятых мер – публичной порки провинившихся и ужесточения цензуры – достаточно, секретарь и член Президиума ЦК КПСС Е.А. Фурцева предложила сделать обратную рокировку – вернуть на пост главного редактора «Нового мира» Твардовского вместо сменившего его в 1954 г. Симонова. В июне 1958 г., после одобрения этой инициативы Хрущёвым, секретариат правления ССП утвердил назначение Твардовского. Правда, в своей редакционной политике он был поставлен в настолько жесткие условия, что не раз задумывался над тем, правильно ли он поступил, приняв предложение вернуться в «Новый мир».

В 1958–1960 гг. в печати не появилось ни одного произведения, которое по своей остроте и общественной значимости стояло бы вровень с романом «Не хлебом единым» или яшинскими «Рычагами». Практически была закрыта и тема сталинизма. Твардовскому, написавшему к поэме «За далью – даль» новую главу, посвященную двойственной роли Сталина в истории страны, пришлось обратиться лично к Хрущёву с просьбой прочесть и дать добро на ее публикацию. Хрущёву, по словам его помощника В.С. Лебедева, глава «очень понравилась», и ее под названием «Так это было» тотчас же опубликовала «Правда» (29.04.1960), а затем и «Новый мир» (1960, № 5)[29].

Вместе с тем именно в эти годы в повестях Ю. Бондарева («Батальоны просят огня», 1957), Г. Бакланова («Южнее главного удара», 1958; «Пядь

28. Твардовский А. Из рабочих тетрадей // «Знамя». – 1989. – № 9. – С. 168.
29. Там же. – С. 183–184.

земли», 1959) и В. Богомолова («Иван», 1958) по-новому зазвучала тема Отечественной войны – как повседневного, неимоверно тяжкого солдатского труда. Герои этих произведений стояли насмерть. Но они не бросали громких слов, не вставали в атаку с лозунгом «За Родину! За Сталина!», и официозная критика окрестила новую литературу о войне «окопной» или «лейтенантской прозой». С трудом пробил себе путь роман Ф. Абрамова «Братья и сестры» о тяжелой, на грани выживания, жизни вологодской деревни («Нева», 1958, № 9). А в 1960 г. появились последние из резонансных произведений пятидесятников – упомянутая выше глава «Так это было» А. Твардовского, первая часть воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» («Новый мир», 1960, № 8 и 10) и первая повесть В. Аксёнова «Коллеги» («Юность», 1960, № 6, 7).

50-е годы кончились, пятидесятники остались в истории. В 2013 г., к 80-летию со дня рождения Роберта Рождественского, вышла книга его стихов и воспоминаний о нем. Рассказывая о Роберте и своих отношениях с ним, Булат Окуджава вспомнил о тех временах, когда они вышли на поэтическую арену, и тех людях, которые стояли у истоков новых веяний в литературе и жизни. «А что касается шестидесятников, – размышляет он, – я вообще-то не очень хорошо понимаю это слово. Я думаю, что это небольшая группа людей, чья общественно-полезная деятельность началась в пятидесятые годы. Интеллигенция. Интеллектуалы. Мыслящие люди. Люди, у которых был не протест против коммунизма вообще, а протест против искажения этой замечательной идеи»; они внесли «свою лепту в дух общества», заставили «людей задумываться»[30]. Пятидесятники заставили задуматься над тем, что представляет собой советское общество и государство, в какой мере они соответствуют провозглашенным идеалам и нравственным ценностям, идее коммунизма. В частности, задуматься и над тем, в какой мере правящая партия готова выслушивать своих граждан, в первую очередь мыслящих людей, стремящихся сотрудничать с ней на основе и во имя реализации ее собственной программы. По сути, пятидесятники, сами того не осознавая, поставили эксперимент с целью выяснить, каковы границы дозволенного свободомыслия. Как выяснилось, пространство дозволенного оказалось куцым. Эксперимент завершился, и в этом смысле пятидесятники сделали свое дело. Дальнейшие их творческие и жизненные судьбы были разными, но для большинства из них минувшее десятилетие стало временем пересмотра взглядов и избавления от иллюзий. Это определенно относится к Аксёнову, Гладилину, Некрасову, Абрамову, Дудинцеву, Тендрякову, Яшину и ряду других пятидесятников, самые значительные произведения которых были написаны в следующие десятилетия.

30. Рождественский Р. Мгновения, мгновения, мгновения… – М., 2013. – С. 328.

В 1960 г. произошли три события, оставшиеся тогда неизвестными для широкой публики, но, как выяснилось позже, послужившие как бы мостками от 50-х к 60-м и далее к 70–80-м. Зимой 1959–1960 гг. Александр Гинзбург выпустил первый номер машинописного журнала «Синтаксис»[31]. До своего ареста в июле он успел отпечатать три выпуска. Так начиналась история советского «самиздата». Ее продолжил В. Осипов, выпустивший в ноябре первый номер нового машинописного журнала «Бумеранг»[32]. В декабре на заседании редколлегии «Знамя» прошло обсуждение книги Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», подписавшего в мае договор с редакцией о публикации этого романа. Это был первый случай, когда редакции советского журнала было предложено произведение, в котором действующие лица обсуждали и критически оценивали историю развития советского общества и государства, не обходя такие острые темы как репрессии 1930-х годов, проявления и причины антисемитизма и т.д. Роман, как и следовало ожидать, был единодушно признан антисоветским и отвергнут[33]. Фактически он был провозвестником появившихся позже произведений А. Солженицына, Ю. Домбровского, В. Шаламова. Но все это, а также многое другое прояснилось значительно позже.

31. Оттепель. 1960–1962. – М., 1990. – С. 449.
32. Там же. – С. 468.
33. Там же. – С. 457, 469–471.

Д.В. Мельник

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Мельник Денис Валерьевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН, доцент НИУ «Высшая школа экономики».

Связь науки и политики в советскую эпоху прослежена исследователями на многих примерах. Еще одна иллюстрация – становление советской экономической науки на примере истории политико-экономического (с 1949 г. – экономического) факультета Ленинградского государственного университета времен разворачивания идеологических кампаний рубежа 1940–1950-х годов и «ленинградского дела», сказавшегося на факультете особенно тяжело. Несмотря на частный характер и экстремальность условий, этот пример подтверждает некоторые более общие выводы, сделанные другими исследователями ранее.

При написании статьи использовались материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Экономическая наука в послереволюционной системе высшего образования

Советская политэкономия занимала особое положение в ряду марксистско-ленинского обществоведения. Ее официальная генеалогия возводилась к наследию К. Маркса, а через него – к классической политической экономии. Октябрьская революция и последующий опыт строительства социализма выступали эмпирическим подтверждением правоты классиков и доказательством прогресса как в истории общества, так и в истории пролетарской науки. Экономическое учение являлось квинтэссенцией марксизма, и в той системе координат политэкономия вполне обоснованно претендовала на статус «царицы наук». В стране победившей пролетарской революции именно она должна была теоретически обобщать опыт социалистического строительства и указывать кратчайший путь построения коммунистического будущего как

для Советской России, так и для всего мира. Эта схема обладала, однако, одним существенным (хотя и тщательно скрываемым за риторическим фасадом) изъяном. Говоря коротко, политэкономия как наука, обладающая всеми вышеперечисленными характеристиками, в арсенале большевиков отсутствовала.

Это утверждение, безусловно, не означает отсутствия марксистской экономической науки как таковой. Но, *во-первых*, единства среди ее последователей не было уже на рубеже XIX–XX вв.: попытки приложения идей К. Маркса к миру, существенно изменившемуся за четверть века после его смерти, привели к образованию внутри марксизма направлений, находящихся в непримиримой вражде между собой. Это в полной мере проявилось и в российском марксизме. Большевизм как один из продуктов его раскола был чем угодно, только не академическим течением. Даже те большевики, которые обладали теоретическими задатками, никогда не ставили перед собой преимущественно теоретических задач. Они брались за перо для подавления оппонентов, для отклика на злобу дня, для пропаганды своих идей, для постоянного утверждения собственного исключительного права на владения истиной в толковании «учения».

Во-вторых, в стране победившего социализма перед наукой вставали преимущественно дидактические задачи – и при этом совершенно иного порядка по сравнению с теми, которые решались в дореволюционной кружковой работе. Она должна была конструировать реальность для новых поколений людей огромной страны, должна была, обучая, убеждать и подтверждать. Для этого в ее арсенале необходимо было включить не только сложные «диалектические» построения, но и ясные базовые схемы. Примером подобной схемы в «марксистской» истории стала знаменитая «пятичленка». Но и ее пришлось специально «изобретать» – у самого Маркса в таком виде схема формационного подхода отсутствовала. Казалось бы, в этом отношении марксистская политическая экономия с чеканным «товар-деньги-товар» вполне способна дать фору той же истории, имевшей как наука длительное «буржуазное» прошлое. Но, например, А.А. Богданов, один из авторов первого и по сути модельного учебника по марксистской политэкономии в России и участник базового для последующих советских изданий перевода «Капитала», исходил из необходимости отхода от «диалектического материализма» как от рудимента «гегельянства», затрудняющего восприятие сути учения Маркса [см.: 6, с. 118–119]. Защитники ортодоксии эту идею с ожесточением критиковали, но определенности в том, что именно является «живым и творческим» применением диалектического материализма, а что – отходом от него, так и не достигли, используя обвинения по этому поводу во внутрипартийной борьбе. И это относилось к декларируемой методологической основе относительно проработанного раздела «политэкономии капитализма». Теоре-

тическим ядром советской экономической науки должна была стать политическая экономия социализма. Однако официально тезис о наличии в социалистической экономике объективных экономических законов, определяемых сохранением товарного производства и «закона стоимости», был утвержден лишь в ходе дискуссии по макету учебника политической экономии 1951 г., причем споры (порой ожесточенные) о природе, роли и месте этих законов продолжались все последующие десятилетия, угасая вместе с советским экспериментом.

Помимо аналитических проблем, становлению советской политэкономии препятствовали и факторы институционального порядка. Для успешного распространения знаний среди относительно массового круга учащихся требовалась особая система учебных заведений и наличие квалифицированных исследователей и преподавателей. В области естественных дисциплин советская власть довольно рано стала привлекать крупных исследователей дореволюционной формации. В области общественных дисциплин, которые должны были быть подчинены строгим идеологическим требованиям, одной внешней демонстрации лояльности было недостаточно. Нужны были собственные «кадры», систему для подготовки которых требовалось создавать фактически с нуля. Первые опыты формирования такой системы на обломках дореволюционных университетов, в частности в виде созданных факультетов общественных наук (ФОНов), с точки зрения идеологических задач оказались в целом неудачны, и они были быстро свернуты. Это не означает провала в учебной работе. Так, ФОН, созданный вскоре после революции в Петроградском университете, собрал большинство оставшихся в городе после революции исследователей. Среди его выпускников были первый и второй деканы открытого в 1940 г. политико-экономического факультета ЛГУ А.А. Вознесенский (по окончании обучения он был направлен на кафедру политической экономии по рекомендации А.И. Буковецкого и И.М. Кулишера) и В.В. Рейхардт. В 1921–1924 гг. на нем обучался будущий лауреат мемориальной премии А. Нобеля в области экономики В.В. Леонтьев. Но в области общественных наук идеологические задачи изначально носили приоритетный характер. После нескольких попыток реорганизации и усиления контроля за учебными планами ФОН Ленинградского университета в 1925 г. был закрыт.

Не обладая эффективными механизмами подчинения преподавательского состава, новая власть пыталась осуществлять партийный контроль снизу, со стороны «сознательного» студенчества, периодически проводя при этом кампании по «пролетаризации» высшей школы. Однако успехи в реализации этой стратегии приводили к провалам в образовательной области [см.: 1]. Кадровый голод был важным фактором, препятствующим установлению жесткого контроля сверху. Одной из его вероятных причин можно считать довольно низкую оплату, не привлекавшую молодых и амбициозных людей

и вынуждавшую преподавателей вести жизнь своеобразных «фрилансеров», ведя занятия одновременно в нескольких учебных заведениях (нечто подобное происходило и после распада СССР). Всеобщая система по «интериоризации» идеологического контроля (за исключением спорадических попыток давления со стороны различных партийных инстанций и репрессий) в 1920-е годы создана не была. В конечном итоге с конца 1920-х годов был взят курс на «отехничивание» образования, в том числе и в экономической области, а попытки развивать теоретическую подготовку фактически свернуты.

Можно предположить, что «старорежимные» университеты изначально рассматривались как пережитки прошлого, терпеть сохранение которых вынуждал кадровый голод и нехватка ресурсов. Основная ставка в области общественных дисциплин, видимо, изначально делалась на формирование собственной системы партийной подготовки «с нуля». Такие учреждения, как Коммунистическая академия, Институт красной профессуры и задумывались как «кузницы пролетарских кадров». Определенные успехи достигнуты были (преимущественно в Москве). Но репрессии 1930-х годов новую генерацию партийной науки (равно как большевистских теоретиков дореволюционной закалки) уничтожили практически полностью.

С точки зрения государства к концу 1930-х годов провал в подготовке специалистов-теоретиков в области общественных дисциплин (в том числе и в политической экономии) стал очевиден. В этом был усмотрен опасный «уклон» с последующим выявлением ответственных за него «вредителей» и «врагов народа» из числа руководителей высшего образования. Но последовали и меры организационного характера. Всесоюзный комитет по делам высшей школы (созданный в 1936 г.) развернул деятельность по разработке единых учебных планов, в том числе и по общественным дисциплинам, началась работа по обеспечению курсов учебниками и учебными пособиями (в их числе – и учебником политической экономии, работа над которым, как известно, затянулась: в 1951 г. состоялась известная дискуссия по его макету, проходившая под пристальным вниманием И.В. Сталина, сам же учебник вышел лишь в 1954 г.).

Именно в русле этих изменений политэкономия возвращается в университеты. В Ленинградском государственном университете на базе исторического факультета в 1939 г. открывается политико-экономическое отделение. В 1939/40 учебном году из одной группы студентов IV курса отделение «развернулось в составную часть университета с кадрами слушателей на трех курсах» [11, с. 286]. 3 июля 1940 г. вышел приказ ВКВШ № 535 об открытии с 1 сентября 1940 г. политико-экономического факультета ЛГУ[1]. Факультет

1. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 582. Л. 32.

функционировал в составе двух кафедр: политической экономии (заведующий – профессор А.А. Вознесенский) и конкретных экономик (заведующий – профессор Я.С. Розенфельд). В число преподавателей входили А.И. Буковецкий, В.В. Степанов, Я.С. Розенфельд, В.М. Штейн, В.В. Рейхардт, М.Ю. Бортник, С.Д. Зак. Многие из них начали свою научную и преподавательскую деятельность еще в предреволюционный период, затем преподавали в том числе и на экономическом отделении ФОНа. В предшествующий началу войны 1940/41 уч. г. на политико-экономическом факультете ЛГУ обучались около 200 студентов и 15 аспирантов [11, с. 286].

В предвоенный период присвоение ученой степени еще рассматривалось как своего рода «довесок» к званиям доцента и профессора, присвоение которых продолжало зависеть в большей степени от совокупности научно-педагогических заслуг и занимаемой должности. Вероятно, такое положение стало рассматриваться как препятствие к регулированию и планированию в области численности работников высшего образования. Отчасти это подтверждается и на примере В.В. Рейхардта. Защитив в годы войны, в эвакуации, диссертацию на соискание степени доктора экономических наук на своем факультете, он не оформил полностью необходимые документы по этому поводу в Москве. Тем не менее вплоть до начала разгрома факультета он числился доктором наук. «Выявленный» факт стал одним из пунктов обвинения против него. Но курс на ужесточение правил присуждения степеней обозначился еще до начала «ленинградского дела». Уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., было принято очередное нововведение, согласно которому двухступенчатая классификация ученых званий (доцент – профессор) приводилась в соответствие с двухступенчатой системой ученых степеней (кандидат наук – доктор наук). От наличия степени стала зависеть и заработная плата [13, с. 134–135]. Но еще на конец 1940-х годов во всем СССР насчитывалось лишь около 100 докторов экономических наук (более половины из них работали в Москве и Ленинграде), а в год проходило по три-четыре защиты докторских диссертаций.

В годы войны новый факультет вместе со всем университетом оказался в эвакуации в Саратове. Вскоре после этого назначенный ректором ЛГУ А.А. Вознесенский стал одновременно и ректором Саратовского университета. После реэвакуации, в 1948 г., он получил пост министра просвещения РСФСР. «Персона нон грата, но брата», – в шутку отзывался о нем академик Е.В. Тарле, намекая на младшего брата ректора, председателя Госплана СССР, заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского. Связь на высшем уровне играла, очевидно, важную роль, но не подлежит сомнению организационный талант и способности А.А. Вознесенского. Эта связь оказалась губительной с началом одной их последних репрессивных кампаний сталинской эпохи – «ленинградского дела».

«Ленинградское дело» в контексте ситуации послевоенных лет

Тоталитарная система не исключала, а предполагала взаимодействие власти и общества, власти и индивида. Одним из важных элементов этого встречного взаимодействия, помимо конструирования представлений и убеждений, выступал рациональный расчет. Власть умела предоставить набор стимулов, нужная реакция на которые отвечала не каким-либо душевным склонностям или «сознательности», а интересам. «Правильное» поведение, таким образом, нередко выступало предметом рационального, а не морального выбора. Однако власть при этом не любила и не хотела быть предсказуемой, периодически создавая необходимость угадывать предстоящие изменения курса и получая возможность наказывать и поощрять по итогам – по своему усмотрению. В отношении таких периодов одному крупному историку приписывали следующую фразу: «Сказали бы, что танцевать» [5, с. 14–15].

Именно в послевоенные годы окончательно оформляется фасад тоталитарной системы. Но за этим фасадом разворачивались процессы, в картину однородной и прочной среды никак не укладывающиеся. На международном уровне военная коалиция союзников стремительно разрушалась. В условиях первых конфликтов блокового противостояния СССР формировал собственную сферу доминирования. Внутри нее также вспыхивали конфликты, самым заметным из которых стал разрыв с Югославией. Это отражалось не только на официальной риторике, но и на системе сложившегося внутри страны в военные годы баланса сил и интересов. Но и само советское общество после войны стало другим, более сложным. Реакцией на это усложнение стала попытка цементирования.

Власть (и, прежде всего, сам вождь как ее олицетворение) стремилась избавиться от ставших ненужными атрибутов военного времени, подавить точки излишней самостоятельности или авторитета, будь то на личном или институциональном уровнях. Никакие «союзники» более не были нужны. Стартом этого процесса можно считать статью «Товарищ Эренбург упрощает», опубликованную в «Правде» 14 апреля 1945 г. Вскоре последовали удары по военным. Ярким свидетельством «похолодания» общественно-политического климата стало постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. Оно было «предостережением для всех гуманитариев, хотя далеко не все и не сразу это поняли» [5, с. 51].

Но в этом процессе важно было не только подавлять, но и приучать. Власть проецировала на различные сферы общественной жизни тенденции на вершине иерархической пирамиды, облекая их в понятные образы. Важным элементом процесса стало проникновение в умы, конструирование в них бес-

проблемной и правильной реальности, заслоняющей реальные проблемы. Очевидно, что наука, образование, искусство и литература оказывались при этом в зоне особо пристального внимания. Работники этих областей должны были играть по новым правилам игры (характеристику этой «игры» и различных связанных с нею ритуалов см.: 10). Эти правила они разучивали на различных «дискуссиях», «обсуждениях», моделируемых по примеру получавших широкое освещение печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г., «дискуссии по языкознанию» и пр. На таких мероприятиях люди (если отведенные им роли не были отрепетированы заранее) попадали в условия полной неопределенности, в обстановку искусно поддерживаемой травли, в которой любой мог оказаться в роли загонщика или в роли жертвы.

Важно отметить, что и здесь «кнут» сочетался с «пряником». Для вузовских преподавателей уровень материального обеспечения был существенно повышен и поставлен в четкую зависимость от ученой степени, должности и звания. Для молодых людей, приток которых в науку увеличился, выстраивались четкие перспективы карьеры с понятными формальными и неформальными правилами игры.

Но и внутри партии, на всех ее уровнях, происходили постоянные сдвиги в балансе сил. Мишенью «ленинградского дела» стали представители новой генерации советских руководителей, родившиеся, как правило, в первое десятилетие XX в., пришедшие в партию на рубеже 1920–1930-х годов, сделавшие, еще будучи молодыми людьми, мощный карьерный рывок на волне репрессии 1937–1938 гг. и закрепившие свое положение и авторитет во время войны. После войны именно они составили костяк партийных структур, формировали региональные «группы интересов» и активно теснили представителей «старой гвардии» на самом высоком уровне, в окружении Сталина. Они небезосновательно надеялись на безоблачное будущее. Позднее западные историки назовут эту генерацию «поколением Брежнева», видя в них главных выгодополучателей советского строя. Как раз рациональных расчетов на будущее тоталитарная система стремилась не допускать, в том числе и среди самых высокопоставленных лиц.

«Ленинградское дело», в отличие от процессов 30-х годов, носило «внутриэлитный» характер и в тогдашней печати не освещалось, доходя до обывателей в основном в виде слухов. Но для элит оно, несомненно, стало шоком. Угрозу для себя и произвол ощутили не только «ленинградцы» (хотя поплатились почти исключительно они). Непосредственным его следствием на самом верху властной пирамиды стало оттеснение более старых и уничтожение более молодых претендентов на руководящие роли группировкой Г.М. Маленкова (1902–1988) и Л.П. Берии (1899–1953), а также примкнувшего к ним, по некоторым сведениям, Н.С. Хрущёва (1894–1971).

Посвященные «ленинградскому делу» публикации рубежа 1980–1990-х годов, при всей значимости, носили в основном публицистический характер. Из научных работ последних лет самое емкое изложение этого процесса в контексте сталинской системы управления представлено в книге О. Хлевнюка и Й. Горлицкого [17].

Главной мишенью «ленинградского дела» стали члены группы выходцев из ленинградской партийной организации, связываемые с фигурой А.А. Жданова (1896–1948). Позиции самого А.А. Жданова и Н.А. Вознесенского (1903–1950) существенно усилились в 1945–1946 гг. за счет «старых» членов ближнего круга. В 1946 г. секретарем ЦК, курирующим в том числе и кадровые вопросы, становится еще один выходец из Ленинграда, А.А. Кузнецов (1905–1950). К высокопоставленным «ленинградцам» относился и А.Н. Косыгин (1904–1980), бывший с 1946 г. кандидатом в члены, а с сентября 1948 г. ставший членом Политбюро. Однако аппаратные позиции А.А. Жданова ослабились в июле 1948 г., когда он передал часть своих полномочий Г.М. Маленкову, считавшемуся его противником. Решением Политбюро он был отправлен в отпуск для поправки здоровья, и в августе 1948 г. умер. Первоначально это не сказалось на позициях других «ленинградцев», но с января следующего года по ним стали наносить удары. Уже через месяц, в середине февраля 1949 г., А.А. Кузнецов, председатель Совмина РСФСР М.И. Родионов (1907–1950), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома П.С. Попков (1903–1950) были сняты со своих должностей. Н.А. Вознесенскому на время удалось отвести удар. Но через несколько недель, в марте, он также был снят со всех постов. В августе 1949 г. начались аресты. Арестован был и А.А. Вознесенский. Н.А. Вознесенский был арестован в конце октября[2]. В самом Ленинграде старт репрессиям был дан в конце февраля 1949 г., когда под руководством Г.М. Маленкова был проведен пленума обкома и горкома.

«Ленинградское дело» и экономический факультет ЛГУ

«Охота на ведьм» затронула все научно-образовательные центры города и продлилась несколько лет, сопровождаясь периодическими рецидивами, такими как, например, разгон и закрытие в апреле 1953 г. Ленинградского отделения Института истории АН СССР [15]. С июня 1950 по июнь 1952 г. были изгнаны с работы 18 ректоров и 29 заведующих кафедрами социально-

2. Трагические страницы истории жизни семьи Вознесенских представлены в воспоминаниях сына А.А. Вознесенского, Л.А. Вознесенского, также прошедшего, вместе со своими родственниками, через маховик репрессий [см.: 4].

экономических дисциплин. Только из ЛГУ были уволены около 300 человек [14, с. 120]. Последствия не замедлили сказаться не только в области научно-исследовательской и преподавательской работы, они отразились и на поведении студенчества. К 1954 г. «в вузах города создалось просто тревожное положение – не только ослабление дисциплины, а распространение пьянства с драками и т.п.» [2, с. 82].

Тяжесть этих процессов нельзя, как представляется, объяснить только «ленинградским делом». Напротив, оно стало разрастаться в высшей школе Ленинграда на уже подготовленной почве. С 1947–1948 гг. люди науки сначала обучались на материалах больших «дискуссий» и «обсуждений», публикуемых в центральной прессе, а потом и обучали друг друга «новым правилам публичного дискурса и поведения», которые «были перенесены в науку из политической сферы, из области так называемой внутрипартийной демократии» [10, с. 29]. Следует, впрочем, заметить, что политэкономы в силу особого партийного статуса науки фактически овладели этими навыками еще в 1920-е годы. Уже в 1948 г., при обсуждении на политико-экономическом факультете ЛГУ тезисов доклада «Вопросы хозрасчета в трудах И.В. Сталина», один из критиков будет говорить автору: «Весь доклад очень академичен, отсутствует политическая острота. Что значит “тов. Сталин «отмечал»”?.. Тов. Сталин не “отмечал”, а указывал...», вынуждая того оправдываться: «Можно привести бесчисленное количество примеров, где тов. Сталин говорит: “В.И. Ленин отмечал”. Это принятое выражение».

Показательным уроком обучения новым правилам стало проходившее в июне 1948 г. в НИИ экономики, философии и права разгромное обсуждение книги В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков», удостоенной совсем незадолго до этого университетской премии. «Учениками» стали свыше 200 преподавателей, научных работников, аспирантов ЛГУ и других вузов города. Мероприятие характеризовалось тем, что критикуемый, а также некоторые из молодых сотрудников не продемонстрировали должного уровня признания «товарищеской критики», пытаясь выдвигать в свою защиту аргументы научного порядка. Тем не менее непосредственно по итогам мероприятия никаких «оргвыводов» в отношении самого автора и выступавшего при подготовке книги к печати ответственным редактором В.В. Рейхардта не последовало. Универсанты разошлись в отпуска.

Но уже в сентябре 1948 г. В.В. Рейхардт вынужденно оставляет пост декана, а через пару месяцев уходит из ЛГУ и пытается укрыться в другом вузе – безуспешно. Некоторым такой маневр удался: машина арестов работала, как и вся плановая экономика, на валовые показатели, отдельным личностям иногда удавалось в прямом смысле слова избежать ее жерновов. Правая рука брата Н.А. Вознесенского и декан факультета, оказавшегося в эпицентре

урагана, шел, очевидно, в поименном списке. «Допросов» он не пережил и погиб в тюрьме в ноябре 1949 г.

Пост декана занял С.А. Ильин (1913–1994). В его лице партийная машина получила «эффективного менеджера», без участия которого развернувшая на факультете чистка вряд ли была бы столь последовательной[3]. Он недвусмысленно указывал: «Партийная организация факультета начиная с октября 1946 г. (именно тогда Ильин стал секретарем партбюро факультета. – *Д.М.*) вела непрерывную работу за коренную перестройку научной и учебной работы факультета, за разоблачение и изгнание с факультета чуждых элементов». С этой целью ректорат, Василеостровский районный комитет, Ленинградский городской комитет партии «неоднократно информировались о положении дел на факультете», но произвести его «полное очищение» при поддержке вышестоящих партийных организаций удалось лишь после «разоблачения антипартийной группировки Попкова и др.»[4], т.е. после февраля 1949 г., когда и развернулась настоящая «охота на ведьм» – и в ЛГУ, и во всем городе.

Но деятельность одного человека не может объяснить всего комплекса развернувшихся позднее событий. Существовало и разделение между преподавателями и студентами, пережившими вместе эвакуацию, связанными между собой практически родственными чувствами, и теми, кто пришел в университет после войны (при этом и последняя группа не была внутри однородна). Как вспоминал позднее один из участников событий, «вернулись на факультет дипломированные выпускники, а все преподавательские места заняты». Гласно и негласно ставились вопросы типа: «Где нам работать? Пора гнать этих буржуазных профессоров» [14, с. 394]. В действительности, на факультете, как свидетельствуют и архивные материалы, и воспоминания современников, существовала проблема не избытка, а недостатка квалифицированных кадров. Поэтому данный конфликт мог выступать лишь внешним проявлением более глубоких, социально-психологических противоречий. Их в значительной степени и использовали «вышестоящие инстанции». Как свидетельствовал тот же источник: «А тут еще секретарь [Василеостровского] райкома …и заведующий отделом науки горкома …вызывают, постоянно дают указания» [14, с. 394]. Был запущен самоподдерживающийся процесс, и после старта кампании ее двигателем, как на уровне факультетов, так и в самых высших эшелонах, стала «логика борьбы за власть»: «находились люди, которые в это время преследовали чисто личные интересы, проявляли худшие черты своего характера» [2, с. 36].

3. С.А. Ильин, несомненно, относился к числу «идеально-типических» руководителей сталинской эпохи. См. воспоминания о нем в: [3].

4. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1614. Л. 2.

Влияние последнего фактора нельзя не учитывать: в специфических условиях сложившейся к тому времени общественно-политической системы отдельные ученые и целые их группы нередко пытались привлекать вышестоящие партийные инстанции в качества «арбитра» для решения внутренних конфликтов и противоречий. Поэтому любой «сигнал сверху» чутко улавливался на местах, давая повод к сведéнию личных и профессиональных счетов и к очередному витку борьбы за власть и влияние в иерархических научно-образовательных структурах, проводившемуся под прикрытием идеологических лозунгов.

Кроме логики борьбы за власть, тесно связанной с субъективными особенностями отдельных индивидов, с их взаимоотношениями, на ходе запущенного процесса сказывалось влияние «объективных законов» функционирования бюрократических механизмов, реагирующих на любой раздражитель умножением своей деятельности и «объективно» стремящихся предоставить результаты такой деятельности. 1948/49 уч. год ознаменовался взрывом организационной деятельности, направленной на усиление контроля за учебным и научным процессом и деятельностью преподавателей. Среди нее выделялись и стихийные проявления «творчества масс», такие как прошедшие на протяжении ноября 1948 г. по инициативе комсомольской организации «общественные смотры» деятельности всех факультетов. Внедрение рутинных бюрократических форм контроля дополнялось чрезвычайными мерами: с осени 1948 г. началась масштабная «чистка» факультета.

В результате, в 1950-е годы экономический факультет вступил имея на трех кафедрах всего семь доцентов и ни одного профессора (16) (незадолго до этого, в 1947/48 уч. г., на факультете обучались 347 человек [11, с. 288]). Для обеспечения учебного процесса пришлось широко привлекать совместителей и почасовиков. Эта мера была тем более шизофренической, что шла вразрез с ведущейся параллельно кампанией против совместительства. Так, в 1949/50 уч. г. профессор А.И. Ротштейн был уволен с кафедры статистики именно «в силу запрещения совместительств» [9, с. 98].

Кафедра статистики первоначально казалась тихой гаванью. Ни на уровне теории, ни на уровне личных отношений она не была тесно связана с двумя «старыми» кафедрами. Она продолжала работать весь 1948/49 уч. г. практически в прежнем составе. Однако изолированной от общей ситуации оставаться не могла и она. В октябре 1948 г. состоялось расширенное заседание кафедры, посвященное пересмотру программ курсов теоретической статистики «в связи с постановлением сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке». В декабре 1948 г. обсуждение стенограмм занятий позво-

лило выявить «немарксистский характер лекций Буковецкого»[5]. Следующие заседания были посвящены рутинным вопросам, но одно из них, июньское, стало последним для заведующего. Как и В.В. Рейхардт, он вскоре погиб в застенках.

В ходе разгрома декан Ильин выдвинул предложение об отказе от «открытого приема» вчерашних выпускников школ и переходе на полностью «закрытый прием» с отбором на основе анкетных данных и рекомендаций партийных организаций «с последующим утверждением лиц, зачисленных на факультет, на бюро ГК ВКП(б)»[6]. Это предложение вытекало из стратегии по превращению факультета в идеологический центр по подготовке преподавателей политической экономии. В полной мере она так и не реализовалась, но система подчинения преподавательского и исследовательского процесса партийному контролю к 1950-м годам была сформирована. Пример экономической науки в Ленинградском университете носил, несомненно, чрезвычайный характер. Но он, как представляется, позволяет проиллюстрировать аналогичные процессы, повсеместно развернувшиеся в советской науке, но протекавшие чаще всего в более «мягкой» форме.

Заключение

Несмотря на развертывание широкого партийно-государственного контроля за системой образования, было бы не вполне верно рассматривать данный процесс исключительно в терминах тоталитарного принуждения со стороны государства. Исследования по социальной истории науки, появившиеся в последние два десятилетия, демонстрируют на примере становления и развития отдельных научных дисциплин и направлений, что научное сообщество не являлось пассивным субъектом воздействия со стороны государства[7]. При этом «власть» и «наука» не противостояли друг другу как единые монолитные структуры. Внутри них, на разных иерархических уровнях, выделялись различные группы интересов и центры влияния, находившиеся в постоянном взаимодействии. Вектор развития научной и образовательной деятельности на тот или иной момент определялся сложившейся системой сил. Все многообразие факторов, влиявших на эту систему, невозможно свести исключительно к идеологическим мотивам, игравшим безусловно

5. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 21. Д. 58. Л. 3.

6. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1614. Л. 8.

7. Значительное количество материалов и исследований по данной проблематике представлены на интернет-портале «Социальная история отечественной науки (электронная библиотека и архив)» (http://www.ihst.ru/projects/sohist/index.htm), созданном Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

важную, но далеко не всегда определяющую роль. В общем, среди этих факторов можно выделить две большие группы: «субъективные» и «объективные».

Первая группа связана со случайными во многом обстоятельствами, обусловленными существующим политическим раскладом, имеющимися конфликтами и противоречиями, амбициями различных игроков, их умением вести аппаратные интриги и т.д. Одной из важнейших черт командной системы управления, вполне сложившейся уже к 30-м годам и обретшей законченные черты к началу 50-х, «было ее умение вырабатывать идеологические обоснования для каждого своего действия. Политические решения и события, вызванные разнообразными обстоятельствами, неизменно объявлялись логически неизбежными следствиями высоких принципов» [10, с. 54][8]. Это умение создавало видимость тотальности идеологии. Но первична была не идеология, а сложившаяся система управления, в которой стремление к тотальному контролю, концентрация фактически всех нитей управления в руках одного человека оборачивались на деле полной непредсказуемостью и произвольностью. «…Система реагировала на случайные раздражители, но с избыточным приложением сил: не очень значительные "сигналы с мест" могли лавинным образом спровоцировать несоразмерно масштабные политические последствия» [10, с. 54]. Они же, в свою очередь, подлежали рационализации посредством идеологического обоснования.

Вторая группа факторов связана с более устойчивыми параметрами, связанными с осознаваемыми потребностями экономического и социального развития, долговременными целями (прежде всего, необходимостью индустриализации), наличными ресурсами и степенью их ограниченности, особенностями плановой экономики, связанными с нею механизмами финансирования и управления. Фундаментально важным для последующего функционирования советской высшей школы стало окончательное закрепление во второй половине 1940-х годов штатно-окладной системы, формирование четкой иерархической структуры на основании системы должностей, званий и степеней, усиление роли кафедр. Помимо партийных структур и «внешнего» репрессивного воздействия, такие формы самоорганизации научного сообщества, как ученые и диссертационные советы, кафедры и т.д., будучи формализованы, превратились в эффективные механизмы управления и контроля «на местах».

8. Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. – 1997. – № 4. – С. 54.

Литература

1. Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 90. http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html

2. Бережной А.Ф. В первые послевоенные годы: 1946–1954. К истории Ленинградского–Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005.

3. Бляхман Л.С. Основные вехи в истории кафедры экономики предприятия и предпринимательства // Вестник СПбГУ. – Сер 5. – 2010. – Вып. 3. – С. 22–27.

4. Вознесенский Л.А. Истины ради… – М.: Республика, 2004.

5. Ганелин Р.Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. – СПб.: Нестор, 2004.

6. Гловели Г.Д. Политэкономия в широком смысле: Элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 113–134.

7. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

8. Жирнов Е. После расстрела Берии Маленков все время улыбался // Коммерсант-Власть. – № 33 от 22.08.2011. http://www.kommersant.ru/doc/1752481

9. История преподавания и развития статистики в Петербургском–Ленинградском университете (1819–1971). – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972.

10. Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. – 1997. – № 4. http://ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1997/4/26-58.pdf

11. Ленинградский университет за советские годы (1917–1947). Очерки. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1948.

12. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. – Л.: ЛФЭИ, 1940.

13. Ленинградский финансово-экономический институт. Краткие сведения. – Л.: ЛФЭИ, 1941.

14. Ленинградское дело. Сост.: В.И. Демидов, В.А. Кутузов. – Л.: Лениздат, 1990.

15. Панеях В.М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Вопросы истории. – 1993. – № 10. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vhist/1993/10/19-27.pdf

16. Пешехонов В.А. Alma mater: Страницы истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1998. – Серия 5. – Вып. 3. – С. 89–95.

17. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.А. Росов

И.К. ОКУЛИЧ – ПАТРИОТ СИБИРИ

Росов Владимир Андреевич – доктор исторических наук, заведующий отделом «Наследие Рерихов» в Государственном музее Востока.

О жизни и трудах енисейского казака, государственного деятеля Российской империи, видного инженера и агронома Иосифа Константиновича Окулича (1871–1949) сегодня практически ничего не известно. До начала революционных событий Февраля 1917-го статского советника Окулича хорошо знали и в Сибири, и в Петрограде. Своеобразным завещанием ученого служит его проект – «Академия сельскохозяйственной промышленности в Сибири» (1940) и посмертная статья «Вера в Россию» (1949), где изложены научные соображения о «сибирских границах».

Агроном и государственный деятель. Иосиф Константинович Окулич родился 13 ноября 1871 г. на Енисее, в казацкой станице Красноярская. Он получил блестящее образование в Петербургском технологическом институте, а затем в Политехническом институте Цюриха, где на агрономическом факультете изучал технологию производства питательных веществ. По окончании института получил диплом инженера-агронома.

После обучения Окулич специализировался в молочной отрасли, работая в элитных хозяйствах Германии и России. В 1895 г. поступил на государственную службу. Новый этап его жизни (1897–1903) начался с назначения правительственным агрономом в Томскую губернию, где он успешно внедрял современные технологии в сельском хозяйстве. Новаторские методы позволили основать в Томске сельскохозяйственный комплекс, включавший школу и образцовую ферму. В этот период Окулич сотрудничает с газетой «Восточное обозрение», публикует ряд научных работ на немецком языке, продолжает расширять свой профессиональный диапазон, совершая поездки в Великобританию, Германию и Швецию для изучения рынка масла и производства сельхозмашин. Серьезным итогом его деятельности стало руко-

водство «Молочное дело», выпущенное в Санкт-Петербурге издательством Девриена.

В 1903 г. И.К. Окулича перевели на службу в Санкт-Петербург, в Департамент земледелия, где он возглавил отделение специальных культур и технических производств. Параллельно ему приходилось принимать и другие назначения. Он служил управляющим госимуществом и казенным пароходством Енисейской губернии, заместителем руководителя корпуса лесничих при иркутском генерал-губернаторе. Можно сказать, что Окулич стоял у истоков создания на одном из притоков Енисея современного Саяно-Шушенского биосферного заповедника. В 1911 г. Иосиф Константинович был переведен на должность чиновника особых поручений в Министерство торговли и промышленности. В этом качестве он неоднократно посещал Балканские страны для решения вопросов, связанных с лесным делом. А с 1914 г. он получил высокий министерский пост заместителя директора Департамента земледелия.

Во время Первой мировой войны ему пришлось исполнять нелегкие обязанности помощника Главного уполномоченного по заготовкам продовольствия и фуража для действующих армий. Накопился огромный опыт управления лесным и сельским хозяйством, а также промышленностью.

Февральский переворот застал И.К. Окулича в Петрограде в должности члена Совета при министре торговли и промышленности. Революция стала для Окулича вполне ожидаемым событием. Поскольку он занимался вопросами продовольствия и снабжения, ему приходилось близко соприкасаться с тяжелыми сторонами жизни, бывать в гуще народа и знать его настроения. Одновременно с Окуличем в министерстве служил писатель М.М. Пришвин, который в первую же неделю после установления власти Временного правительства Керенского предупредил коллегу: «Ничего доброго не ждите и лучше отправьте семью из Петрограда» [2, л. 2]. Его соображения только подтвердили худшие опасения Иосифа Константиновича, существовавшие у него задолго до смены власти. Через несколько дней Окулич отправил жену и детей на родину в Красноярск, продал дачу в Финляндии и ликвидировал все столичные дела – он решил разорвать все связи с Петроградом.

Общественно-политическая обстановка в Красноярске так же, как и во всей Центральной Сибири, сложилась довольно пестрая. Наиболее деятельными были эсеры и большевики, в городах некоторую активность проявляли кадеты, организовывались и сибиряки. С декабря 1917 г. набирало силу областническое движение под руководством знаменитого ученого и путешественника Г.Н. Потанина. Состоялся Чрезвычайный областной сибирский съезд, куда Окулич направился в числе делегатов от судовладельцев Енисейского бассейна. Улавливая политические веяния, Иосиф Константинович связал свои надежды с этой по-новому заявившей себя народной силой. Он вспоминал о том времени: «Не принимая ранее никогда участия в деятельности

политических партий, я теперь вошел в партию сибиряков-областников. В ее программе не было социалистических доктрин, она стояла на реальной почве сибирских нужд, понимая государство, Россию как федерацию областей» [2, л. 3].

В середине января 1918 г. в Красноярске собрался съезд представителей промышленности и торговли Енисейского края. Окулич был выдвинут председателем оргкомитета. Ему предоставилась возможность подготовить к съезду три доклада: «Современные политико-экономические вопросы Сибири», «Запросы внешней торговли Сибири» и «Об организации Сибирского государственного банка». В докладах он развивал мысль о том, что Сибирь в ближайшем будущем освободится от большевиков, и тогда местной власти придется самостоятельно до возрождения всей России создавать государственность на федеративной основе.

Всю зиму 1918 г. власть в Сибири переходила из рук в руки. Окулич принял участие в казачьих выступлениях и вынужден был бежать в Курган. Однако в Кургане вскоре стало известно, что в Омск пришла телеграмма с приказом об аресте Окулича, оставаться в Сибири было опасно. Правление Союза сибирских маслодельных артелей (ССМА) решило отправить Иосифа Константиновича в Лондон с целью организации сбыта масла и приобретения на вырученные средства товаров, необходимых для крестьян Западной Сибири.

Начало эмиграции. И.К. Окулич покинул Россию в апреле 1918 г. По прибытии в британский Ньюкасл он установил контакты с Министерством внутренних дел Британии. Представляя интересы сибирского крестьянства и енисейского казачества, он, естественно, сосредоточил все свое внимание на мерах, направленных на свержение большевистской власти в Сибири. Из воспоминаний Окулича: «Будущую Великую Россию я себе представляю как Союз автономных областей, среди которых Сибирь будет составлять самоуправляющуюся область, примерно как доминион Канада в составе Британской империи… Будь Императорская Россия не таким централизованным государством, как она была, падение Власти в центре не могло бы так быстро и гибельно отразиться на ее (России) составных частях, так как государственная власть в различных областях продолжала бы функционировать... Но когда весь аппарат власти зависит от одного центра, естественно он разрушается с крушением последнего» [2, л. 11].

В Лондоне Окулича представили бывшему члену парламента, председателю Лиги моряков коммерческого флота Дж.Г. Вильсону. Под его председательством при участии И.К. Окулича и других русских эмигрантов был организован специальный Русский комитет. На его митинге 30 июня 1918 г. прозвучало обращение «От британского народа к патриотам России». Представительная группа Русского комитета была принята во внешнеполитическом ведомстве Британии. На встрече обсуждались два вопроса: возмож-

ность продвижения английских войск, находящихся в Архангельске, и организация сибирских областных финансов. Окулич предложил создать Сибирский государственный банк при содействии Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки [10].

5 августа 1918 г. Окулич выехал в Париж, куда его пригласил министр иностранных дел Франции Стефан Пишон, чтобы обсудить проект Сибирского эмиссионного банка. Он детально обсудил в военном министерстве возможность организации этого банка, а затем ознакомил С. Пишона с положением сибирского антибольшевистского фронта и поднял вопрос об автономии Сибири. Для рассмотрения финансового проекта в МИДе Франции была образована специальная комиссия и намечена французская миссия во Владивосток.

8 ноября 1918 г. Окулич отплыл в Нью-Йорк. За прошедшее лето в Сибири произошли значительные перемены. Не стало Сибирского правительства, была упразднена Директория учредительного собрания, образовано Всероссийское правительство во главе с верховным правителем – А.В. Колчаком. К этому времени в Европе закончилась война. В новых обстоятельствах Иосиф Константинович более не считал себя вправе активно выступать по сибирским делам. Приехав в Америку, он намеревался заняться организацией снабжения Союза сибирских маслодельных артелей необходимыми товарами. Ему удалось закупить земледельческие машины, кожу, пергамент и другие товары, которые были отправлены морем во Владивосток. Часть из них успела попасть в Западную Сибирь до падения Всероссийского правительства. В ноябре 1918 г. стало известно об аресте членов Директории учредительного собрания, о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя. Вскоре Окулич выехал из Сан-Франциско и через Японию направился в Сибирь. Так закончился первый этап его работы в эмиграции.

Прибыв в Приморье, он сразу понял, что Правительство существует лишь номинально. «Во Владивостоке распоряжались японцы и чехи, на улицах безобразничали американские солдаты» [2, л. 32]. Ситуация в Приморье не отличалась от положения во всей Сибири.

Первым же экспрессом Окулич отправился в Красноярск, чтобы увидеть семью, о которой весь прошедший год он практически ничего не знал. Однако дома ему пришлось пробыть всего несколько дней и 27 января 1919 г. он уже выехал в Омск с поручением Енисейского казачьего войска. В Омске Окулич сделал подробный доклад председателю Совета министров Всероссийского правительства П.В. Вологодскому о своих поездках в Лондон, Париж и Вашингтон. В результате этой встречи он пришел к однозначному выводу – у Правительства не было никакой «государственной программы», оно «не ориентировалось в международной обстановке» и, значит, не имело ясной перспективы. Впоследствии это нашло отражение в его статье «Работа без плана и сметы», опубликованной в шанхайской газете «Русское эхо».

Окулич также выступил перед омским блоком политических партий с докладом об отношении к «сибирскому вопросу» за границей. Позже он неоднократно встречался с партийными деятелями как представитель Енисейского казачества и выступал от имени Союза казачьих войск Азиатской России.

Будучи еще в Омске, Окулич получил телеграмму от Енисейского войскового атамана о передаче ему полномочий в Общеказачьем совете, в обязанность члена которого входило участие в заседаниях, проходивших под председательством товарища военного министра по казачьим делам – генерала Б.И. Хорошкина. Задачи по борьбе с большевиками в пределах самой Сибири почти всецело лежали на казачьих войсках. Работа в Совете убедила его в отсутствии единства в казачьей среде. Впечатления, вынесенные из поездки на Запад, знакомство с реальной обстановкой на сибирском фронте не давали основания надеяться на будущее прочное мироустройство. Весной 1919 г. появилась поистине провиденциальная статья Окулича «Грядущая война» (Отечество, № 2/3), в которой он с нарастающей тревогой отмечал, что мир находится в «состоянии скрытой опасной борьбы, разрушающей культуру, понижающей уровень благосостояния, морали» [2, л. 37].

15 марта 1919 г. Окулича принял А.В. Колчак. На встрече речь шла о недавних поездках в Европу и Америку. В конце месяца с подачи Верховного правителя вышел приказ о назначении Окулича на должность особоуполномоченного Всероссийского правительства по финансовым делам в Соединенных Штатах Америки, Англии и Франции. Предстояла новая командировка, навсегда определившая его эмигрантскую судьбу.

Следующие три года Окулич провел в Соединенных Штатах. По его словам, это была «замаскированная высылка» из Сибири, поскольку он стал неугоден бездарным провинциальным чиновникам. Им мешали его громадный управленческий опыт и отличное владение хозяйственными проблемами.

В ранге Особого уполномоченного по финансовым делам за границей И.К. Окулич находился всего около полугода. В августе 1919-го он подал прошение об отставке. Вскоре адмирал Колчак погиб, и власть перешла к атаману Семёнову. По моральным соображениям Иосиф Константинович решил вообще устраниться от политической деятельности, он категорически не признавал «неподготовленного к государственной деятельности» нового лидера. Однако спустя ровно два года, в августе 1921-го, принял на себя обязанности полномочного представителя Временного Приамурского правительства (ВПП) братьев Меркуловых (1921–1922), считая, что если Российский флаг развевается хотя бы над малой частью Империи, то Россия еще жива. Окулич получил право вести переговоры от имени ВПП в Государственном департаменте США, представляя интересы народа Приморских областей Сибири.

Положение на Дальнем Востоке было крайне напряженным. Русские интересы в Приморье, рыбная конвенция с Японией, назревающий конфликт вокруг КВЖД, японская оккупация Сахалина – таков далеко не полный перечень острых проблем. Для их обсуждения Госдепартамент США намеревался провести в 1921 г. конференцию в Вашингтоне (1921). Предварительно велись переговоры об участии в ее работе представителей Временного Приамурского правительства, в числе которых был и И.К. Окулич. Однако, по решению Госдепа, они на конференцию допущены не были, в то время как делегаты от парижской эмиграции и от Торгово-промышленной палаты Владивостока участие в ее работе приняли. Невзирая на это, Окулич направил свой доклад секретарю Госдепартамента, председателю Вашингтонской конференции Ч.Э. Хьюзу с просьбой представить на ее заседаниях позицию ВПП по двум пунктам: о выводе японских войск с российской территории и возврате русского оружия, фондов и материальных ценностей, незаконно захваченных японцами в Сибири. Япония выразила официальный протест, и тогда С.Д. Меркулов, председатель ВПП, поспешил публично отмежеваться от И.К. Окулича, заявив, что он не был и в настоящий момент не является его «политическим представителем» (!).

Сложить обязанности уполномоченного Приамурского правительства в данных обстоятельствах стало вопросом чести для Иосифа Константиновича. Он становится представителем казачьих войск Азиатской России в Америке. Теперь его внимание сосредоточивается на вопросах переселения в США и Канаду казаков, оказавшихся в Китае, он также публикует в прессе свои соображения общеполитического характера по проблемам казачьих войск. Так, весь 1921-й год шанхайская газета «Русское эхо» размещает на своих страницах серию его статей, посвященных проблемам сибирской автономии.

В 1923 г. И.К. Окулич переехал из Америки в Югославию, чтобы дать детям образование в известной русско-сербской гимназии в Белграде, славившейся высоким уровнем преподавания. К тому же эта страна считалась оплотом российского казачества, находившегося под покровительством короля Александра I Карагеоргиевича.

В Югославии Окулич прожил более трех лет. Его деятельность там охватывала огромный спектр проблем жизни казачества. Он объединил казаков разных войск Урала и Сибири в Казачью Азиатскую станицу и был избран ее первым атаманом (1923–1926). Новая Азиатская станица вошла в состав Общеказачьего союза в Париже. Живя в Белграде, Иосиф Константинович, помимо общественной работы, занимается также наукой, выступает с докладами на Съезде русских деятелей сельского хозяйства в Праге (1924). Союз русских лесоводов в Чехословакии избирает его своим почетным членом. Лесоводство – та область деятельности, где Окулич издавна считался крупным

специалистом. Результаты его исследований были изложены еще в 1914 г. в брошюре «Лесное хозяйство и торговля лесом в Болгарии и Сербии».

В Югославии Окулич занялся экспортом лесных материалов в Италию и Англию, однако вскоре потерпел неудачу. По его словам, он не учел, что «революция и беженство сильно изменили русских людей». В результате был вынужден эмигрировать с семьей в Канаду, где были хорошие перспективы для организации личного фермерского хозяйства. С осени 1926 г. Канада стала его второй родиной.

Сибирский доминион. И.К. Окулич обосновался в Британской Колумбии, недалеко от небольшого канадского городка Абботсфорд, и, помимо фермерского хозяйства, продолжил заниматься журналистикой и научной работой. В 1930 г. вышла его статья «Высшее сельскохозяйственное образование в Канаде» (Сельскохозяйственный бюллетень, Кишинев). Тогда же был издан расширенный вариант руководства «Молочное дело» (в книге 170 рисунков). Однако на передний план выдвинулось его общественное служение.

Позже Окулич получил предложение видного общественного деятеля в эмиграции, сибиряка-областника Ивана Александровича Якушева (1884–1935), принять участие в объединении сибирских сил. Политическая работа И.А. Якушева развернулась вокруг учрежденного им Общества сибиряков в Чехословацкой Республике. Общество, построенное по принципу землячества, имело представительства по всему миру: в Харбине, Шанхае, Париже, Нью-Йорке и в других местах. Канаду представил агроном-инженер И.К. Окулич. Идеологическая платформа сибиряков – это освобождение Сибири и всей России от коммунистов. Для осуществления намеченных целей и объединения «разнородного сибирского элемента» Якушев основал в Праге три собственных печатных органа: альманах «Вольная Сибирь» (1927–1930), документальный сборник «Сибирский архив» (1929–1935) и «Вестник Общества сибиряков» (1931). Первый из них, основной, стал рупором сибиряков-областников, к которым причислял себя и Окулич.

Свои представления об автономии федеративной Сибири Иосиф Константинович начал активно развивать после Октябрьской революции. Он поднимает вопрос о «важности точного выявления структуры автономной Сибири, ее положения в составе будущей России» [5], об устроении «Новой Сибири», которое должно базироваться на принципе «автономной территории от Урала до Тихого океана». Единая Сибирь входит как равноправная часть во Всероссийскую Федерацию, названную Окуличем «Российскими Соединенными Штатами» [3]. Он даже предложил проект сибирской конституции, исходя из презумпции, что «Сибирь есть Автономная область единой России» [6].

С выдвижением в эмигрантской среде фигуры И.А. Якушева для сибиряков открылись новые возможности. Весной 1929 г. Окулич получил пригла-

шение стать сотрудником альманаха «Вольная Сибирь». Он писал в ответном письме главному редактору Якушеву: «Вы, социалист, и я, демократ, оба областники, находимся в эмиграции, оба искренно желаем быть полезными родине. Поэтому я допускаю единство фронта всех не коммунистически (большевистски) настроенных элементов Сибири в деле ее освобождения…» [9].

Позиции давних соратников, знакомых еще по работе II Сибирского съезда в Томске (1917), были определены, и началось плодотворное сотрудничество. Спустя полгода Иосиф Константинович предлагает редакции «Вольной Сибири» обсудить проект государственного устройства Автономной Сибири. С начала 1920-х годов, на протяжении многих лет, Окулич оставался поборником губернских и волостных земств: «Я стою на чисто земской точке устроения Сибири» [10]. Он предложил создать Единый государственный совет, другими словами, Сибирский парламент. Выборы в него должны были бы производиться губернскими съездами представителей волостных земских собраний, специально для этого выбранных. В свою очередь парламентом избирается президент Сибири. Эти соображения изложены им в статье «Об устроении Сибири», опубликованной в последнем из вышедших томов «Вольной Сибири» (1930, выпуск IX).

В конце 1937 г. группа ученых-эмигрантов, обосновавшихся в США, организовала «Русское сельскохозяйственное общество в Америке». Инициатива исходила из Калифорнии от агронома П.Ф. Константинова (впоследствии одного из создателей известного Музея русской культуры в Сан-Франциско). Окуличу предложили пост председателя бюро Общества, однако он отказался от руководящей должности из-за удаленности своего места жительства в канадской глуши и остался рядовым «полезным членом». Общество было задумано как широкое научное объединение, включающее в свои ряды всех деятелей в области сельского хозяйства и промышленности – не только агрономов, но и лесоводов, ветеринаров, фабрикантов и прочих специалистов. Конечно же, оно предназначалось в первую очередь для усиления контактов и взаимопомощи ученых в эмиграции. Однако основатели думали не только о способе выживания и сиюминутной выгоде, но и смотрели в будущее, искали пути, каким образом такое профессиональное сообщество будет полезным «в случае смены режима в России». Рассуждая на эту тему, Окулич писал своему коллеге Константинову: «Заграничная жизнь и учение в здешних высших школах многое нам дали, многому научили. Молодежь могла бы оказаться очень полезной у себя на Родине, а бюро бы оказало большую услугу и членам объединения, и тому центральному органу в России, который будет очень и очень нуждаться в различного рода специалистах, не зараженных коммунистической пропагандой» [8].

Как видно из письма, Иосиф Константинович не терял надежду на возвращение в Россию. Он понимал необходимость в профессионалах и предвидел предстоящий масштаб будущего строительства в Сибири. Частные хозяйства там были разрушены коллективизацией, а многие опытные работники отправлены в ссылки и сталинские лагеря.

До преклонных лет И.К. Окулич оставался страстным поборником федеративной автономии Сибири и демократического обустройства всей России. Его оценки будущего России выглядят пророческими из нашего постсоциалистического века: «Надо допустить, что Россия в целом создаст широко развитый федеративный строй, в противном случае она понесет большие территориальные потери. Тираническая советская олигархия погибнет, но российский человеческий океан долго не войдет в свои берега» [7].

Умер инженер-агроном И.К. Окулич 21 января 1949 г. в Канаде. По мнению известных в эмиграции научных деятелей науки И.В. Емельянова и П.Ф. Константинова, Иосиф Константинович был не только «крупнейшим агрономом Сибири», человеком «государственного масштаба», но и «верным и искренним защитником русской национальной идеи» [1]. Будущие судьбы России он связывал с ее восточными землями. Ученый остался верным себе до конца. Слова, которыми завершается его последняя статья «Вера в Россию», звучат с оптимизмом: «С Востока Свет!» [4].

Литература

1. Константинов П.Ф. Светлой памяти И.К. Окулича // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1949. – 8 февраля.
2. Окулич И.К. Мои воспоминания. 1917–1931 гг. // ГАРФ. Ф.Р. – 5881. Оп. 1. Д. 410.
3. Окулич И.К. Автономная Сибирь // Русское эхо. – Шанхай, 1921. – 15 мая. – № 258.
4. Окулич И.К. Вера в Россию // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1949. – 29 января.
5. Окулич И.К. К вопросу об организации автономной Сибири // Русское эхо. – Шанхай, 1921. – 10 апреля. – № 231.
6. Окулич И. Необходим план // Русское эхо. – Шанхай, 1921. – 12 июля. – № 305.
7. Окулич И. Грядущее будущее // Общеказачий журнал. – Сан-Франциско, 1947. – № 1. – С. 14–15.
8. Окулич И.К. Письмо П.Ф. Константинову. 8 декабря 1937 г. // Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско (АМРК). Фонд И.К. Окулича. Кор. 4. Пап. 2. (Okulich Collection, Box 4, Folder 2).
9. Окулич И.К. Письмо И.А. Якушеву. 28 марта 1929 // ГАРФ. Ф.Р. – 5869. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.
10. Окулич И.К. Письмо И.А. Якушеву. 21 декабря 1929 // ГАРФ. Ф.Р. – 5869. Оп. 1. Д. 95. Л. 10.
11. Статья Иосифа Окулича о Сибирском банке опубликована в британской газете «The Financier» (May 23, 1918).

Г.С. Голицын

ПОЕЗДКА В США В 2008 г.

Голицын Георгий Сергеевич – академик РАН.

В середине мая 2008 г. я еще директор Института физики атмосферы им. А.М. Обухова. В здании Президиума РАН меня встретил президент РАН Юрий Сергеевич Осипов и спросил, смогу ли я с ним отправиться в Вашингтон в конце июня. У меня не было никаких конкретных важных дел в то время и я согласился. Осипов сказал, там будет обсуждение пролонгации договора о сотрудничестве между РАН и их Национальной Академией, поскольку предыдущий договор, заключенный в 1959 г., на следующий год заканчивается. Новый президент НАН США Ральф Цицерон (Сисероне) – климатолог и ему будет с кем поговорить конкретно. Но надо срочно оформлять визу, так как посольство США требует на это не менее 45 дней.

Я дал необходимые бумаги в Управление внешних сношений, те отвезли дело в посольство США, направили письмо Цицерону с просьбой посодействовать в получении визы и для меня. Через пару дней в УВС пришла копия письма Цицерона в их Госдеп, который формально давал разрешение консульству США в Москве на выдачу виз. Надо отметить, что окончательное решение о выдаче визы в США дает Министерство домашней безопасности, на которое никакое воздействие со стороны других организаций невозможно. Вскоре я был вызван в посольство и в назначенный час кратко изложил, зачем я туда еду и дал очередной раз отпечатки пальцев. В УВС мне говорили, что все будет в порядке, и не надо беспокоиться, хотя документы были поданы за 43, а не за 45 дней. Отлет был назначен на субботу 28 июня. Надо сказать, что к тому времени я в США был уже более 50 раз и несколько раз имел многократную визу на год, а один раз даже на три. В понедельник до отлета в субботу мне опять сказали, что беспокоиться не надо. To make the long story short, скажу, что визу я получил в пятницу в 16.00 и надо было срочно ехать в авиакассу за билетом, который без визы не продавали. Лететь надо было первым классом авиакомпанией Дельта. Кроме Вашингтона мне надо было

еще в Бостон. Полная стоимость такого билета была 164 тыс. руб., которые мне обещали возместить. Толстая пачка денег была у меня наготове. Уже в кассе я обнаружил, что в Бостон из Вашингтона у меня тоже билет первого класса и с дальнего международного аэропорта имени Джона Фостера Даллеса, а не городского аэропорта имени Рональда Рейгана. Переменил этот билет на обычный шаттл-рейс, из Бостона в аэропорт Джона Кеннеди тоже переменил на шаттл, сэкономив в итоге более 30 тыс. долл.

Нашу делегацию возглавил вице-президент Николай Павлович Лавёров, так как президент был в те дни занят в Думе бюджетом на следующий год. Еще были два других директора институтов РАН – по нефтехимии и новым материалам, имевшие успехи и коммерческие дела в США. Встреча длилась один полный день. Когда я представился Цицерону, тот сказал, что лет за десять до того мы встречались в Национальном центре атмосферных исследований Боулдер, Колорадо, где он слушал мою лекцию об аэрозольно-облачных исследованиях, проводившихся нами совместно с рядом университетов США с конца 1980-х годов.

В США научные исследования координирует National Research Council, состоящий из Национальной академии наук, Национальной инженерной академии и Национального института здоровья. Президенты всех трех организаций выступили на этой встрече. Николай Павлович Лавёров кратко рассказал историю научных связей РАН и НАН. Мы, трое директоров, рассказали об основных достижениях наших институтов и обрисовали итоги и перспективы сотрудничества с соответствующими организациями в США. Часов в шесть пополудни обсуждение закончилось, и все пошли обедать. За большим круглым столом было размечено, кому где сидеть. У меня слева оказался астрофизик, профессор из Принстона, а справа – Чарльз Вест, профессор Массачусетского технологического института, специалист по лазерам и одновременно президент Национальной инженерной академии. Вскоре научные темы сменились политическими, и разговор принял интересный оборот.

Чарльз Вест сказал, что не так давно закончилась под его председательством трехлетняя работа комиссии Конгресса США по расследованию обстоятельств начала войны в Ираке. Комиссия выслушала несколько тысяч свидетелей; ее доклад есть в библиотеке Конгресса и может быть получен по запросу любым человеком за определенную плату. Но доклад не афишируется, и администрация просила прессу не заострять на нем внимание. Официальной причиной ее начала для США было объявлено изготовление Ираком оружия массового уничтожения. Однако Центральное разведывательное управление доложило, что никаких разработок какого-либо вида оружия массового уничтожения в Ираке не обнаружено. Комитет начальников штабов всех родов войск: сухопутных, военно-морских, авиации и морской пехоты – все были категорически против, ввиду огромной стоимости операции, боль-

ших людских потерь, потери престижа страны. «За» были: вице-президент Ричард Чейни и молодые активные финансовые деятели и бизнесмены. Они и смогли уломать Джорджа Буша начать операцию. Все это явилось откровением даже для профессора из Принстона. Я же вспомнил, что в Англии был открытый скандал, когда один из высоких чинов британской разведки объявил, что по их сведениям (а их информация согласовывается с американской), у Саддама действительно нет оружия массового уничтожения.

Отлет из США сопровождался невеселыми мыслями. Ради того, чтобы любой ценой покончить с ненавистной диктатурой Саддама Хусейна, на чьей совести было 30 тыс. жертв репрессий, американцы развязали войну в Ираке, в ходе которой погибли более 1 млн мирного населения.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Хендерсон Д., Аппельбаум Р., Хо С.И.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ С КИТАЙСКИМИ ЧЕРТАМИ

HENDERSON J., APPELBAUM R., HO S.Y. Globalization with Chinese Characteristics // Development a. change – 2013. – Oxford; Malden, 2013. – Vol. 44, N 6. – P. 1221–1253.

Д. Хендерсон (Бристольский ун-т, Бристоль, Великобритания), Р. Аппельбаум (Калифорнийский ун-т, Санта-Барбара, США) и С.И. Хо (Бристольский ун-т) исследуют возможность влияния Китая на глобализацию. «Под глобализацией следует понимать экстернационализацию (т.е. расширение вовне) определенной национальной формы капитализма в определенный исторический период. Китайская модель капитализма может послужить созданию новой версии глобализации, в которой ключевую роль будут играть развивающиеся страны» [с. 1221]. Сейчас особое внимание в научных и политических кругах уделяется так называемым восходящим державам – Бразилии, Индии и Китаю, – обладающими значительной по размеру и быстро растущей экономикой, уже изменивших ситуацию в мировой экономике. «Выглядит закономерным вопрос, способны ли восходящие державы в совокупности вызвать изменения в сущности современной глобализации, и если да, какой будет содержание, скорость и направление этих изменений? Это может быть вопросом будущего, и мы полагаем, что слишком рано говорить (с достаточной степенью уверенности) о том, что происходящая экстернационализация экономики Индии и Бразилии обеспечивает заметное влияние на состояние глобализации. Но что касается Китая, такой анализ выглядит возможным и уместным. С точки зрения участия китайского государства в глобальном управлении и в том, что называется “воздействием мягкой силы”, активности на мировом рынке китайских корпораций, государственных или частных, а также международной миграции Китай, по состоянию на сегодняшний день, значительно более важное действующее лицо в мире, чем другие развивающиеся страны и, можно считать, что он является ключевой движущей силой того, что в обозримом будущем может стать глобализацией с азиатским влиянием, так сказать, глобальной азиатской эрой» [с. 1223].

С конца 1940-х годов и до сих пор глобализация выглядела не как отражение универсальной сущности капитализма, а как экстернационализация американской модели этого капитализма. В связи с этим отличительными чертами

современной глобализации являются следующие. Во-первых, транснационализация власти частных корпораций. С 1880-х годов американские предприниматели делали ставку на большие фирмы с большим количеством подразделений – и именно из таких фирм выросли современные транснациональные корпорации. Они изобрели и развили конвейерное производство и стимулировали массовое потребление произведенных на конвейерах товаров (вроде автомобилей компании Ford Motors), а затем то, что, в 1980-х годах стало известно как «новое международное разделение труда». Американские корпорации (например, в швейной, электронной и автомобильной промышленности) одновременно снижали издержки производства, и одновременно контролировали самые прибыльные отрасли – инновации и развитие торговых марок – через целую глобальную сеть компаний, объединенных субконтрактными отношениями. И в современных условиях, когда США испытывали конкуренцию со стороны сначала японских, немецких и других европейских корпораций, а потом южнокорейских, китайских и индийских, на эту страну приходилось 26% крупнейших корпораций мира (132 из 500).

Во-вторых, создание глобальных электронных сетей и сжатие пространственно-временны́х связей в мире. Именно американские корпорации (иногда в сотрудничестве с американскими властями, прежде всего Пентагоном) были движущей силой инноваций сначала в самих компьютерах, а затем и в компьютерных программах – начиная с создания первых полупроводников и развития Кремниевой долины, и кончая нынешними разработками корпораций Apple, Microsoft и Google. Они создали систему, при которой принятие решений производится в глобальном масштабе и в режиме реального времени, и именно эта система является основой любых изменений в мировой торговле, политике, общественной жизни и области военной безопасности.

В-третьих, неолиберализм. Именно в США в середине 1970-х годов, возникло это политическое и идеологическое течение, которое вскоре разошлось по миру и коренным образом изменило представление о государстве и социальной политике – стало считаться, что в основе всего должен лежать свободный рынок. Неолиберализм полагает, что рынок, а не государство, сколь бы демократичным оно ни было, должен определять экономическую политику, движение товаров, капиталов и рабочей силы и регулировать все цены в экономике. Кроме того, неолиберализм привел к тому, что ключевая роль в обществе была признана за частным сектором и правом частной собственности (вместе с интересами и ценностями, связанными с ними).

В-четвертых, господство финансового рынка. Начиная с 1980-х годов Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании, глобализация была

основана на подчинении всех форм капитала в любом секторе экономики, государственной власти и повседневной жизни людей финансовому рынку. И можно усмотреть прямую связь между либерализацией финансового рынка в середине 1980-х годов с мировым финансовым кризисом 2008 г.

В-пятых, милитаризация американской внешней политики. Параллельно с расцветом неолиберализма (и даже в связи с этим расцветом) наблюдалась все большая готовность США прибегать к военной силе в решении всех внешнеполитических проблем. Впервые такая тенденция обнаружилась после Второй мировой войны и в ходе ожесточенных военных действий в Корее и Вьетнаме в рамках «холодной войны», однако особенно заметной она стала, когда «холодная война» превратилась в «войну с терроризмом».

«Без экстернационализации американского капитализма, особенно инноваций в организации производства, потребления и управления, а также в дерегулировании мирового рынка, подъем Китая был бы медленнее и менее эффектным, чем мы наблюдаем. В этом смысле американский капитализм и форма глобализации, которую он породил, может рассматриваться как повивальная бабка китайского капитализма. Несмотря на это, если мы действительно являемся свидетелями зарождения новой формы глобализации, соответствующей подъему Китая и в дальнейшем, возможно, других азиатских стран, эта форма может быть порождена первоначально китайской версией капитализма. В этом случае грядущая глобализация будет очень отличаться от того, что являлось глобализацией до сих пор» [с. 4].

Здесь речь идет не о том, что китайский экономический рост в процентах ежегодно характеризовался двузначными цифрами, а планы индустриализации были воплощены в жизнь с большим успехом. Подобные результаты показали и другие восточноазиатские страны, а также Советский Союз с начала 1930-х по конец 1960-х годов. Даже то, что Китай в 2011 г. превзошел Японию по размерам ВВП и вышел на второе место в мире, а при теперешней разнице в темпах экономического роста с США может в течение 20 лет опередить и их, заняв первое место в мире по размерам ВВП, это имеет скорее символическое, нежели существенное значение – особенно учитывая то, что по уровню ВВП на душу населения Китай находится далеко позади индустриальных стран (2940 долл. в 2008 г.) и отличается очень высоким уровнем неравенства в распределении доходов (коэффициент Джини в 0,47). Существенны здесь не размеры ВВП Китая сами по себе, а масштабы, в которых в этой стране труд объединяется с капиталом при переработке сырья в готовую продукцию, и возможности инноваций, присущих китайской экономике и обществу. Достаточно посмотреть на суммы, вкладываемые китайскими властя-

ми в развитие, скажем, нанотехнологий (в китайской Академии наук ими занимаются 1200 сотрудников), растущее число китайских публикаций в области естественных наук и зарегистрированных патентов.

«Для понимания сущности китайского капитализма полезно обратить внимание на разнообразие видов предприятий в современном Китае. Здесь мы видим государственные компании, принадлежащие центральным властям, властям провинций и муниципальных образований, компании, принадлежащие Народно-освободительной армии Китая (такие, как Poly Technologies, которая имеет не только подразделения, занимающиеся разработкой вооружений, но также подразделения, занимающиеся скупкой недвижимости и продажей спортивных автомобилей Ferrary и Maserati). Мы видим также частные компании, которые ранее были в государственной собственности и сохранили тесные связи с правительственными министерствами (например, телекоммуникационный гигант Huawei), частные компании, руководящие посты в которых занимают партийные работники (так называемые "красные капиталисты"), обычные частные компании, совместные предприятия с иностранными партнерами, крестьянские хозяйства, грандиозная неформальная экономика, коррупционные сети, которые в значительной степени объединяют деловые отношения в Китае. Отметив все это многообразие, мы должны признать, что китайский капитализм является весьма противоречивым: партийное государство продолжает играть решающую роль в его функционировании. Это партийное государство является разновидностью классического ленинистского государства, построенного в Советском Союзе и внедренного в Китае после 1949 г. Поэтому китайскую экономику в настоящее время можно определить как "рыночный неоленинизм"» [с. 1228].

Элементами новой формы глобализации, порожденной этим рыночным неоленинизмом, можно счесть следующие. Во-первых, это транснационализация государственных компаний. В отличие от нынешней и предшествовавших форм глобализации, где частные компании являлись главными действующими лицами в мировой экономике, в глобализации, порожденной Китаем, главными действующими лицами являются государственные компании. В тех отраслях, где китайские компании уже стали, или становятся наиболее активными в мире (таких как добыча нефти, газа, других полезных ископаемых, строительство, финансовые услуги – например приобретение иностранных акций китайскими государственным фондами), и в таких различных странах, как Шри-Ланка, Эквадор, Ливия и Греция, компании, которые осуществляют китайскую экономическую экстернационализацию, частично или полностью принадлежат центральному прави-

тельству, а также провинциальным и муниципальным властям.

Можно рассмотреть китайские инвестиции в африканских странах. В 2011 г. 45% инвестиционных проектов осуществляли государственные компании и 55% – частные. Однако следует учесть, что 60% инвестиций государственных компаний направлялись в добычу полезных ископаемых (в том числе в нефтедобычу) и строительство, и только 6 – в обрабатывающую промышленность, в то время как частные компании 58% инвестиций направляли в обрабатывающую промышленность и сферу услуг, 16 – в добывающую промышленность и 6% в строительство. Это свидетельствует о том, что частные компании осуществляли небольшие и трудоемкие инвестиционные проекты, в то время как государственные – широкомасштабные и капиталоемкие.

Во-вторых, это глобализация, порожденная авторитарным государством. В данном случае можно вспомнить, что Тайвань и Южная Корея создали современный промышленный капитализм до 1987 г., когда там государство перестало быть авторитарным.

В-третьих, это глобализация, впервые порожденная развивающейся страной, которая ранее была объектом колонизации. В китайском общественном создании (и в государственной пропаганде) одно из ключевых мест занимает преодоление чувства национального унижения. Также это глобализация, порожденная страной, население которой не относится к белой расе – поэтому ключевую роль начинают играть вопросы расовой идентичности.

«Подъем Китая вызывает растущее беспокойство на Западе, и это беспокойство может вызвать ответную националистическую реакцию – возможно, с расовым оттенком. До сих пор глобализация была западным проектом. В той степени, в какой она становится проектом китайским, ход трансформации мировой экономики и ее результаты выяснятся с течением времени» [с. 1248].

С.В. Минаев

Свонайкер Ф.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ АФРИКИ

SWANIKER F. Africa's rising economies // Survival. – L., 2013. – Vol. 55, N 6. – P. 129–142.

Основатель и руководитель Академии африканского лидерства выявляет пять базовых факторов, которые стимулируют нынешний экономический подъем Африки и будут определять ее развитие в ближайшие 30–50 лет.

1. *Улучшение политического управления.* Нынешнее поколение африканских лидеров проводит политику, направленную на поддержание политической стабильности, которая является главным условием экономического роста. Число автократических режимов в Африке южнее Сахары сократилось с 36 в 1989 г. до 5 в 2004 г. [с. 130]. Современные африканские правительства осуществляют более ответственную, эффективную и сбалансированную макроэкономическую политику. Они сумели снизить темпы инфляции, стабилизировать обменные курсы своих валют, создали более благоприятные условия для бизнеса. Несмотря на трудности и проблемы, демократические режимы в Африке будут укрепляться. Залогом тому, считает Свонайкер, служит изменение ментальности населения. Как показала «арабская весна», оно становится более требовательным и менее терпимым к некомпетентным лидерам.

2. *Самые высокие в мире темпы прироста населения.* К 2035 г. численность трудовых ресурсов Африки превысит соответствующий показатель Китая. По возрастному составу население Африка – самое молодое в мире. Средний возраст африканца – 18 лет, а жителя Германии 44 года [с. 131]. В связи с ростом городского населения усиливается тенденция к сокращению числа детей в одной семье, что ведет к уменьшению количества иждивенцев в расчете на одного работающего и увеличению располагаемого семейного дохода.

3. *Урбанизация.* Африка урбанизируется быстрее, чем любой регион в мире. По оценке доклада ООН посвященной африканской урбанизации, численность городского населения в Африке в ближайшие 40 лет утроится и составит к 2050 г. 1,2 млрд человек [с. 132].

Города являются мощным двигателем экономического роста. Труд в городах более производительный, чем в сельской местности. Городские жители Африки имеют лучший доступ к таким современным услугам, как образование, здравоохранение, водо- и электроснабжение, Интернет.

В городах сосредоточен основной потенциал потребительских

расходов африканского населения. Согласно выводам доклада об экономическом подъеме Африки «Львы на марше», подготовленном исследовательским центром Маккинса в 2010 г., рост потребительских расходов африканского населения, а не повышение цен на основные экспортные африканские товары внес наибольший вклад в рост ВВП Африки в последнее десятилетие. В Африке сегодня насчитывается 128 млн семей, относящихся к среднему классу (семейный доход свыше 5 тыс. долл.). Потребительские расходы этих семей составили в 2008 г. 860 млрд долл., больше, чем в Индии и России. В следующем десятилетии эти расходы возможно достигнут 1,4 трлн долл. [с. 135].

4. *Рост грамотности и образованности африканского населения.* С момента независимости во всех сферах образования африканские страны достигли больших успехов. По данным ЮНЕСКО, в 2008 г. 63% взрослого населения были уже грамотными. А начальным образованием были охвачены 75% детей соответствующего возраста [с. 133]. И хотя по этим показателям африканские страны пока еще отстают от других развивающихся стран, тем не менее прогресс в области образования населения несомненный.

К моменту независимости только в 18 из 48 стран Африки южнее Сахары были университеты. Спустя 50 лет миллионы студентов обучались и обучаются в европейских и американских колледжах и университетах. Например, с 1976 по 1997 г. в американские высшие учебные заведения ежегодно поступали примерно 26 тыс. африканских студентов. В прошлом значительная часть этих студентов из-за неблагоприятных политических и экономических условий в африканских странах оставались за границей. Сегодня политическая стабильность и экономический подъем в африканских странах побуждают их возвращаться домой, открывать здесь свой бизнес или работать в правительственной администрации. По данным обследования, проведенного частной фирмой Джакана в Иоганнесбурге в декабре 2012 г., 70% африканских студентов, обучающиеся в американских и европейских школах бизнеса для получения степени магистра, планируют после окончания учебы вернуться в Африку для занятия бизнесом [с. 133]. Возвращение на родину дипломированных специалистов будет способствовать экономическому росту Африки.

5. *Изменения в мировой демографии и геополитике.*

Во-первых, развитые страны сталкиваются с проблемой старения населения, в связи с чем их системы социального обеспечения и пенсионные фонды испытывают перегрузки. Это означает, что они нуждаются в новых рынках с более прибыльными инвестициями. Инвестиции в Африке являются самыми прибыльными в мире и поэтому привлекают западных инвесторов.

Во-вторых, меняется международный имидж Африки. Все больше

она рассматривается не как континент, где происходят бесконечные войны и конфликта, процветает коррупция, а население голодает, но как регион огромных экономических возможностей. В последние пять лет влиятельные мировые исследовательские и финансовые организации (МакКинси, Бостонская консультативная группа и Голдман Сакс) публикуют доклады, в которых указывают на отличные перспективы африканских экономик.

В-третьих, идет становление Китая как ведущей экономической державы. Его возрастающее экономическое присутствие в Африке влечет за собой не только вливание миллиардов долларов в экономику африканских стран, но и усиливает их переговорные позиции с западными инвесторами.

В-четвертых, идет жесткая борьба США с терроризмом после терактов на ее территории, в частности установление контроля за глобальным движением денег. Эти ограничения затрудняют вывоз капитала из Африки, что в сочетании с благоприятными экономическими перспективами Африки способствуют тому, что больше богатства остается в самой Африки, а ранее вывезенные в западные страны капиталы постепенно возвращаются домой, что будет содействовать экономическому росту африканского континента.

Соединение внутренних и внешних факторов создают благоприятные экономические возможности для местного и иностранного бизнеса.

Существуют хорошие перспективы для долгосрочного инвестирования в африканский рынок недвижимости ввиду острой нехватки в быстрорастущих городах жилья и офисных зданий, стремительно расширяющийся потребительский рынок, развитие сети частных учебных заведений, инфраструктурные проекты и финансовые услуги.

Факторы, определяющие экономический подъем Африки, создают не только благоприятные экономические возможности, но и риски, которые должны учитывать африканские правительства и инвесторы.

Серьезные проблемы связаны с высокими темпами роста населения Африки. Увеличение численности трудовых ресурсов требует создания адекватного количества рабочих мест. Однако сегодня Африка не справляется с этой задачей. По данным доклада МакКинси, опубликованного в августе 2012 г., только 28% африканской рабочей силы имеют стабильную занятость, в то время как 63% – сосредоточены в различных формах самозанятости и уязвимой занятости (натуральном сельском хозяйстве и городской уличной торговле). Если тенденции предыдущего десятилетия сохранятся, то Африка будет создавать только 50% необходимых рабочих мест для устройства на работу тех, кто впервые вступает в рынок труда [с. 134].

Африканские правительства должны в большей мере сосредоточиться на увеличении в короткие

сроки рабочих мест, чем на росте ВВП. Если они не смогут решить эту задачу, то африканские страны столкнутся с невиданными ранее массовыми протестами населения, аналогичными тем, которые были в арабских странах во время «арабской весны», вызванной, в частности, отсутствием возможностей занятости.

Масштабная урбанизация также порождает очень большие риски. Если африканские правительства не сделают продуманное городское планирование и предоставления необходимых услуг растущему городскому населению своими приоритетами, то «мечта о городской Африке может превратиться для восьмисот миллионов городских жителей в кошмар» [с. 138].

Равным образом в условиях растущей привлекательности Африки для западных и китайских инвестиций африканские правительства должны учитывать свои национальные интересы и тщательно регулировать этот процесс. В противном случае Африке грозит экономический колониализм.

Еще один риск связан с растущим социальным неравенством в африканских обществах. Если экономический рост будет обогащать немногих, а основная масса африканского населения будет жить в бедности, то африканские правящие режимы столкнутся с мощными социальными взрывами.

Формулируя рекомендации для иностранных инвесторов, Свонайкер подчеркивает три принципиальных момента. Во-первых, необходима долгосрочная стратегия. Хотя Африка ныне развивается быстрыми темпами, она стартует с чрезвычайно низкого уровня. Свыше 60% ее населения по-прежнему едва сводят концы с концами, имея доход менее 2,5 долл. в день. Африка не станет процветающей в короткий срок. Даже при нынешних темпах роста ей потребуется 50–100 лет, чтобы достичь западных стандартов жизни. Тех, кто хочет сорвать в Африке большой куш за короткое время, ждет, скорее всего, разочарование. Только долгосрочные инвестиционные проекты могут принести большие прибыли.

Во-вторых, многие инвесторы совершают ошибку, ограничивая свои инвестиции только Южной Африкой, хотя здесь существуют в настоящее время более благоприятные возможности для бизнеса. Однако следует иметь в виду: темпы экономического роста ЮАР более чем в 2 раза ниже, чем в других странах Африки (менее 3% против 6–7%) [с. 140].

В ближайшие годы Нигерия станет крупнейший экономикой Африки. Те инвесторы, которые ищут динамичные рынки, должны выбирать страны Африки, расположенные к северу от ЮАР.

В-третьих, инвесторам следует сосредоточиться на городах – центрах экономической активности, что позволит им существенно сократить издержки. В Африке в настоящее время имеются 50 городов с населением свыше 1 млн человек.

В заключение Свонайкер определяет главную задачу для афри-

канских лидеров. «Африка стоит на пороге золотого века возможностей... Если африканские лидеры сумеют эффективно управлять мощными силами, формирующими будущее континента, и руководить взаимодействием с внешним миром, который проявляет к Африке растущий интерес, то они смогут добиться, чтобы простые люди Африки получили намного более справедливую долю богатств, которые будут созданы на континенте в ближайшие несколько десятилетий» [с. 142–143].

Ю.И. Комар

Хай М.

КОСМОЛОГИЯ СВОБОДЫ И БУДДИСТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРИ ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКЕ В МОНГОЛИИ

HIGH M. Cosmologies of freedom and Buddhist self-transformation in the Mongolian gold rush // J. of Royal anthropol. inst. – L., 2013. – Vol. 19, N 4. – P. 753–770.

Метте Хай – сотрудница факультета социальной антропологии Эдинбургского университета (Великобритания) – описывает встречи (2005, 2006, 2011) с ламами (буддистскими монахами) в сомоне Уянга (аймак Уверхангай) в Центральной Монголии.

Социалистический режим не был милостив к монгольским буддистам, причем преследование религии здесь, на периферии мирового социализма, было, может, даже больше, чем в его центре, в СССР. Тысячи лам были согнаны в лагеря, а многие убиты, монастыри были разрушены, реликвии уничтожены. Религия сохранялась нелегально, в простом народе. Пришла политическая свобода, а радости освобождения, сетуют ламы, нет, ибо не такая свобода делает, по буддистским представлениям, человека свободным (уход из мира иллюзий, выход из круга вечных перерождений).

Понятно, что простому человеку достичь истинно буддистского освобождения трудно: для этого нужна строгая монастырская жизнь, постоянные молитвы, глубокие медитации, уединение, надо быть «ламой высокой сутры» (deed hölgönii lam). Такие в Монголии есть, но не в Уянге. Для местных лам достижение просветления, нирвана не является главной целью. Они называют себя «ламами низкой сутры» (baga hölgönii lam), они вовлечены в обычную жизнь и сосредоточены в основном на помощи мирянам в деле облегчения их страданий [с. 756]. Ни один из местных уянгских лам не давал обета монашества. Большинство из них женаты, имеют детей и живут семейной жизнью, как и все остальные, пьют спиртные напитки, курят, едят мясо и вынуждены искать деньги. «Я не из тех лам, которые ставят перед собой цель стать чистыми, зато я молюсь за то, чтобы стало хорошо всему сущему» [с. 757]. «Я такой лама, которого люди приглашают, когда кто-то болеет… Я тогда читаю соответствующую молитву и дую на больное место, окропляю святой водой и охаживаю благовониями. Я сзываю благословение на них. Вот какой я лама» [с. 756].

Пришедшая в 1990-е годы в страну политическая свобода активизировала миграции и внесла в размеренную жизнь диссонанс. Народу в Уянге, считает один из

лам, она принесла только бедность и болезни. В богатой золотом Уянге народ бросился добывать его. Нельзя обвинять природу в том, что она так богата, а народ в том, что он так беден, но все сложилось так, что человек стал агрессивным как к своему ближнему, так и к природе, люди стали плохими. С 2000 г. Уянга стала «столицей ниндзя-старателей»[1]. На 2 тыс. пастухов в районе приходится более 8 тыс. копателей, которые ищут золото, в основном нелегально.

Уянгские ламы отмечают резкое расхождение нынешней копательской практики с буддистскими традициями монгольского народа: вместо того, чтобы заботиться о сохранении полученной человеком от Бога совершенной природы, человек предпочел корежить недра земли, пытаясь взять себе то, что по праву принадлежит богам – золото. Духи (lus) не просто владеют им, они тщательно скрывают его от человека и сторожат. Кроме того, «наши люди, – считают монахи, – никогда не стремились иметь как можно больше золота». И здесь линии старателей и монахов пересеклись: монахи смогли убедить старателей, что вместо того, чтобы воровать золото у духов, их следует уговорить поделиться богатствами земли. За помощью старатели обращаются к ламам, а те совершают ритуалы ублажения духов. К ламам обращаются также, когда условия добычи становятся особенно тяжелыми и работа «не идет». Обращаются все – и простые старатели-ниндзя и заправилы этого бизнеса.

«Когда ниндзя приходят ко мне с опухшими руками и ногами, я дую на них и они выздоравливают и думают, что всё в порядке, но это не так: они разрушают мир, в котором живут… Всё вокруг живое – не только люди и животные, но и растения и вода. Всё составляет единое целое» [с. 759]. Кое-кто из ниндзя проникается этими доводами и бросает свой промысел, но это скорее исключение, поскольку даже животноводство не представляет достойной альтернативы золотодобыче.

У социализма было некое моральное преимущество перед тем, что происходит сейчас: все тогдашние несправедливости легко списывались на идеал будущего общества, где все разделяют общие для всех ценности. Более того, некоторые ламы считают, что социалистический период притеснения религии оказался полезным для самой религии, к тому же социализм воспитывал человека-коллективиста, способного пожертвовать личным. Сейчас же у людей не осталось жалости ни к кому – они не помогут пьяному, валяющемуся на улице, не накормят голодную бродячую собаку, «они перестали заботиться о других; Монголия разрушила сама себя, ее разрушил ее же собственный народ» [с. 760]. Та свобода, к которой стремятся современные

1. Кроме общеизвестного, термин «ниндзя» в Монголии имеет значение самостоятельно работающих рудокопов.

монголы, эгоцентрична. Это свобода от социальных связей, свобода от моральных обязательств, свобода от ограничений со стороны природной среды. При этом социалистический атеизм стал хорошей базой для фундаментального индивидуализма, который вылился в нынешний неолиберальный бум старателей.

Монахи не только критикуют состояние дел, но виднейшие из лам выступают на стороне экологических движений, против бесконтрольной горнодобычи. Теперь перед тем, как открыть новый прииск, шахту, предприниматели советуются с ламами (как относительно самого предприятия, так и благоприятной даты для его начала). А в случае одобрения организуют церемонии освящения. Если дела идут плохо, прибыли компании падают – снова призывают монахов, на этот раз для проведения ритуалов ублажения духов. У монастырей появляются новые клиенты и новые серьезные доходы.

В Уянге деньги за проводимые ритуалы вносятся в кассу монастыря, а в конце каждого месяца монахи получают в зависимости от сана: те, что помоложе и пониже рангом – 60 тыс. тугриков (приблизительно 50 долл. США), а те что постарше – 100 тыс. тугриков (около 83 долл.) [с. 762]. Но это не все доходы лам: кроме фиксированной платы за ритуалы, монахи получают в качестве добровольных приношений сладости, творог, шелковые ткани и деньги. Самое большое в денежном отношении приношение составляло 20 тыс. тугриков (около 17 долл.) [с. 762]. Таким образом, в относительно бедном районе многие из лам монастыря в Уянге находятся в сравнительном материальном благополучии. Но «рекордсмены» среди них имеют в своей собственности компьютеры, иномарки, ценные бумаги. Народ это видит и осуждает. Лама, комментировавший автору эту ситуацию, возразил: народу стоит избавиться от зависти и жадности и покаяться в своих недостатках. «А когда я спросила его, не лучше ли поделиться своим богатством с бедняками, он сказал, что гораздо охотнее поделится с ними молитвами – для них это полезнее… и вообще для монгола лучше философия буддизма, а не богатство и обладание» [с. 763].

Обслуживание ламами ритуальных потребностей золотодобытчиков как бы оправдывает деятельность последних, легитимизирует то, против чего так горячо выступают буддисты. По сути, ламы вовлечены в политику наступления на природу. Но с другой стороны, не проводить эти обряды ламы не могут, потому что отказ мог бы расцениваться как своеобразное признание «пустоты» природы и свободы для человеческого произвола.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Д.В. Ефременко. Смена вех: Россия и украинский кризис
D.V. Yefremenko. The Change of Guidelines: Russia and the Ukrainian Crisis

Ключевые слова: Россия, Украина, Крым, Евромайдан, геополитическое соперничество, Европейский союз, мировой порядок, международная безопасность.

Keywords: Russia, Ukraine, Crimea, Euromaidan, geopolitical rivalry, European Union, world order, international security.

В статье представлен анализ основных факторов и последствий украинского кризиса. События на Украине рассматриваются как рубеж в трансформации современного мирового порядка и в развитии политических процессов в России. Хотя сам кризис далек от завершения, он, несомненно, окажет глубокое воздействие на архитектуру безопасности в Европе и Евразии.

The article provides an analysis of the background and consequences of the Ukrainian crisis. The crisis is considered as a watershed event for the existing world order and political process in Russia. Although the Ukraine crisis is an open-end process, it will undoubtedly have profound impact on the architecture of the European and Euroasian security.

Н.И. Кутепова. Современный этап эволюции социального государства: Факторы, противодействующие демонтажу

N.I. Kutepova. The Current Stage of the Social Welfare State Evolution: Factors Preventing Its Reversal

Ключевые слова: социальное государство, Россия в начале XXI в., социальная политика, экономическое благосостояние, уровень жизни, социальное неравенство.

Keywords: social welfare state, Russia in the early 21st century, social policy, economic welfare, life level, social inequality.

Сопоставление факторов, действующих «за» и «против» российской модели социального государства, позволяет выделить ее важную особенность – традиционную систему ценностей (среди них справедливость и солидарность), носителем которых остается значительная часть населения. Эта особенность при наличии ряда противоречивых тенденций дает шанс на сохранение социального фундамента.

The comparison of factors in favor and against the Russian model of the social welfare state allows to point out its important specificity – the traditional value system (including justice and solidarity) common to a considerable part of the population. Despite a number of contradicting trends this feature gives a chance to preserve the existing social base.

Ю.А. Нисневич. Политико-правовой концепт современного демократического государства

Yu.A. Nisnevich. A Political and Legal Concept of Modern Democratic State

Ключевые слова: демократическое государство, правовое государство, гражданское общество, социальное государство, верховенство закона, международное право.

Keywords: democratic state, *Rechtsstaat*, civil society, social welfare state, primacy of law, international law.

Ключевой признак правового государства состоит в признании высшей социальной ценностью человека, его прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. В формально-юридическом контексте более

85% государств – членов ООН являются участниками международных пактов о гражданских и политических правах. Однако это не означает, что в каждом из них действительно соблюдаются и защищаются права человека и гражданина и что государство действительно стремится быть правовым.

The core principle of the *Rechtsstaat* lies in postulating that of greatest social value are Man and his rights and freedoms as pronounced in the Common Declaration of Human Rights. Formally over 85 percent of the UNO member states participate in the international pacts of civil and political rights. However, this does not mean that each of them really observes human rights and strives to abide by the law.

П.И. Толмачёв. Внешнеэкономические факторы инновационного развития России

P.I. Tolmachev. External Economic Factors of Russia's Innovative Development

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., экономическая политика, внешнеэкономические отношения, инновационное развитие, мировой опыт, источники дохода.

Keywords: Russia in the early 21st century, economic policy, external economoc relations, innovative development, world experience, income sources.

Главными условиями успешного инновационного развития являются дальнейшая либерализация внешнеэкономического обмена, расширяющийся доступ к передовым техническим стандартам и методам государственного и корпоративного управления экономикой. Для России крайне важно найти собственный эффективный путь развития, что возможно лишь при условии *решения принципиального вопроса об источниках дохода для общества*.

The key conditions for successful innovative development are further liberalization of foreign economic exchange, wider access to up-to-date technical standards and progressive methods of state and corporate economic management. For Russia it is highly important to find its own efficient path of development which is possible only through the *solution of the principal problem of the society's income sources.*

Л.С. Косикова. Украинский кризис и его экономические последствия для России

L.S. Kosikova. The Crisis in Ukraine and Its Economic Consequences for Russia

Ключевые слова: Украина в начале XXI в. политический и экономический кризис 2014 г., экономические связи с Россией, секторальные риски и угрозы.

Keywords: Ukraine in the early 21st century, political and economic crisis of 2014, economic relations with Russia, sectoral risks and threats.

В статье рассматриваются предварительные итоги влияния украинского кризиса 2013–2014 гг. на экономику России и российско-украинское экономическое сотрудничество как на макроуровне, так и в важнейших отраслях и сферах двусторонних связей.

The author analyzes the preliminary effects of the 2013–2014 Ukrainian crisis upon Russia's economy and Russian-Ukrainian economic collaboration both on a macrolevel and in the crucial branches and spheres of their bilateral ties.

В.Н. Бабенко. Украинская государственность: Испытание историей и политикой

V.N. Babenko. Ukrainian Statehood: On Trial by History and Politics

Ключевые слова: Украина, украинская государственность, история Украины, политическая элита, политические институты, региональное развитие.

Keywords: Ukraine, Ukrainian statehood, history of Ukraine, political elite, political institutions, regional development.

Украинская государственность в течение многих веков была растворена в государственности соседних народов. В начале 1990-х годов в результате распада СССР Украина создала суверенное государство. Однако отсутствие единых традиций развития государственных институтов и эффективного механизма общения и взаимодействия привело к глубокому кризису украинской государственности.

Ukrainian statehood was for many centuries diluted in the statehood of the neighboring peoples. Ukraine succeeded to create its sovereign state as a result

of the USSR collapse in the beginning of the 1990's. But the absence of unitary traditions in the development of state institutions and effective mechanisms of sustaining homogeneity and cooperation caused a deep crisis of the Ukrainian statehood.

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова. Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества

R.Kh. Simonyan, T.M. Kochegarova. The Traumatic Experience of the 1990's as a Lesson for the Russian Society

Ключевые слова: постсоветская Россия, реформы 1990-х годов, шоковая терапия, социальная травма, историческая память.

Keywords: post-Soviet Russia, reforms of 1990's, shock therapy, social trauma, historical memory.

Историческая память сохраняется посредством передачи пережитого травматического опыта последующим поколениям и формирования защитных механизмов от его повторения. Скоро российская общественность будет отмечать 25-летие реформ. Это дает возможность широкой дискуссии не только специалистов-историков, но ее участников и свидетелей.

Historical memory is sustained due to the transfer of bygone traumatic experience to next generations and formation of protective mechanisms against its repetition. Soon the Russian public will commemorate 25 years of the reform. It allows for a wide discussion among not only historians but its participants and witnesses as well.

Г.Б. Орланов. Трансформация властно-управленческой вертикали: Социологический анализ

G.B. Orlanov. The Transformation of the Power Management Vertical: A Sociological Analysis

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., политическая система, властная вертикаль, обратная связь, социальный контракт.

Keywords: Russia, early 21st century, political system, authority vertical, reverse communication, social response, social contract.

Укрепляясь (что естественно для любой власти), властная вертикаль в то же время теряет социальный капитал и не находит тех схем социально-экономического взаимодействия с основной массой населения, которые предопределили бы возрастающую конкурентоспособность страны в мировых процессах. Выход связан с нахождением оптимального баланса горизонтальных и вертикальных составляющих, прежде всего в сфере социально-трудовых отношений.

Striving for consolidation (which is natural for any power) the authority vertical loses at the same time its social capital and misses the routes of social and economic interaction with the most of the population which could determine the growth of the country's competitiveness in the world. The solution lies in finding the optimal balance between horizontal and vertical components, firstly in the sphere of social and labor relations.

В.М. Шевырин. К осмыслению Первой мировой войны
V.M. Shevyrin. Toward Rethinking World War I

Ключевые слова: Первая мировая война, причины, последствия, Россия, Германия, международные отношения, кризис монархий.

Keywords: World War I, causes, consequences, Russia, Germany, international relations, crisis of monarchies.

Все народы в начале войны пережили «медовый месяц» патриотического воодушевления и только в ходе войны к ним приходило «отрезвление», отвращение к ней, которое в конце концов стало одним из решающих факторов ее прекращения. Смысл Первой мировой войны состоит в предостережении человечеству, что в современных условиях война исчерпала свой исторический ресурс, ибо угрожает самому существованию современной цивилизации.

In the beginning of the war all nations experienced a honeymoon of patriotic inspiration and only in its course they achieved soberness and aversion which finally became one of the factors of its cessation. The meaning of World War I thus lies in a warning to the mankind that in the present day conditions the war has exhausted its historical resource for it threatens the very existence of modern civilization.

Л.П. Муромцева. Первая мировая война в памяти российской эмиграции
L.P. Muromtseva. World War I in the Memory of Russian Emigrants

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, российская эмиграция, память о войне, труды, музеи, реликвии.

Keywords: World War I, Russia, Russian emigration, memory of war, works, museums, relics.

Огромной заслугой российского зарубежья стало сохранение военно-исторических традиций старой России, уважение к могилам павших воинов, военной символике Русской армии. В эмиграции российские ученые опубликовали труды по истории Первой мировой войны. Сберегая знамена и другие воинские реликвии, эмигранты полнее ощущали свою сопричастность с событиями Великой войны. Они верили, что со временем все это будет востребовано и в самой России.

The greatest deeds of the Russian emigrants were the preservation of military-historical traditions of the Old Russia, respect for the graves of the deceased soldiers and military symbols of the Russian Army. They published works in the history of World War I, kept banners and other war relics, arranged exhibitions and established museums. They believed that in due time all of it would be welcomed within Russia.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2014 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

С.С. Алабян, О.В. Морозенкова. Внешнеэкономическая деятельность России в сфере услуг ... № 2, с. 180
В.Н. Бабенко. Украина в паутине национализма: Политические и правовые последствия ... № 2, с. 211
И.К. Богомолов. Русская печать о причинах и истоках Первой мировой войны (август 1914 г.) ... № 3, с. 133
Ван Чэньсин, Ли Син. Евразийский союз в оценках китайских исследователей ... № 2, с. 169
Е.Я. Виттенберг. Российская власть: Общество с ограниченной социальной ответственностью? ... № 3, с. 87
Ю.В. Даренский. Русская идентичность в современной Украине: Проблемы и перспективы ... № 2, с. 197
А.В. Кива. Арабский узел: Кто выиграл, кто проиграл от «арабской весны» ... № 1, с. 76
Кларк К. Лунатики: Как Европа пришла к войне в 1914 г. (Реферат) ... № 3, с. 152
М.Б. Конашев. «Великая академическая война» и альтернативная программа модернизации страны ... № 3, с. 118
А.В. Михалёв. «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России ... № 1, с. 93
Л.П. Муромцева. Первая мировая война в памяти российской эмиграции ... № 4, с. 155
О.Ю. Ожерельева, М.В. Хубутия. Эклектизм и архаизация современной российской мифологии ... № 3, с. 107
Г.Б. Орланов. Трансформация властно-управленческой вертикали: Социологический анализ ... № 4, с. 124
В.А. Радзиевский. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: Исторический и этнолингвистический экскурс ... № 2, с. 187

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова. Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества ..... № 4, с. 108
Хвальба А. Самоубийство Европы. Великая война 1914–1918 гг. (Реферат) ..... № 3, с. 143
В.Н. Чернега. Россия и ЕС: Проблема исторического выбора ..... № 2, с. 154
Т.В. Черноморова. Неравенство в доходах в эпоху глобализации ..... № 1, с. 55
В.М. Шевырин. К осмыслению Первой мировой войны ..... № 4, с. 134

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Бабенко. Украинская государственность: Испытание историей и политикой ..... № 4, с. 96
Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. Внешнеэкономические связи и интеграционный выбор Украины ..... № 3, с. 29
В.А. Васильев. Грекокатолицизм как один из компонентов украинского национализма ..... № 3, с. 46
Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: Дискуссии и споры, с 1914 г. до настоящего времени. (Реферат) ..... № 2, с. 120
Гатрелл П. Россия в Первой мировой войне: Социально-экономическая история ..... № 2, с. 133
И.И. Глебова. В поисках утраченной войны: Первая мировая в российской истории и памяти ..... № 2, с. 93
М.В. Глигич-Золотарева. Аудит эффективности как фактор государственного управления ..... № 1, с. 21
Д.В. Ефременко. Российская внешняя политика и экспертно-аналитические организации ..... № 1, с. 37
Д.В. Ефременко. Смена вех: Россия и украинский кризис ..... № 4, с. 6
Ю.И. Игрицкий. Украина в огне ..... № 3, с. 56
Л.С. Косикова. Украинский кризис и его экономические последствия для России ..... № 4, с. 81
В.Н. Крутько. Демографические проблемы России: Сетевой проект решения ..... № 2, с. 81
Н.И. Кутепова. Современный этап эволюции социального государства: Факторы, противодействующие демонтажу ..... № 4, с. 29
Т.Г. Леонтьева. Православное духовенство в годы Первой мировой войны ..... № 2, с. 104
И.Г. Минервин. Ресурсная экономика в России и мире: Дары природы и человеческий фактор ..... № 3, с. 6

Ю.А. Нисневич. Политико-правовой концепт современного демографического государства ... № 4, с. 40
Ю.С. Пивоваров. Россия: Четырнадцатый год ... № 2, с. 6
Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова. Российские реформаторы 1990-х годов: Общественно-политический портрет ... № 2, с. 35
Э.Н. Соболев. Социальное партнерство в России: Эффективность и перспективы ... № 1, с. 6
П.И. Толмачёв. Внешнеэкономические факторы инновационного развития России ... № 4, с. 53
Ф.О. Трунов. Россия – ФРГ: Взаимодействие в урегулировании военно-политических кризисов при правительстве Г. Шрёдера ... № 4, с. 68
Холквист П. Революция ковалась в войне: Непрерывный кризис в России 1914–1921 гг. (Реферат) ... № 2, с. 144

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг. (Тенденции и перспективы) ... № 1, с. 102
А.В. Докучаева, В.П. Михайлов, Л.В. Федорченко. Российская культура – связующий фактор на постсоветском пространстве ... № 1, с. 128
И.Я. Левяш. Идея «интеграции интеграций» и перспективы Украины ... № 1, с. 116
В.А. Мищенко. Семейные ценности и информационная политика РФ ... № 3, с. 180
А.Ф. Расулев, К.В. Павлов, Н.Р. Асадуллина. Экономика Узбекистана в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве ... № 3, с. 157
П.Я. Циткилов. Система социальной защиты в Республике Казахстан ... № 3, с. 169

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Н.Ю. Ахапкин. Российский рынок труда: Стагнация, стабилизация или рост? ... № 3, с. 198
В.А. Ковалёв. Наше непредсказуемое прошлое: Попасть в альтернативу ... № 1, с. 141
С.А. Королёв. Архив в пространстве истории: Метаморфозы и тренды ... № 2, с. 222

И.Н. Лаврикова. Массовый праздник: Из прошлого в настоящее ..... № 2, с. 249
Т.В. Леженина. Развитие экономики Дальнего Востока: Роль иностранных инвестиций ..... № 3, с. 209
В.В. Пациорковский. Человек и инновационно-технологическое развитие: От территориальной к пространственной организации общества ..... № 1, с. 162
Е.В. Реутов, М.Н. Реутова. Социальное доверие в российском обществе: Тенденции и противоречия ..... № 1, с. 173
Д.И. Рублёв. Опыт гражданской самоорганизации: Движение против уплотнительной застройки в Москве, 2007–2008 гг ..... № 2, с. 238
А.Н. Шеповальников, Д.Е. Мохов. О системной стратегии обеспечения здоровья и сбережения нации ..... № 3, с. 188
Е.Е. Шестакова. Долгосрочный уход за пенсионерами: Опыт стран ОЭСР ..... № 4, с. 166

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Борко. Пятидесятники ..... № 4, с. 178
Д.В. Мельник. «Ленинградское дело» и советская политэкономия ..... № 4, с. 202

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Перечитывая Струве. Империя и современное государство (заочный «круглый стол») ..... № 1, с. 189
П.Б. Струве. Никита Муравьёв и Павел Пестель. «Российская» (имперская) и «русская» (национально-централистская) идеи в политических проектах декабристов ..... № 1, с. 182

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Г.С. Голицын. Поездка в США в 2008 г. ..... № 4, с. 225
П.Н. Гордеев. Артист и Революция: А.И. Сумбатов-Южин о России в 1917 г. ..... № 3, с. 221
Л.П. Муромцева. Историко-культурные традиции в жизни российской эмиграции ..... № 1, с. 210
Н.А. Родионова. Дворянка в послереволюционной России (Т.И. Лещенко-Сухомлина) ..... № 3, с. 231

В.А. Росов. И.К. Окулич – патриот Сибири ..... № 4, с. 216

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В.Э. Булатов. Научная работа в Государственном историческом музее ..... № 3, с. 240
В.П. Викулова. Московский «Дом Н.В. Гоголя»: Организация культурно-образовательного пространства ..... № 1, с. 232
В.В. Леонидов. История создания Музея Леонида Пастернака в Оксфорде ..... № 2, с. 267
И.И. Орлик. Журналу «Мир перемен» десять лет ..... № 1, с. 225
Д.В. Родионов. Национальный музей театра ..... № 2, с. 259
П.Е. Фокин. Музей-квартира Ф.М. Достоевского ..... № 3, с. 247

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Зарубежные экономисты о причинах падения темпов экономического роста в России ..... № 1, с. 238
Свонайкер Ф. Экономический подъем Африки ..... № 4, с. 233
Тахара Фумики. Лидер, агент или наблюдатель? Управление и руководство в китайской и российской деревнях ..... № 1, с. 243
Фабр Г., Грюмбаш С. «Настоящий большой скачок» в Китае: Политика в области научных исследований и инноваций ..... № 1, с. 249
Хай М. Космология свободы и буддистская трансформация личности при золотой лихорадке в Монголии ..... № 4, с. 238
Хендерсон Д., Аппельбаум Р., Хо С.И. Глобализация с китайскими чертами ..... № 4, с. 228

АННОТАЦИИ

№ 1 ..... с. 256
№ 2 ..... с. 271
№ 3 ..... с. 252
№ 4 ..... с. 241

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4–2014 (85)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 08.12.2014 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 20,6 Уч.-изд. л. 15,4
Тираж 900 экз. Заказ № 191

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9